

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписка на журнал
«Вестник Пермского университета.
Философия. Психология. Социология»
осуществляется через подписное
агентство «Урал Пресс».
Подписной индекс — 41011

Адрес редакционной коллегии
614068, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Александр Юрьевич Внутских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАН, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора
Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ

Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, профессор кафедры философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь).

Лариса Павловна Клященко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Лева Асканазович Мусаев (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург).

Екатерина Сергеевна Черепанова (докт. филос. наук, профессор, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, директор Института по переподготовке и повышению квалификации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (докт. психол. наук, профессор, акад. РАО, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва).

Милена Валерьевна Былева (докт. психол. наук, доцент, профессор кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров).

Александр Октабринович Прохоров (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань).

Елена Евгеньевна Сапогова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ

Ольга Ивановна Бородкина (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Евгения Анатольевна Козай (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск).

Наталья Александровна Лебедева-Несеверя (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь).

Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург).

Сергей Александрович Судьин (докт. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Андрей Юрьевич Дудчик (канд. филос. наук, доцент, зам. директора по научной работе НАН Беларуси, Минск, Беларусь).

Александр Алексеевич Строчанов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта-Линдона, Линдонвилл, Вермонт, США).

Дьёрдь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия).

Джорджисо Де Маркис (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Мадрид, Испания).

Стивен Д. МакДауэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Пол Эйткен (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

*Founder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State University»*

The scientific journal
has been published
by the Perm State University
since 2010

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:*

- 5.7.1 Ontology and theory of knowledge
- 5.7.2 History of philosophy
- 5.7.7 Social and Political philosophy
- 5.7.8 Philosophical anthropology,
philosophy of culture
- 5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology
- 5.4.1 Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.4 Social structure, social institutions and processes
- 5.4.7 Sociology of management

The periodical is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).

The Mass Media Registration Certificate
ПИ № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription to the journal
«Perm University Herald.
Philosophy. Psychology. Sociology»
is carried out through an agency «Ural Press».
Subscription index — 41011

Address of Editorial Board

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm,
Perm Krai, Russia, 614068.
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

© Perm State University, 2026

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnutskikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY

Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Culturology and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm).

Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Head the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm).

Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow).

Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow).

Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg).

Ekaterina S. Cherepanova (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Director of the Institute for Retraining and Advanced Training, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow).

Milena V. Baleva (Doctor of Psychology, Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg).

Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg).

Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov).

Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan).

Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY

Olga I. Borodkina (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg).

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm).

Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk).

Natalya A. Lebedeva-Nesevrya (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm).

Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg).

Sergey A. Sudjin (Doctor of Sociology, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod).

EDITORIAL BOARD

Andrey Yu. Dudchik (Candidate of Philosophy, Docent, Deputy Director for Science of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus).

Alexandre A. Strokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA).

Gyorgy Sarvari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary).

Georgio De Marchis (Ph.D., Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Madrid, Spain).

Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA).

Michael E. Ruse (Ph.D., Lucyle T. Werkmeister Professor, Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, Tallahassee, FL, USA).

Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

ФИЛОСОФ И ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (Тематический выпуск)

THE PHILOSOPHER AND PHILOSOPHY IN THE MODERN WORLD (Special issue)

Какими быть философу и философии в современном мире? (от редакции)	165	Rethinking the role of philosophers and philosophy in the modern world (an editorial)
Русский герой в современном мире: онтология, социальная реальность и технология <i>Габриелян О.А., Гарбузов Д.В.</i>	166	The Russian hero in the modern world: ontology, social reality, and technology <i>Oleg A. Gabrielyan, Dmitry V. Garbuzov</i>
Анализ проявления мифологической истины в политических образах <i>Лемаев Т.В.</i>	177	Analysis of the manifestation of mythological truth in political images <i>Timofey V. Lemaev</i>
Зачем нужно реабилитировать ленинский диалектический материализм? <i>Брянник Н.В.</i>	188	Why is it necessary to rehabilitate Lenin's dialectical materialism? <i>Nadezhda V. Bryanik</i>
Цифровая реальность: смысл и значение <i>Комаров С.В., Поросенков С.В.</i>	199	Digital reality: meaning and significance <i>Sergey V. Komarov, Sergey V. Porosenkov</i>
Основные категории научной онтологии и философия информационного общества <i>Орлов С.В.</i>	211	Main categories of ontology and the philosophy of information society <i>Sergey V. Orlov</i>
Внедрение искусственного интеллекта в политическую деятельность: постановка проблемы <i>Санникова Е.А., Внутских А.Ю.</i>	222	Artificial intelligence implementation in political activity: problem statement <i>Elena A. Sannikova, Alexander Yu. Vnutskikh</i>

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

Учение Ф. Brentано о первичном акте сознания <i>Торошчин Е.А.</i>	235	F. Brentano's theory of the primary act of consciousness <i>Yegor A. Toroshchin</i>
Религиозный смысл семьи в антропологии В.В. Розанова <i>Сухорукова Е.И.</i>	244	The religious meaning of the family in V.V. Rozanov's anthropology <i>Ekaterina I. Sukhorukova</i>
Фикции в идеологическом дискурсе современной России <i>Козырев М.С.</i>	259	Fictions in the ideological discourse of modern Russia <i>Maxim S. Kozyrev</i>

Отрицание как источник
творческого акта 272
Бичкина А.А.

Negation as a source
of a creative act
Alina A. Bichkina

Является ли активность
больших языковых моделей
творческой деятельностью? 280
*Внутских А.Ю., Кузнецов А.Г.,
Оконская Н.К., Штин М.Н.*

Can the activity
of large language models
be considered creative work?
*Alexander Yu. Vnutskikh., Andrey G. Kuzhetsov,
Natalia K. Okonskaya, Mikhail N. Shtin*

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Чат-бот DeepSeek как инструмент
психологического сопровождения
переживания значимых событий 290
Фрейманис И.Ф., Бергфельд А.Ю.

The DeepSeek chatbot as a tool for
psychological support
in processing significant life events
Inga F. Freimanis, Alexandra Yu. Bergfeld

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Церковь как институт социализации:
роль значимого другого в
пространственно-демографическом
развитии (на примере проекта
«Живем для России») 305
Кудасова Ю.А.

The church as an institution of socialization:
the role of the significant other
in spatial and demographic development
(case study of the
“We live for Russia” Project)
Yulia A. Kudasova

Ожидания как фактор
студенческой миграции 315
Стоянов А.С.

Expectations as a factor
of student migration
Alexander S. Stoyanov

Информация для авторов 330

Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

ФИЛОСОФ И ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

(Тематический выпуск)

УДК 101.1

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-165><https://elibrary.ru/xtknnm>*Поступила: 02.06.2026**Принята: 09.06.2026**Опубликована: 03.07.2026*

КАКИМИ БЫТЬ ФИЛОСОФУ И ФИЛОСОФИИ

В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ?

(ОТ РЕДАКЦИИ)

RETHINKING THE ROLE OF PHILOSOPHERS AND PHILOSOPHY

IN THE MODERN WORLD (AN EDITORIAL)

Тематическая часть второго выпуска нашего журнала за 2026 год включает материалы, представленные в качестве докладов на Всероссийской научной конференции с международным участием «Философ и философия в современном мире» (Пермь, 22 октября 2025 г.) Конференция была приурочена к 75-летию кафедры философии и 30-летию философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

Проведение философских конференций в Пермском классическом университете имеет давнюю историю. В 1967–1975 гг. по инициативе основоположника Пермской школы философии, д-ра филос. наук, заведующего кафедрой философии В.В. Орлова проводился ряд конференций «Философия пограничных проблем науки», в 1977–1990 гг. — конференции под общим названием «Фундаментальные проблемы философии». Традицию проведения ежегодной научной конференции продолжили новые заведующие кафедрой философии

ПГНИУ — д-р филос. наук Л.А. Мусаелян и д-р филос. наук С.В. Поросенков.

Конференция 2026 года была посвящена обсуждению роли и места философии в современном мире, ответственности философа за существование человека, за судьбу культуры и перспективы общественного развития, значению философского знания в современном университетском образовании. В конференции приняли участие около 40 докладчиков из Перми, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Кирова, Нижнего Новгорода, Махачкалы, Екатеринбурга, Сургута, Нижневартовска, Якутска, Благовещенска и других научных центров России, а также из Республики Беларусь.

Редколлегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» в качестве партнера Организационного комитета конференции приглашает коллег-философов к участию в работе этого замечательного, ежегодно проводящегося научного форума!

УДК 111.83

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-166-176><https://elibrary.ru/srtley>

Поступила: 09.11.2025

Принята: 21.11.2025

Опубликована: 03.07.2026

РУССКИЙ ГЕРОЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОНТОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕХНОЛОГИЯ

Габриелян Олег Аршавирович, Гарбузов Дмитрий Викторович

Крымский федеральный университет им В.И. Вернадского (Симферополь)

Образ героя как культурный институт относится к фундаментальной проблематике, поскольку имеет конституирующее значение для самоопределения любого социума и, конечно, такого сложного как российское. Это объясняет, почему культура героического становится одной из приоритетных целей в рамках гибридной прокси-войны Запада против России посредством технологий социальной инженерии. Традиционный образ героя разрушается и заменяется симулятивными конструктами, которые активно создают и продвигают глобальные массмедиа, эксплуатируя прежде всего бессознательные структуры психофизики, связанные с влечениями и инстинктами человека. Культурный архетип героя представляет собой подсистему коллективного бессознательного как надличностной структуры. Он, с одной стороны, выступает связующим и объединяющим концептом, превращающим население в народ, а с другой стороны, способствует самоидентификации каждого человека в его повседневной жизни как представителя данного конкретного сообщества, разделяющего его мифологию. Процесс социализации реализует себя в том числе как адаптация архетипа героя, посредством которого у разных народов и в различные времена тот обретает специфические особенности культуры и цивилизационного ареала. В настоящее время механизм социального манипулирования развился до такой степени, что нарушена сама возможность возникновения более-менее устойчивых надличностных структур как локального, так и глобального характера. Манипулирование общественным сознанием подменило формирование образа героя как архетипа, реализованного в мифологемах конкретных культур. Но манипуляция — это действие на короткую временную дистанцию, а культурное влияние и трансформация — это решение стратегического уровня: культурного, цивилизационного. В такой стратегической перспективе можно говорить об эволюции этики и героического как нравственного идеала и ценности, раскрывающего архетип героя в конкретной культуре и цивилизации. Социальная онтология героизма должна быть не только внедрена в повседневность, но и должна быть сформирована соответствующая система, все элементы которой усиливали бы ее значимость. По сути, должна быть создана экосистема героического.

Ключевые слова: герой, героическое, новая социальность, архетип, нейросетевая модель, надличностная структура, манипуляция, культурное влияние.

Для цитирования:

Габриелян О.А., Гарбузов Д.В. Русский герой в современном мире: онтология, социальная реальность и технология // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 2. С. 166–176. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-166-176>. EDN: SRTLEY

THE RUSSIAN HERO IN THE MODERN WORLD: ONTOLOGY, SOCIAL REALITY, AND TECHNOLOGY

Oleg A. Gabrielyan, Dmitry V. Garbuzov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol)

The image of the hero as a cultural institution is one of fundamental problems as it is crucial to the self-determination of any society, including such a complex one as Russia's. This explains why heroic culture is becoming a priority target in the West's hybrid proxy war against Russia conducted through social engineering technologies. The traditional image of the hero is being destroyed and replaced by simulative constructs. These are actively created and promoted by global mass media, which primarily exploit unconscious psychic structures of associated with human drives and instincts. The cultural archetype of the hero represents a subsystem of the collective unconscious as a suprapersonal structure. On the one hand, it acts as a connecting and unifying concept, transforming the population into a people; on the other hand, it facilitates the self-identification of each person in their daily life as a representative of a given community who shares its mythology. The process of socialization realizes itself, among other things, as the adaptation of the hero archetype, through which it acquires specific cultural and civilizational characteristics across different peoples and eras. Currently, the mechanism of social manipulation has developed to such an extent that the very possibility of the emergence of more or less stable suprapersonal structures, both local and global, has been undermined. Manipulation of public consciousness has replaced the formation of the image of the hero as an archetype embodied in the mythologies of specific cultures. However, manipulation is a short-term action, while cultural influence and transformation refer to the strategic (cultural, civilizational) level. From this strategic perspective, we can speak of the evolution of ethics and heroism as a moral ideal and value revealing the heroic archetype in a specific culture and civilization. The social ontology of heroism must not only be embedded in everyday life but also supported by a corresponding system that should be formed, with all its elements enhancing its significance. Essentially, an ecosystem of heroism must be created.

Keywords: hero, heroic, new sociality, archetype, neural network model, suprapersonal structure, manipulation, cultural influence.

To cite:

Gabrielyan O.A., Garbuzov D.V. [The Russian hero in the modern world: ontology, social reality, and technology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 2, pp. 166–176 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-166-176>, EDN: SRTLEY

Введение

Кризисы современного мира хотя и носят политический, экономический и даже военный характер, в основе своей имеют межцивилизационные противоречия. Противостояние между коллективным Западом и его ядром — англосаксонским миром, с одной стороны, и Россией как уникальной цивилизацией — с другой, в настоящее время перешло в горячую фазу во-

енных действий на территории Украины. Под угрозой оказались суверенитет и само существование России. Для страны проблема приобрела экзистенциальный характер.

Цивилизационный выбор России ориентирован на традиционные ценности, основанные на социокультурном коде составляющих ее народов. В рамках гибридной прокси-войны Запада против России его усилия направлены на разрушение традиционных ценностей путем

их подмены деструктивными симулякрами посредством технологий социальной инженерии. В том числе разрушается и традиционный образ героя и заменяется симулятивными конструктами, которые активно создают и продвигают массмедиа, эксплуатируя прежде всего бессознательные структуры психофизики, связанные с влечениями и инстинктами человека.

Проблема осложняется тем, что концептуальный каркас современных российских массмедиа на концептуальном, программном и технологическом уровнях является продуктом западной цивилизации, и за постсоветский период произошла существенная вестернизация массмедийного пространства России, что имеет свои известные отрицательные последствия.

Заявленная проблематика нашла свое отражение в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, где в качестве одной из основных информационных угроз рассматривается «наращивание информационного воздействия на население России, в первую очередь, на молодежь в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В качестве основных направлений обеспечения информационной безопасности представлены, в том числе, действия по «нейтрализации информационно психологического воздействия в том числе, направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой отечества», а также «нейтрализация информационного воздействия, направленного на размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Указ..., 2016].

Отмеченная проблематика требует своего научного фундаментального исследования, т.к. затрагивает основополагающие вопросы междоцивилизационного взаимодействия, идентичности, суверенности народов и аутентичности культур. Образ героя относится к фундаментальной проблематике, т.к. имеет конституирующее значение для самоопределения любого социума и, конечно, такого сложного, как российское. *Актуальность* обозначенной проблемы подтверждается Указом Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Указ..., 2022].

1. Онтология героя и героического

Понять феномен героя — значит осмыслить сущность героического, его онтологию. В этой связи вполне обоснованно обратиться к К.Г. Юнгу, который изучил и описал образ героя в различных культурах и сделал вывод, что этот образ является архетипическим [Габриелян О.А., Сулейменов И.Э., 2021]. Под архетипом он понимал простые и функциональные образы коллективного бессознательного. Сравнительное определение архетипа по К. Юнгу звучит следующим образом: «Здесь я должен пояснить разницу между архетипами и инстинктами. То, что мы называем инстинктами, является физиологическим побуждением и постигается органами чувств. Но в то же самое время инстинкты проявляют себя в фантазиях и часто обнаруживают свое присутствие только посредством символических образов. Эти проявления я и назвал архетипами. Они не имеют определенного происхождения; они воспроизводят себя в любое время и в любой части света, даже там, где прямая передача или «перекрестное оплодотворение» посредством миграции полностью исключены» [Юнг К., 1991, с. 65]. В статье «Архетип: возможность операционализации понятия и истолкование феномена с позиций теории нейронных сетей» мы постарались описать объективный механизм формирования феномена архетипа как результат групповой коммуникации. Построили соответствующую нейросетевую модель. *В информационно-коммуникативной среде (она шире среды общения) формируется надличностный объект дуальной природы. По контенту он носит субъективный характер, а по каналам коммуникации и носителям он реален и объективен.* «...Общество де-факто формирует (представляет собой) глобальную сеть, которая является нейронной в исходном (биологическом) значении данного термина» [Габриелян О.А., Сулейменов И.Э., 2021, с. 17–23]. Нейронная модель хорошо описывает механизм формирования надличностных структур в коллективном бессознательном [Suleimenov I.E., Gabrielyan O.A., 2024, p. 19–31]. Собственно, и само коллективное бессознательное есть такая надличностная структура, формируемая посредством взаимодействия (коммуникации) индивидуальных нейросетей конкретных людей,

включенных в общую сеть общения членов общества. *Архетип героя представляет собой подсистему коллективного бессознательного как надличностной структуры. Именно в таком объяснении мы видим онтологические основания архетипа героя.*

Онтологическая значимость заключается в том, что образ героя ввиду своей архетипичности является, с одной стороны, связующим и объединяющим концептом, превращающим население в народ, с другой стороны, способствует самоидентификации каждого человека в его повседневной жизни как представителя именно данного конкретного сообщества, разделяющего его мифологию и в том числе — его героику. «Миф о герое является неустранимым, необходимым и во многих случаях созидательным компонентом общественного сознания, которое не может довольствоваться только рациональными аргументами, поэтому мифологическая интерпретация событий и прогнозы, придающие особую, эмоционально окрашенную значимость нашим ценностям, убеждениям, целям на будущее, всегда востребованы. Этот миф, обращенный к различным пластам отражения действительности в психике человека (включая бессознательное), выступает как средство объяснения действительности, делая ее более доступной пониманию» [Суравнева И.М., 2006].

Героика несет в себе как семиотическую нагрузку, так и этическую составляющую. посредством социализации (коммуникационный процесс — символический и содержательный обмен) через различные общественные институты происходит не только расширение персонального горизонта, но и обратное воздействие, позволяющее передавать традицию и адаптировать ее к условиям изменяющейся действительности. Процесс социализации реализует себя в том числе как адаптация архетипа героя, посредством которого у разных народов и в различные времена он обретает специфические особенности культуры и цивилизационного ареала.

Герой является носителем героического. Последнее представляет собой, в первую очередь, некий нравственный идеал. Здесь снова можно обратиться к нейросетевой модели [Сулейменов И.Э., Габриелян О.А., 2024]. Она объясняет объективный характер формирова-

ния такого идеала в общем этическом поле того или иного общества [Gabrielyan O.A., Suleimenov I.E., 2025, с 45–59]. Язык, этика, бюрократия, социокультурный код народа — социальные феномены разной природы, но адекватно описываются одной и той же нейросетевой моделью [Габриелян О.А., Сулейменов И.Э., 2023]. Понимание механизма формирования подобных надличностных структур открывает перспективу влияния на них. В истории этот процесс занимал длительный период. Мы можем видеть эту медленную смену, анализируя исторические эпохи от Античности до Нового времени. Культура в целом работала над их формированием. Со временем появлялись новые технологии коммуникации. Это не только технологии передачи текстов (книга, газета, телеграф, телефон), но и новые технологии передачи визуальной информации (живопись, театр, кинематограф). Говоря шире, стали разнообразнее формы коммуникации, что позволяло активнее формировать не только культурные, но и цивилизационные агломерации, вплоть до ноосферы в целом.

К функционалам образа героя, наряду с интеграционными и этическими аспектами, стоит отнести и даже вынести на первое место чрезвычайно значимую функцию концептуализации всей социальной конструкции. Это значит, что образ героя конституирует общество на всех уровнях: формирует и субъектную реальность, и ткань социальных межсубъектных отношений. «Герой — агент, провоцирующий Другого, вовлеченного в бытие-с-ним. Причастность Другого испытательно-воспитательному формированию личности — не однонаправленный акт, но момент взаимодействия, которое получает название внутренней социальности, и во внутренней социальности трансформируется и экзистенция самого Героя. Человек, однажды вставший лицом-к-лицу с Героем в пространстве его речи или говорения о нем, в любом случае претерпевает внутренне социальную трансформацию, воспринимая его и способ его бытия, в идеальном случае — включаясь в него и принимая его для себя как собственное бытие» [Серединская Л.А., 2012, с. 11].

2. Новая социальность

Вестернизация *Русского мира* несла серьезные вызовы. С образами Супермена, Человека-

паука, Росомахи, Капитана Америка, Халка, Железного человека, Дарт Вейдера и др. в российское культурное пространство входили герои общества потребления, а с ними и этические нормы этого общества [Габриелян О.А., Зоткин А.А., 2024]. К настоящему времени рано говорить об устоявшейся новой социальности, но на поверхности социальных отношений явно проступают факторы социальной стратификации по доходам и собственно технологическому разделению труда. Однако *порождаемые ими социальные страты, слои, группы, общества и т. п. часто носят нечеткий, неопределенный характер*. Эти группы нестабильны, трансферы между ними происходят случайным образом, по крайней мере, в российском обществе. Отсюда и разнообразие их обозначения. Сформировались такие социальные группы, которые обозначаются как информалитет, прекариат, андеркласс и др., что свидетельствует об активизации процессов социальной дифференциации, ослаблении механизмов социальной консолидации. Очевидно, что это угрожает стабильности общества, размывает общее этическое поле, ведет к дифференциации героического по социальным группам. Образ героя распадается на его потребительские суррогаты — симулякры [Габриелян О.А., Гарбузов Д.В., 2025].

Сообщества новой социальности часто не имеют социально-значимых параметров для самоидентификации. Более того, эти личностные идентичности человека характеризуются множественностью, а также их наложением и пересечением, как в реальном, так и в виртуальном мире. Общество по своей природе перестает быть традиционным, при том что государство и сами граждане в массе своей хотят сохранить традиционные ценности, но, очевидно, в каком-то новом формате. Актуальным становится вопрос: а насколько это возможно?

Жан Бодрийяр еще в 1970 г. написал книгу «Общество потребления: его мифы и структура» [Бодрийяр Ж., 2006]. Он характеризовал его как общество самообмана, в котором доминируют симулякры и утрачивается сама перспектива подлинности, оригинальности [Бодрийяр Ж., 2006]. Способом выживания общества становится производство *симулякров* (копий того, чего больше нет и не нужно для потребления) как искусственно создаваемого дефици-

та [Бодрийяр Ж., 2015]. Потребление в современном обществе стало воображаемым. Оно оторвалось от естественного потребления и искусственно генерирует социальную дифференциацию для поддержания экономического роста в любых условиях. В известной степени его предтечами были Герберт Маркузе («Одномерный человек») [Маркузе Г., 1994] и Эрих Фромм («Иметь или быть») [Фромм Э., 2022]. Эти авторы здесь упомянуты для того, чтобы пояснить одну важную мысль: российское общество с некоторым опозданием (со своей спецификой) трансформируется именно в такого рода социум, проскочив сразу несколько десятилетий эволюционного развития. При этом оно оказалось сразу в цифровой среде, где Интернет превращается в гипермаркетплейс, а человеку предписана роль образцового цифрового потребителя с соответствующим мировоззрением и стилем жизни. Все человеческие потребности по пирамиде Маслоу лежат уже в логике общества цифрового потребления. Это выявил Бернар Стиглер и развил в концепции гипериндустриального общества [Стиглер Б., 2012]. Его глубинная особенность заключается не столько в том, что жизнь человека заполняется избыточными техническими продуктами, сколько в том, что они вытесняют *Другого* человека из общения и в этом смысле упраздняют его. Технология потребления как бы естественным образом вплетается в жизнь человека, превращая его в потребителя со своим «этическим кодексом». Естественность такого процесса основывается на объективных потребностях человека, подводит его к неизбежному потребительскому выбору. Даже человеческое общение становится формой *потребления Другого*.

Исторически культура формировала своих идеальных героев как образцы социализации новых поколений, стабильности и защиты самого общества: в эпоху Античности — это были титан, герой-полубог, олимпиец, воин, в эпоху Средневековья — религиозный подвижник, рыцарь, в эпоху Возрождения — героический энтузиаст, в эпоху Нового Времени — сверхчеловек. Современность также требует своего героя, и создать его возможно только опираясь на собственную культуру. Можно, конечно, перенять по наследству, но и в этом

случае необходимо проделать огромную творческую работу, чтобы оно стало своим.

Мы находимся в ситуации, спрогнозированной С. Хантингтоном в его известной работе «Столкновение цивилизаций» [Хантингтон С., 2003, с. 603]. Современные геополитические противоречия приобрели свою остроту и местами перешли в горячую фазу в связи с тем, что в основе их противоречия лежат более фундаментальные — цивилизационные проблемы. *Ввиду того, что сами цивилизации субъектны, они не могут уступить, ибо это имеет для них экзистенциальное значение. Сохраниться и вступить в посткризисный диалог смогут те из них, которые окажутся способны построить свои автохтонные ценностные (в том числе этические) миры* [Лефевр В.А., 2012]. Очевидно, что каждый из них будет иметь свой пантеон героев и свое толкование героического. Цивилизации как субъекты обречены на одиночество. Даже тогда, когда в межкультурном диалоге они осваивают культурные феномены иной цивилизации, они должны превратить их в сродное (со-родное) своему цивилизационному коду, как это произошло, например, с русским балетом или оперой.

Но образ героя является более фундаментальным, основополагающим феноменом. На чужих героях невозможно построить уникальную цивилизацию. При этом онтологические основания героики у всех народов имеют единую архетипическую природу. Онтологическая тождественность обусловлена единым механизмом формирования архетипов и соответствующих мифологем и мифологии в целом.

Миф утверждает, что герой — это потенциально каждый человек. Это важно, поскольку заранее очень трудно сказать, кто станет героем, а кто нет. Но для того, чтобы в мир явился герой, должны пересечься несколько условий. Во-первых, нужна необходимость, т.е. ситуация, которая не может быть разрешена без жертвенного подвига. Во-вторых, человек должен услышать зов, который призывает совершить поступок, являющийся неестественным для нормального человеческого поведения, превышающим естественные возможности человека. В-третьих, человек должен принять вызов. Для этого он должен обладать духовным основанием, которое делает возможным такого рода моральный выбор. В-четвертых, он дол-

жен суметь выйти за границы своего физического Я и получить помощь извне (изнутри) своего бытия, поскольку человеческих сил недостаточно для совершения подвига. Ни физическая сила, ни ум, ни социальное положение, ни моральные качества и ничто иное само по себе не является причиной героизма. Опыт героя уникален и составляет его личную тайну.

Таким образом, для представителей многочисленных общностей социума и для разных идентичностей одного человека героями могут осознаваться персонажи очень разных историй. Но сам герой всегда реализует весьма одинаковый сценарий — он слышит вызов и откликается на него. Причем поскольку человеческих сил недостаточно, чтобы справиться с вызовом, он фактически соглашается на жертву, готов пожертвовать собой. Этот шаг героя — его подвиг — оборачивается его вечной жизнью, как мы уже отметили выше, бессмертием. В этом заключается парадоксальность его социального бытия. Эта жертвенность есть прорыв в иное бытие из нормальной повседневности, она открывает новые горизонты и новые перспективы развития общества, дает ему импульс. В силу того, что это качественный, фазовый переход, то объяснить его сложно. В истории различных обществ мы сталкиваемся с такими феноменами разной природы — революции, открытия, творческие озарения. Но и их природа и механизм становятся понятными и объяснимыми посредством вполне конкретных условий и потребностей. Такова и природа героизма. Она становится понятна как *необходимое условие* этической связности общества и его развития.

Герой обнаруживает в своем бытии источники скрытых, могущественных сил, которые помогают ему совершить подвиг и изменить реальность, в которой он существует. Соответственно, *акцент в формировании экосистемы героизма должен делаться на формирование способности откликаться на вызов и проявлять решительность для изменения мира. Это культура героизма. Собственно, она оформляется в героический этос народа и презентует его миру, но главная ее функция направлена на его непрерывное конституирование в своем особом качестве и уникальности* [Дорохова О.А., 2005]. Героический этос выступает как стиль жизни и система ценностей. Они обусловлены понимаем *героя и героического* в об-

ществе в тот или иной исторический период и являются общими для элиты и народа в контексте служения Отечеству. Например, в России начала XIX века был общественный договор: дворянство вело достаточно праздный образ жизни, но во время войны оно обязано было воевать (а войны в то время шли безостановочно). Поэтому его представители с детства были записаны в соответствующие военные полки.

3. Социально-гуманитарные технологии: влияние и манипулирование

Эти теоретические рассуждения обретают практическое измерение, если мы выделим и запомним, что процесс этот носит объективный характер, хотя в основе его находится коммуникация субъектов. Последнее открывает возможность не только влиять, но и манипулировать этим процессом. *Если раньше это влияние «редактировала» культура, то в настоящее время механизм социального манипулирования развился до такой степени, что нарушена сама возможность возникновения более-менее устойчивых надличностных структур как локального, так и глобального характера. Манипулирование общественным сознанием подменило формирование образа героя как архетипа, реализованного в мифологемах конкретных культур.* «Задача культурного героя — постоянно действовать в динамическом, позитивном, творческом согласии с прошлым, настоящим и будущим, стараться сохранять то, что способствует развитию жизни, противостоять тому и разрушать то, что тому не способствует. Мифотворчество XX века проявляется через действия новых культурных героев, транслирующих через средства массовой информации как традиционные культурные образцы поведения, так и новые — политические, идеологические, экономические, обыденные. Поэтому нельзя говорить о процессе демифологизации в современном информационном обществе, более того, ценность «мифического» повышается и продолжается философская рефлексия над мифом» [Иванова Е.В., 2005, с. 114].

Эпоха Просвещения с идеей прогресса исчерпала себя. Общество потребления размыло его границы и даже свой собственный смысл. Философия постмодернизма деконструировала большие нарративы и провозгласила смерть Бога. Это значит, что этическая основа западного

(христианского в прошлом) общества подверглась глубокой коррозии. Освальд Шпенглер почувствовал этот декаданс и отразил его в своей книге «Закат Европы», а Йохан Хейзинга сделал тонкое замечание: «Понятие героического претерпело такую ошеломительную трансформацию, которая лишает его глубинного смысла... Культ героического сам по себе есть показатель кризиса. Он означает, что понятия служения, миссии, долга больше не имеют достаточно силы, чтобы стимулировать энергию общества. Ее нужно усиливать» [Хейзинга Й., 1992, с. 327].

Конечно, есть соблазн манипулирования общественным мнением в политических целях. Политические технологии отработаны с удивительной эффективностью вплоть до технологий «цветных революций». Но *манипуляция — это действие на короткую временную дистанцию. А культурное влияние и трансформация — это решение стратегического уровня: культурного, цивилизационного. В такой стратегической перспективе можно говорить об эволюции этики и героического как нравственного идеала и ценности, раскрывающего архетип героя в конкретной культуре и цивилизации.*

Заключение. Формирование экосистемы героического

Безусловно важна роль процесса социализации человека посредством социальных институтов, сформировавшихся в обществе на протяжении веков и ставших системообразующими элементами уникальной культуры и даже цивилизации. Социальная онтология героизма должна быть не только внедрена в повседневность вплоть до героики труда, но и должна быть сформирована соответствующая система, все элементы которой усиливали бы ее значимость. По сути, должна быть создана экосистема героического. Конечно, памятник герою важен, но без закрепления его в исторической памяти поколений он перестанет выполнять свою функцию. Такое достигается не разовыми акциями в памятные дни, а в общении поколений, в закреплении через эмоциональное воспроизводство в социокультурном коде народа. Это воспроизводство есть совместное творческое *осуществление общего дела*, когда героизм перестает быть идеологическим продуктом («образ должного героя»), а превращается в «реального

героя», живущего рядом, ставшего образцом для социальной группы, которая в свою очередь становится референтной. Тогда героизм превращается в предельно ответственный модус социального бытия: человек становится гражданином, а общество гражданским.

Особую опасность представляют собой технологии дегероизации, когда антигерой подменяет героя, когда образ последнего препарируется историческими документами. «В настоящее время образ героя подвергается серьезным деформациям на разных каналах его репрезентации: в литературе (фигурирует образ антигероя, т. е. человека, который по своим убеждениям и поступкам является носителем отрицательных качеств); в фильмах (происходит переосмысление самой личности героя и новая расстановка акцентов в отношении поступков, которые он совершает); в комиксах (примитивность отношений между людьми, низведение социальных конфликтов к сюжетно занимательным столкновениям “хороших” и “плохих” людей); в компьютерных играх типа “Counter Strike” (стирается всякая грань между героем-контртеррористом и антигероем-террористом, для пользователя они выглядят одинаково и даже антигерои имеют в силу специфики игры большую привлекательность); в телеиграх типа “Последний герой”, “Слабое звено” (организована конкуренция не по принципу «один за всех и все за одного», а по индивидуалистическому принципу “выживает сильнейший”)» [Смирнов С.Ю., 2011]. Вместе с тем в ином ракурсе антигерой или враг необходим, т.к. он не только выполняет консолидирующую роль, но и проясняет собственные этические нормы.

Очевидно, что герой народом мифологизируется, и всегда можно найти факты, якобы опровергающие миф. Но логика мифа не фактологическая, а символическая. Однако системная дегероизация на протяжении многих лет способна сформировать вытесняющие мифы. Противодействие этому должно вестись системно. Должна формироваться такая экологическая социальная среда, благодаря которой и в политике, и в экономике, и в культуре было бы не только общее понимание *героического*, но и действия по героизации синхронизировались с этим общим пониманием. Наверное, это лучшая политика противодействия дегероизации, а технологический инструментарий для

этого достаточно разнообразен и широк: построение героического образа воина, образа социально ответственного предпринимателя и т.д., медиаобразование на примерах и проектах формирования исторической памяти и, конечно, традиционные институты, такие как семья и школа. Очевидно, что синхронизация этих действий должна происходить как на межсекторальном уровне (государство, бизнес, третий сектор), так и на государственном, общественном и личностном уровнях.

В современной западной культуре можно найти множество примеров такого подхода: американская медиафраншиза — «киновселенная» Marvel, игрушечный мир Барби или фантазийный мир Гарри Потера. Все это активно усваивается детьми и молодежью в России. Нельзя сказать, что в отечественной истории и культуре не было достойных результатов: Серебряный век, русский авангард 20-х гг. XX в., который хотя и просуществовал недолгое время, но ярко проявил себя в различных сферах культуры, феномен социалистического реализма формирующий свой мир и др. Современная культура России должна, наконец, ясно осознать эту необходимость и сформулировать новые смыслы для построения своей русской Вселенной.

Выражение признательности

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 24-28-00413 («Образ героя в современном российском медиапространстве: состояние и перспективы»).

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation under project No. 24-28-00413 (“The image of the hero in the modern Russian media space: state and prospects”).

Список литературы

- Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006. 269 с.
- Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.
- Габриелян О.А., Сулейменов И.Э.* Архетип: возможность операционализации понятия и истолкование феномена с позиций теории нейронных сетей // Миф в истории, политике, культуре: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 г., г. Севастополь) / под ред. А.В. Ставицкого. Севастополь, 2021. С. 173-180.

стополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2021. 576 с. DOI: <https://doi.org/10.35103/SMSU.2021.20.45.001> EDN: PCLBZU

Габриелян О.А., Сулейменов И.Э. Теория сложных систем: ноосферный контекст. Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2023. 168 с.

Габриелян О.А., Зоткин А.А. Социально-психологическое самочувствие молодежи в Республике Крым: испытание кризисами // Власть. 2024. № 1. С. 131–137. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v32i1.9960> EDN: LDATKX

Габриелян О.А., Гарбузов Д.В. Мифологический герой как культурный институт: истоки и современность. Часть 2: Новая социальность: образ героя в цифровую эпоху // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2025. Т. 11(77), № 3. С. 67–80. DOI: <https://doi.org/10.29039/2413-1695-2025-11-3-67-80> EDN: HPWJWD

Дорохова О.А. Героический этос в истории морали: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Москва, 2005. 24 с. EDN: NJTBKH

Иванова Е.В. Мифотворчество XX века: к проблеме определения нового культурного героя // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 7. С. 110–114. EDN: JVGMVZ

Левфер В.А. Высшие ценности и формальная теория выбора // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 154–157. EDN: OYHXIN

Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Reflbook, 1994. 368 с.

Серединская Л.А. Социальная онтология героизма: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2012. 23 с. EDN: QICWID

Смирнов С.Ю. Трансформация образа героя в сознании российского общества (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2011. 20 с. EDN: ZOKNWP

Стиглер Б. Будьте бдительны! // Лаканалия. 2012. № 11. С. 24–35.

Сулейменов И. Э., Габриелян О. А. «Поэма без героя» А. А. Ахматовой: нейросетевой ракурс // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Философия. Политология. Культурология. 2024. Т. 10(76), № 2. С. 65–80.

Суравнева И.М. Героизм как социальный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2006. 16 с. EDN: NKEIXV

Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 23.09.2025).

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502_ (дата обращения: 23.09.2025).

Фромм Э. Иметь или быть. М.: АСТ, 2022. 320 с.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с. EDN: TUPBER

Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. 458 с.

Юнг К. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 297 с.

Gabrielyan O.A., Suleimenov I.E. Objective Foundations of Ethics and Prospects for Its Development: Information and Communication Approach // Conatus. 2025. Vol. 10, № 1. P. 111–125. DOI: <https://doi.org/10.12681/cjp.33973> EDN: OZVHGI

Suleimenov, I.E., Gabrielyan, O.A., Massalimova, A.R., Vitulyova, Y.S. World Spirit from the Standpoint of Modern Information Theory // European Journal of Science and Theology. 2024. Vol. 20, № 1. P. 19–31. EDN: KUXUMY

References

Baudrillard, J. (2006). *Obschestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [The consumer society: Myths and structures]. Moscow: Respublika Publ., 269 p.

Baudrillard, J. (2015). *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and simulations]. Moscow: POSTUM Publ., 240 p.

Dorokhova, O.A. (2005). *Geroicheskiy etos v istorii morali: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Heroic ethos in the history of morality: abstract of D.Sc. dissertation]. Moscow, 24 p.

Fromm, E. (2022). *Imet' ili byt'* [To have or to be?]. Moscow: AST Publ., 320 p.

Gabrielyan, O.A., Suleyemenov, I.E. (2021). [Archetype: the possibility of operationalizing the concept and interpreting the phenomenon from the standpoint of neural network theory]. *Mif v istorii, politike, kul'ture: Sbornik trudov V Mezhdunarodnoy nauchnoy mezhdistsiplinarnoy konferentsiii (iyun' 2021 g., g. Sevastopol'), pod redaktsiey A.V. Stavitskogo* [Myth in History, Politics, and Culture: Proceedings of the V International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2021, Sevastopol), ed. by A.V. Stavitsky]. Sevastopol: Sevastopol Branch of MSU Publ., pp 17–23.

Gabrielyan, O.A. and Suleyemenov, I.E. (2023). *Teoriya slozhnykh sistem: noosfernyy kontekst* [Complex systems theory: noospheric context]. Simfero-

pol: Vernadsky CFU Publ., 168 p.

Gabrielyan, O.A. and Zotkin, A.A. (2024). [Social and psychological well-being of young people in the Republic of Crimea: tested by crises]. *Vlast'* [The Authority]. No. 1, pp. 131–137.

Gabrielyan, O.A. and Garbuzov, D.V. (2025). [The mythological hero as a cultural institution: Origins and modernity. Part 2: New sociality: the hero image in the digital age]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies]. Vol. 11 (77), no. 3, pp. 67–80. DOI: <https://doi.org/10.29039/2413-1695-2025-11-3-67-80>

Gabrielyan, O.A. and Suleimenov, I.E. (2025). Objective foundations of ethics and prospects for its development: Information and communication approach. *Conatus*. Vol. 10, no. 1, pp. 111–125. DOI: <https://doi.org/10.12681/cjp.33973> EDN: OZVHGI

Huntington, S. (2003). *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The clash of civilizations and the remaking of world order]. Moscow: AST Publ., 603 p.

Huizinga, J. (1992). *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo ludens. In the shadow of tomorrow]. Moscow: Progress Publ., 458 p.

Ivanova, E.V. (2005). [Mythmaking in the 20th century: on the problem of defining a new cultural hero]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University]. No. 7, pp. 110–114.

Jung, C.G. (1991). *Arkhetyp i simvol* [Archetype and symbol]. Moscow: Renessans Publ., 297 p.

Lefevr, V.A. (2012). [Higher values and formal choice theory]. *Voprosy filosofii*. No. 4, pp. 154–157.

Marcuse, H. (1994). *Odnomernyy chelovek* [One-dimensional man]. Moscow: Repl-book Publ., 368 p.

Seredinskaya, L.A. (2012). *Sotsial'naya ontologiya geroizma: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Social ontology of heroism: abstract of Ph.D. dissertation]. Ulan-Ude, 23 p.

Smirnov, S.Yu. (2011). *Transformatsiya obraza geroya v soznanii rossiyskogo obschestva (sotsial'no-filosofskiy analiz): avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [The transformation of the hero's image in the con-

sciousness of Russian society (social and philosophical analysis): abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 20 p.

Stigler, B. (2012). [Be vigilant!]. *Lakanaliya*. No. 11, pp. 24–35.

Suleimenov, I.E. and Gabrielyan, O.A. (2024). [A.A. Akhmatova's "Poem without a hero": a neural network perspective]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies]. Vol. 10(76), no. 2, pp. 65–80. DOI: <https://doi.org/10.37279/2413-1695-2024-11-2-65-80>

Suleimenov, I.E., Gabrielyan, O.A., Massalimova, A.R. and Vitulyova, Y.S. (2024). World spirit from the standpoint of modern information theory. *European Journal of Science and Theology*. Vol. 20, no. 1, pp. 19–31.

Suravneva, I.M. (2006). *Geroizm kak sotsial'nyy fenomen: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Heroism as a social phenomenon: abstract of Ph.D. dissertation]. Tver, 16 p.

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 05.12.2016 g. № 646. Ob utverzhdenii Doktriny informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii (2016) [Decree of the President of the Russian Federation No. 646 “On approval of the information security doctrine of the Russian Federation” dated December 5, 2016]. Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460> (accessed 23.09.2025).

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.11.2022 g. № 809. Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey (2022) [Decree of the President of the Russian Federation No. 809 “On approval of the foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values” dated November 9, 2022]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (accessed 23.09.2025).

Об авторах

Габриелян Олег Аршавирович

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии

295007, Республика Крым, Симферополь,

About the authors

Oleg A. Gabrielyan

Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of Philosophy

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,

пр. Академика Вернадского, 4;
e-mail: gabroleg@mail.ru
ResearcherID: Q-1708-2017

Гарбузов Дмитрий Викторович

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии

Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского,
295007, Республика Крым, Симферополь,
пр. Академика Вернадского, 4;
e-mail: buendia@bk.ru
ResearcherID: A-6564-2017

4, Academician Vernadsky av., Simferopol,
Republic of Crimea, 295007, Russia;
e-mail: gabroleg@mail.ru
ResearcherID: Q-1708-2017

Dmitry V. Garbuzov

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
4, Academician Vernadsky av., Simferopol,
Republic of Crimea, 295007, Russia;
e-mail: buendia@bk.ru
ResearcherID: A-6564-2017

УДК 111.83

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-177-187><https://elibrary.ru/ogsalt>

Поступила: 09.11.2025

Принята: 25.01.2026

Опубликована: 03.07.2026

АНАЛИЗ ПРОЯВЛЕНИЯ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ

Лемаев Тимофей Викторович

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

В рамках действующих политических процессов актуальной темой для анализа становится изучение политической мифологии. Миф выступает символическим выражением реальных событий, и важно рассмотреть, как истина присутствует в политической мифологии, каким образом истина транслируется через миф в разные периоды истории и определить критерии истины в мифологическом знании. Истина приобретает определяющий характер при восприятии действительности и предметом исследования становится то, каким образом связаны понятия истины и мифологии и как истина присутствует в современной политической мифологии. Центральными вопросами для изучения оказываются анализ понятия истины в структуре мифологического знания, определение истинности в мифе, применимость понятия истины к архаическим и современным политическим мифам. Главной целью статьи ставится анализ возможности исследования истины с позиций мифологии, изучение социального контекста мифов разных временных эпох для выявления общих условий формирования мифологических образов и функционирования мифологических конструктов. В качестве главных методов выступают основные диалектические методы: методы единства исторического и логического, метод философского восхождения от абстрактного к конкретному. Используются теоретический анализ, классификация, обобщение. В исследовании применялись также общенаучные методы — описательный и объяснительный, метод системного анализа и сравнения. Концепция существования разных видов мифов в дальнейшем позволит более детально исследовать структуру функционирования политической реальности и общественного сознания. Результатом анализа являются классификация критериев истины, изучение логики в мифическом мышлении, выявление проблемы истины в мифологии на примере древнегреческих этносов и понимания практического смысла истины на современном этапе в политических мифах.

Ключевые слова: миф, мифология, политическая мифология, истина, идеология.

Для цитирования:

Лемаев Т.В. Анализ проявления мифологической истины в политических образах // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 2. С. 177–187. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-177-187>. EDN: OGSALT

ANALYSIS OF THE MANIFESTATION OF MYTHOLOGICAL TRUTH IN POLITICAL IMAGES

Timofey V. Lemaev

Perm State University (Perm)

In the context of current political processes, political mythology appears to be a highly relevant topic for analysis. Myth is a symbolic expression of real events, and it is important to consider how truth is present in political mythology, how it is transmitted through myth in different periods of history, and to define criteria for truth in mythological knowledge. Truth plays a decisive role in the perception of reality. The study focuses on how the concepts of truth and mythology are connected and how truth is present in modern political mythology. The central research problems include an analysis of the concept of truth in the structure of mythological knowledge, the establishing of truth in myth, and the applicability of the concept of truth to archaic and modern political myths. The main purpose of the article is to analyze the possibility of investigating truth from the standpoint of mythology, to study the social context of myths of different time periods in order to identify general conditions for the formation of mythological images and for the functioning of mythological constructs. The main methods employed are the basic dialectical methods: the method of unity of the historical and logical, the method of philosophical ascent from the abstract to concrete. The study also used theoretical analysis, classification, generalization, general scientific methods: descriptive and explanatory methods, system analysis and comparison. The concept of the existence of different types of myths will further allow for a more detailed study into the structure of the functioning of political reality and public consciousness. The result of the analysis is the classification of criteria of truth, the study of logic in mythical thinking, the identification of the problem of truth in mythology using the example of ancient Greek ethnic groups, and understanding of the practical meaning of truth at the present stage in political myths.

Keywords: myth, mythology, political mythology, truth, ideology.

To cite:

Lemaev T.V. [Analysis of the manifestation of mythological truth in political images]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 2, pp. 177–187 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-177-187>, EDN: OGSALT

Введение

В течении более двух тысячелетий существования философии мыслители задавались вопросами об устройстве мироздания. Они искали ответы на вопросы о том, что представляют собой время, пространство и причинность, какова сущность и природа человека, конечен мир или бесконечен и многие другие.

Проблемы, связанные с рассмотрением истины, интересовали людей с древних времен. Человек, постигая истину, приближался к совершенствованию бытия. «Если мы отказываемся от понятия истины, то мы теряем способ-

ность отличать правильные выводы и рассуждения от неправильных» [Никифоров А.Л., 2008, с. 53].

В рамках статьи поставлена цель изучить категорию истины в рамках мифологического мышления — истинны ли мифы, ставится вопрос о соотношении истины к мифологии, насколько правдивы современные политические мифы. Мифические образы основываются на чувственном восприятии, в них сплелись реалистические элементы и фантазии. Поэтому необходимо исследовать категорию мифа и степень ее взаимоотношения с категорией истины, чтобы рассмотреть вопрос об истинности

в мифологии. Необходимо учитывать то, что значение мифа изменяется с развитием общества — требуется изучить мифы древности и мифы современности, чтобы выявить общие условия существования и различия в процессе их функционирования. В связи с этим важно изучить понятие истины, критерии истинности и структуру мифов разных исторических периодов.

Критерии истины в мифологическом знании

Сущность истины состоит в том, чтобы предмет знания соответствовал действительности; эта традиция идет от Аристотеля. Традиционно истина определяется как «соответствие, соответствие, свойственное нашей способности суждения (утверждать и отрицать), соответствие нашего дискурса реальности, далее, соответствие нас самих себе самим, соответствие между разумами» [Рикер П., 2002, с. 186]. В большинстве философских концепций истина понималась как адекватное отражение действительности субъектом, воспроизведение действительно как есть, независимо от сознания, поэтому в рамках данной статьи истина понимается как соответствие действительности.

Традиционно в понятии истины выделялось несколько видов, таких как истина абсолютная и истина относительная. Абсолютная истина является полным, исчерпывающим знанием о действительности, в то время как относительная истина позиционируется как неполное или неточное знание, соответствующее определенному уровню общественного развития. Главным отличием истины абсолютной от истины относительной является изменчивость.

Абсолютная истина в мифологии существует с точки зрения носителя данной мифологии, он верит в реальность происходящего в мифах. Для него они представляют абсолютную истину, в мифе человек «растворяет» себя в природе, сливается с ней и овладевает силами природы» [Кессиди Ф.Х., 1972, с. 44]. Для исследователей же в мифе преобладает истина относительная, скрытая за фантастическим образом, т. к. миф оперирует «образами и актами так, как будто эти образы и акты вполне реальны и естественны» [Голосовкер Я.В., 1987]. Поэтому исследователям необходимо проанализировать содержание мифов, чтобы разделить категорию

истины от фантастических элементов и найти абсолютную истину.

Важно выделить истину о мифе для исследователя/научного сообщества и истину мифа для носителя. Что в мифологии истина для исследователя? Для научного сообщества миф выступает как способ объяснения мира, возникший по причине отсутствия глубоких знаний о реальности. Исследователи осознавали существование истины в фантастических образах, за вымыслом скрывалось существующее явление реальности, которое нужно было изучить, чтобы понять первооснову мифа. Они разделяли понятия объективная и субъективная истина в мифе, миф совмещал в себе объективную и субъективную истину, однако миф трактовал субъективную истину, в которую верил человек, в качестве истины объективной и не соответствовал ей в реальности. Для исследователей важность представляла истина, которая соответствовала действительности.

Но для носителя мифологического сознания, социальной группы или религиозной конфессии, которые принимают этот миф, миф становится элементом реальности. Для мифов древнего мира свойственны «не обоснованность и доказанность того или иного понятия или утверждения, что характерно для научного понимания истины, а принятые социумом и обязательные для его членов установки, притом как в практической, как и в мыслительной деятельности. Это установки на непогрешимость социальных и поведенческих норм, высказываний авторитетов, в том числе и идеологов социума — жрецов, мудрецов-поэтов» [Майданов А.С., 2008]. Миф соединял в себе веру и знание, ложь мифа устранялась верой в его истинность, мифические сюжеты оперировали категориями субъективной и объективной истины. Субъект, носитель мифологического сознания, полагает, что абсолютно объективно истинно все содержание мифа, он «растворен» в содержании мифа.

Среди критериев истины можно выделить когеренцию, прагматику, практику, конвенциональный критерий. Каждый из них устанавливает свои правила для определения понятия истины. Насколько каждый из критериев применим к истинности в мифе и анализу мифического?

В концепции когеренции «истина представляет собой систематическое согласие выдвинутого положения с уже принятыми утверждениями» [Ивин А.А., 2015, с. 97]. Утверждение истинно, если оно является элементом логически взаимосвязанной системы, истина является свойством самосогласованности знаний. Когерентная концепция заключается в том, что истинным считается высказывание, которое находится в согласии с другими высказываниями, полагаемыми истинными. В данной концепции истиной становится внутреннее соответствие элементов друг другу в пределах определенной концептуальной системы, истина проявляется как внутренняя гармония знания. Вопрос о соответствии знания внешней реальности не ставится. При рассмотрении древней мифологии когеренция отражалась в том, что мифы формировали единую картину мира и функционировали в одной системе, одна легенда не вступала в противоречие с другой. Если одни компоненты соответствовали другим, то результатом этого становилось слаженное функционирование системы. Следует закономерный вывод о том, что элементы этой системы, включая мифологические сюжеты и образы, являются истинными. Значимым представлялось то, чтобы мифологические образы находились в соответствии с методологическими принципами и исходными концептами системы. В качестве примера можно привести мифологию древних греков. Для носителя конкретного мифа это проявляется в непротиворечивости элементов его картины мира, для исследователя мифического — в функционировании конкретной картины мира, среди которых можно выделить конструируемую политическую мифологию. Поэтому критерий когеренции применим к мифологии.

В соответствии с прагматической концепцией «высказывание истинно, если оно работает, является полезным, приносит успех» [Ивин А.А., 2015, с. 98]. Для прагматиков истинными знаниями будут те, которые надежны, эффективны, полезны для человека. В мифологическом знании прагматический критерий проявлялся при взаимодействии человека и природы — люди переносили свой образ на неодушевленные предметы для осмысления мироздания. Эти образы прочно входили в человеческую жизнь, были полезны и позволяли

объяснить природные явления. Поэтому мифология может иметь прагматическое значение и критерий выполняется.

Согласно конвенциональному критерию истинно то знание, относительно которого достигнуто соглашение о его монопольном использовании; это факт, признающийся большинством людей. Считается, что математические аксиомы разновидностью гипотез, истинность которых зависит исключительно от решения ученого. В зависимости от принятия соглашения формируются принципы и деятельность научных сообществ. Ученые могут прийти к соглашению, руководствуясь принципом простоты, целесообразности. В этом смысле конвенции неустранимы из научного познания. В мифологии конвенциональный критерий проявлялся в том, что в определенных обществах конкретные легенды были правдой, по ним люди жили и выполняли негласные правила. Со временем легенды становились частью общества и передавались из поколения в поколение. Конвенциональный критерий к мифологии применим.

Одним из главных критериев истины является практика. Практика — целенаправленная предметная деятельность по преобразованию действительности, природы и общества. Суть практики как критерия истины заключается в том, что положение, выдвинутое в виде концепции, теории, умозаключения, но не проверенное опытом и не доказанное в реальности, остается в статусе гипотезы. Практика дает познанию приборы, инструменты, оборудование для дальнейшего прогресса — человек не только раскрывает законы, по которым развивается окружающий мир, но и применяет результаты познания в своей деятельности, в этом процессе преобразуя окружающий мир.

Можно ли на практике проверить содержание мифа, чтобы сказать, истинен ли он? Это возможно, т.к. человек с древности стремился получать пользу от окружающей действительности и от своей деятельности. Подтверждение практики проявлялось, когда просьба, обращенная к богам выполнялась, достигался желаемый результат. Человек просил у сверхъестественных созданий помощи и по стечению обстоятельств получал ее. Это становилось для людей доказательством истинности мифов и реальности богов, «благодаря которым, по

мнению просителей, достигался такой результат» [Майданов А.С., 2008]. Человек верил в мифы и, когда определенные ритуалы давали результат, это служило подтверждением истинности мифов, поэтому критерий практики применим к мифологии. Понятие истины всегда служило источником острых дискуссий, порождало многообразие разных теорий, в связи с чем существует множество разных критериев для постижения истины. Однако нет единого официального критерия; они изменчивы в зависимости от концепций, при этом оценки изменяются не только от человека к человеку, но и у одного и того же человека с течением времени. «Вещь, оцениваемая некоторым субъектом положительно может стать через некоторое время безразличной для него или даже оцениваемой отрицательно» [Ивин А.А., 1970, с. 55].

Истина в политических мифах архаического периода

Истина приобретает необходимое значение в мифологическом сознании архаического периода, «миф излагал события, которые произошли в прошлом конкретного народа, это подлинное, реальное событие» [Элиаде М., 1995, с. 15]. В древние времена не существовало возможностей для научного объяснения окружающей действительности. Вместо рационального подхода человек использовал для освоения реальности мифологическое мышление и выражал миропонимание в виде образов фантастических созданий-богов, героев и чудовищ. Сказания о взаимодействии сверхъестественных созданий и людей складывались в мифы, поэтому миф — это «первичная модель всякой идеологии, синкретическая колыбель не только литературы, искусства, религии, но, в известной мере философии и даже науки» [Мелетинский Е.М., 2000, с. 4]. На ранних этапах общественного развития миф был способом понимания природы и социальной действительности, в древние времена мифы формировали мировоззрение и особый взгляд на действительность, миф являлся способом освоения и истолкования реальности с помощью чувственно-наглядных образов. Человек выстраивал действительность в соответствии с мифологией, миф был способом жизни, манерой поведения и особой ментальностью. Человек не просто создавал мифы, он жил в них — в его понимании они не были

выдумкой, он воспринимал их настоящей реальностью. Вера в истинность мифа давала людям нравственные ориентиры, и они действовали так, как предписывали легенды. Поэтому можно сказать, что мифы формировали социальную справедливость, выражали негласные законы и утверждали принятую в данном обществе систему ценностей, влияли на общественное сознание и поведение и являлись важным элементом для человеческого развития. Мифология характерна для человеческого мышления как форма познания действительности с помощью образов и аналогий.

Воображение позволяло найти объяснение тому, что было трудно истолковать и осознать, тем самым давало знание и становилось доступным для понимания и дальнейшего взаимодействия. В качестве результата появлялись мифы, в образах богов и героев заключались идеи, которые людское сознание использовало при объяснении мира. В мифах находились подтверждения действительных событий, в воображаемом объекте мифа был заключен существующий объект. Это можно проследить на примере мифов из Древней Греции. В Греции времен Античности мифология играла центральную роль, мифы стали главным способом познания реального мира для человека эллинского периода истории, служили для поддержания контроля над природой и обществом.

Основной формой государственно-общественной организации Древней Эллады являлся полис, который был городом-государством, потому что вокруг одного города строились более мелкие поселения и образовывали целостную общину. Полис являлся закрытой общиной, сочетающей поклонение общим богам-покровителям, коллективный сельскохозяйственный труд, выполнение ритуалов и существование общих для народа мифов. Для того, чтобы жить в конкретном полисе, человек обязан был знать мифы общины. В каждом полисе существовали свои индивидуальные особенности, которые отличали их от других городов-государств. Это формировало разные системы образования, воспитания и — самое важное — уникальные данные для мифологии, в которой накапливались опыт и знания многих поколений. В мифе выражались не просто быт и уклад народа; они возникли не на пустом месте и всегда основывались на чем-то матери-

альном из реального мира, легенды отражали историю города. «Историко-культурные стимулы — торговля, войны, эволюция религиозных и моральных воззрений и прочие, о которых мифотворцы могли уже сами ничего не знать, считаются решающими фактами для раскрытия и реконструирования мифа» [Голосовкер Я.В., 1987].

Древние легенды — это фантастический вариант истории полиса, в котором связаны воедино судьбы людей и богов. Любое событие могло стать мифом, а в мифологии находили воплощение реальные исторические события. Существовавшие известные личности становились прообразами царей и героев, их враги — фантастическими чудовищами.

Сверхъестественная история города-государства являлась политической мифологией, которая становилась отражением истории города. «В индивидуальном и массовом сознании политической реальности и основных общественных ценностей, своеобразный символический способ их интерпретации, моделирование мира и социальной жизни; инструмент реализации конкретных политических задач» [Шайгородский Ю.Ж., 2009]. Политический миф формировал критерии поведения в обществе и основы социальных установок для людей, культивировал определенный образ самоидентичности граждан полиса и обуславливал отношение к другим обществам. Политический миф имеет прямое отношение к реальности как базис для социальной и политической деятельности. «Политическая мифология становится важнейшим средством консолидации общества и противопоставления “своих” и “чужих”. Она дает человеку силы преодолевать житейские трудности» [Топорков А.Л., 1997]. Жители данного города-полиса наделялись положительными качествами, в то время как варвары и жители других городов по политическим мотивам приобретали звериные черты характера. Одно общество противопоставлялось другому; основанием для контраста становились «не только огромный разрыв в уровнях социального и культурного развития, психологическая несовместимость, но и высокий уровень этнического самосознания греков, что привело к возникновению греко-варварского антагонизма: варварское — это нечто чужое, дикое, как минимум, требующее переделки; негреческое

— воплощение естественного, природного и непорочного» [Хазина А.В., 2012].

Это подтверждает легендарный миф о чудовищном Минотавре. Минотавр — сын критского царя Миноса и царицы Пасифайи. Но в результате расплаты за невыполненное обещание царя на свет появился сын с телом человека и головою быка. «Минос нанял известного искусного мастера Дедала, чтобы тот придумал и построил для него лабиринт, где можно было бы спрятать что — то, чего весь его двор одновременно и стыдился и боялся» [Кэмпбелл Д., 1997, с. 25]. По совету оракулов Минос запер Минотавра в лабиринт, из которого нельзя было выбраться.

В это время другой сын Миноса, Андрогей, отправляется в Афины на Панафинские игры. Он побеждает всех соперников, афинянам это не нравится и они убивают царевича. После смерти Андрогая Минос отправляет флот, чтобы отомстить. Минос захватывает Афины и заставляет афинян платить кровавую дань за поражение — каждый год присылать семь девушек и семь юношей на Крит в жертву Минотавру. В числе 14 пленников попадет сын царя Эгея Тесея. Доблестный герой должен был сразиться с чудовищем. Тесея попадет в лабиринт и убивает Минотавра, а затем, с помощью подарка от дочери Миноса Ариадны, выбирается из ловушки и уплывает в Афины. «Бык побежден Тесеем, человеком возвышенным и высоким» [Делез Ж. 1993]. Миф выглядит как обыденное сказание, но его анализ позволяет увидеть глубокий скрытый смысл.

Победа Тесея над Минотавром — символический триумф афинян и итог борьбы против царя Миноса. Любой миф берет основу из реального мира — возникновение легенды о Минотавре было связано с владычеством минойцев на море и их противостояние с колониальной Грецией. Взаимодействия ахейского населения Балкан и островной Минойской цивилизации были неравными: Минойское государство находилось на более высоком уровне развития, и поэтому другие древнегреческие племена находились в подчиненном положении, что выражалось в выплате дани или отправлении рабов на остров.

На острове Крит были свои ритуалы, в них принимало участие священное животное народа — бык. На многочисленных фресках в зда-

ниях дворцов минойского периода изображаются сцены ритуальных игр с быками, именуемых таврокатапсией. Существовал культ быка; во время событий жрецы были одеты в медные маски с этим животным, поэтому Минотавр мог появиться из фантастических историй греков о жрецах в масках с бычьими головами. Ритуального быка часто приносили в жертву, убивая двухсторонним топором, лабрисом, от этого могло произойти слово лабиринт, где происходило действие легенды. Согласно другой версии, в боях с пленниками участвовал воин Миноса по имени Тавр в маске быка, но Афины и Крит были врагами и потому демонизировали друг друга как жутких соперников, преувеличивали негативные качества и делали из обычных неприятелей варваров-монстров. Образ быка и человек слился в одного жуткого воина, который пожирал людей, а запутанный дворец, из которого нет выхода, был реальным — это известный Кносский дворец, масштабное многоуровневое сооружение, состоящие из сотен помещений, раскинувшихся на сотни метров. Это подтвердилось после раскопок дворцовых комплексов минойской цивилизации. Но для мифов характерно абсолютизировать обычные явления действительности и придавать им фантастические элементы. Так и могла появиться легенда о сражении героя Афин Тесея и чудовищного Минотавра в запутанном лабиринте.

Через древнюю легенду можно изучить взаимоотношения народов в древнем мире. Мифология была для жителей греческих городов-полисов способом социализации в обществе, возможностью получить опыт предков и познать окружающий мир. В фантастических историях отражалась действительность, в мифах присутствовали видоизмененные элементы из существующей реальности. В итоге миф стал частью быта и культуры, необходимым элементом для функционирования полисов, способом познания истины в символической форме. Он отражал в своей сущности политическое столкновение двух городов-полисов, например Кносса и Афин, позиционируя героя Эллады как положительного освободителя, в то время как остров Крит обрел демоническое восприятие у жителей Пелопонесса и стал ассоциироваться с чудовищным человеком-быком Минотавром.

Миф в политических мифологиях XX и XXI веков

Политическая мифология XX и XXI вв. строится на тех же принципах, что и древняя мифология. В XX веке политический миф был связан с идеологией, являющейся системой концептуально оформленных идей, выражающих интересы, идеалы и мировоззрение различных субъектов политики (наций, классов, политических партий) и выступал в обществе средством легитимации существующей власти.

XX век стал веком развития и борьбы между собой различных идеологических систем за власть — это отчетливо проявляется в распределении политической власти, как общество должно быть организовано в рамках определенного государства и методы для достижения этих задач. Поэтому политическая идеология в XX веке выступает как необходимый компонент политического сознания, позволяющий идентифицировать себя с группой. При этом не всякий политический миф является идеологическим. Главная идеологическая черта заключается в том, что есть сравнение — оригинальная модель, которой придерживается общество, и модель, полностью ей чуждая. Идеология всегда связана с выбором, что предполагает противопоставляющихся друг другу идеологий, чтобы у человека была возможность понять свою принадлежность к определенной группе. Это можно проследить функционированием политической идеологии в СССР.

Отличительной чертой советской идеологии являлось то, что она становилась средством консолидации общества, давала людям силы для преодоления житейских проблем ради идеи светлого будущего всех трудящихся. В СССР консолидация общества строилась на противопоставлении «своих» и «чужих», как в классических мифологиях древности. В восприятии носителя врагами существовавшего социалистического СССР являлись капиталистические западные страны, с отличными от советского общества ценностями. Советской мифологии приписывалась абсолютная истинность, в то время как чуждым по идеологическим причинам государствам — ложность убеждений или открытая враждебность. Эта установка распространялась на повседневную жизнь общества. Мифы были нацелены на то, чтобы подтвер-

дить истинность идеологии и опровергнуть другие убеждения, несоответствующие положениям идеологии. «В любом обществе миф есть в той или иной степени переживаемая реальность для всех, кто находится внутри него, и обман для тех, кто им не охвачен. Но быть закрытым для одного мифа может лишь тот, кто находится в плену другого. И иного не дано» [Ставицкий А.В., 2022]. Государство оказывается окруженным врагами, словно в осажденной крепости — внутренние проблемы объясняются деятельностью внешнего врага, а несогласные с данными фактами — шпионами зарубежных стран. Образ противника имел визуальный характер, часто включал классические мифологические составляющие для усиления негативных эмоций — его наделяли чудовищной жестокостью, физическими недостатками или демоническими чертами. Мифический враг должен был заменить реальный образ представителя другого общества, чтобы таким образом консолидировать общество вокруг общей угрозы. Сам образ врага получал соответствующее воплощение в литературе и искусстве, поддерживался средствами массовой информации. Народ верил в истинность своих убеждений и преобразовывал мир в соответствии со своими представлениями о совершенном обществе: «Вера может превращаться в идеологию (крестовые походы), но и идеология может превращаться в веру, приобретать черты верования» [Боброва Н.А., Ивентьев С.И., 2019]. Соответствие реальности положениям идеологии оказывалось критерием истины и, подобно древнеэллиническим мифам, истина становилась реальностью и не противоречила действительности.

В XXI веке политические мифы развиваются и меняются вместе с политической средой и обществом. В современной действительности существуют разнообразные мифологические образы, и в каждом обществе имеются свои специфические особенности политической мифологии.

Современные мифы акцентируют внимание на действительности, настоящем времени, и конструируют конкретный образ реальности, который соответствует целям, желаниям и ожиданиям существующих в конкретном обществе людей, ведь для каждого человека самое важное на свете — «это он сам, его внутренний мир, его надежды и открытия, его боль, пора-

жения, победы и достижения. Разве волнует нас что-либо больше, чем то, что происходит с нами сейчас, в данный период жизни» [Бену А., 2011]? Мифы становятся отражением наших основных потребностей, страхов и мечтаний. Эта черта сохранилась с архаических времен и прошла через тысячелетия. Мифы видоизменяются внешне и структурно в зависимости от временного периода, но сохраняют свои функции. Они «призваны были консолидировать общество, вырабатывать правила целенаправленного поведения, обеспечивающего определенный менталитет общности, народа, государства, цивилизации в целом» [Лукашева Е.А., 2011]. Для всех государств современные политические мифы оказываются необходимым элементом для функционирования политической системы, поскольку власть нуждается в олицетворяющих ее символах. Успешность конкретного политического мифа зависит от восприятия аудитории и того, насколько этот образ соответствует мировоззренческим установкам жителей социума. Подобно древним мифам, политические мифы XXI века оперируют насыщенными визуальными образами, которые для общества становятся знаковыми. Это можно проследить в американской избирательной системе.

В политической системе США существуют две главные партии — это республиканцы и демократы. У каждой из этих партий существует свой неофициальный знаковый образ.

В случае демократов животным-символом выступает осел. Впервые данная ассоциация прозвучала в адрес первого кандидата в президенты США от демократической партии Эндрю Джексона. За лозунги и призывы оппоненты прозвали его ослом. Джексон выступал за власть народа, в то время как его политические противники утверждали, что народ не способен управлять. Джексону понравилось сравнение с ослом, поскольку он символизировал упрямство и стоял на своем, поэтому Джексон сделал животное своей личной эмблемой, поскольку сам обладал упрямым характером. В итоге Джексон стал президентом, а осел стал символом демократии за счет особенностей поведения.

У Республиканской партии США символом является слон. Он стал ассоциироваться с поли-

тической силой в связи с Гражданской Войной в США и основателем партии — Авраамом Линкольном. В одной из передовых газет в 1864 г. изображался мощный слон как знак победы — гигант символизировал мощь Линкольна, поэтому образ могучего зверя прочно закрепился за консерваторами.

Слон и осел являются устойчивыми мифическими образами, олицетворением сущности партий и одновременно разделяют общество на «своих» и «чужих», отражают их вечное соперничество между собой за власть в государстве. Например, критики партии демократов называют осла упрямым, глупым и смехотворным, а состоящие в партии демократов восхваляют животное за скромность, смелость, ум и трудолюбие. Неосознанно воспроизводится тотемизм, т.к. каждый ассоциирует себя с животным-хранителем как с носителем конкретных людских качеств. Человек отождествляет себя не только с конкретной партией, но и с ценностями, которые она в себе несет. Стоит говорить о том, что политическая мифология выражает социальный опыт нации, «ее основная задача создать интегральные образцы, с помощью которых происходит объединение индивидов» [Кроливецкая И.Е., 2016].

Заключение

На основе рассмотренных материалов стоит утверждать, что критерии истины применимы к мифам, в мифологических образах зашифрована в символическом виде реальность. Через фантастические образы передаются знания о действительных событиях в отраженном виде, и изучение мифических конструктов в политике способствует пониманию механизмов функционирования политической мифологии и того, какие знания зашифрованы в современных политических мифах. Однако важно отметить, что конкретные мифологические образы привязаны к конкретному обществу и функционируют в рамках определенного исторического периода. Исследуя мифологические сюжеты разных времен, можно обнаружить изменение содержания политических мифов и их влияния на жизнь людей с развитием общества. Через мифологические образы в древности человек стремился объяснить то, чего не понимал и считал свои фантазии истинными, в то время как современный человек осознает символиче-

скую форму современных политических мифов и то, что истина скрыта за мифологическими образами. Современный миф объясняет окружающую реальность, но часто не имеет тотального характера и не создает всеобъемлющей картины мира: миф становится частью мировоззрения людей, человек осознанно выбирает те или иные политические мифы как средство для формирования чувства принадлежности к обществу и олицетворения его социальных идеалов. Это свидетельствует о том, что для каждого политического мифа характерен свой социальный контекст, в котором он действует и существует. Древние чудовища не смогут присутствовать в XXI веке, их образы не будут успешно существовать в рамках современного общества. Образ противника сохраняется как значимый способ для выстраивания социальной идентификации, но также подвергается трансформациям: характерные для древнего мифа фантастические существа с течением времени превращаются в обычных людей, которые реально существуют, и поэтому их можно победить. Современные политические мифы более приближены к действительности, предоставляют современному человеку знания о современных реалиях, в которых он живет, и дают возможность адаптироваться к ним. Они оперируют видоизмененными сюжетами с целью привлечения внимания аудитории, чтобы консолидировать членов общества, закреплять установленные в обществе ценности и способствовать социальной идентификации. Они символичны по своей форме, но истинны по своему содержанию, т.к. передают значимые для общества ценности, знания и ритуалы в фантастическом виде.

Стоит отметить, что мифологические образы усложняются по форме и содержанию с развитием общества. Мифы сохраняют свои основные функции, но сами мифологические образы видоизменяются. Анализ мифов позволяет проследить, как менялись политические образы, и через них изучить особенности политической мифологии конкретной страны и, соответственно, происходящие в ней социальные и политические процессы. Изучение же истины в политических мифах дает возможность не только проанализировать причины появления конкретных мифов и источники для формиро-

вания символических образов, но и реальные общественные и политические процессы, на базе которых создаются мифологические образы.

Список литературы

Бену А. Символизм сказок и мифов народов мира. Человек — это миф, сказка — это ты. М.: Алгоритм, 2011. 462 с.

Боброва Н.А., Ивентьев С.И. Истина в идеологиях // Проблемы модернизации современного российского государства: сб. материалов VIII Всерос. науч.-практ. конференции, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 23–24 мая 2019 года / отв. ред. Г.А. Иванцова; зам. отв. ред. Е.С. Косых. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2019. С. 15–20.

Голосовкер Я.В. Логика мифа. М.: Наука, 1987. 217 с.

Делез Ж. Тайна Ариадны / пер. В.П. Визгина. 1993. URL: <https://www.nietzsche.ru/look/xxb/ariadna/> (дата обращения: 15.12.2024).

Ивин А.А. Истина в потоке времени. Философский и логический анализ. М.: Проспект, 2015. 363 с.

Ивин А.А. Основания логики оценок. М.: Изд-во МГУ, 1970. 337 с. EDN: SGUXON

Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. М.: Мысль, 1972. 312 с.

Кроливецкая И.Е. Политическая мифология в современном обществе // Концепт. 2016. Т. 40. С. 9–23. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56892.htm>. (дата обращения: 02.02.2025). EDN: WXDQNH

Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой / пер. с англ. А.П. Хомик. К., М.: Ваклер; Рефл-бук; АСТ, 1997. 336 с.

Лукашева Е.А. Современная мифология и реалии политической и социальной жизни // Труды Института государства и права РАН. 2012. № 3. С. 5–35. EDN: SCCTKD

Майданов А.С. Применимо ли понятие истины в мифологии // Многомерность истины / отв. ред. А.А. Горелов. М.: ИФ РАН, 2008. С. 182–202.

Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. М.: РГГУ, 2000. 170 с. EDN: RHJOCL

Никифоров А.Л. Понятие истины в теории познания. Архивная копия от 18 июня 2019 на Wayback Machine // Эпистемология & философия науки. 2008. Т. XVI, № 2. С. 50–65. EDN: NDAGYX

Рикер П. История и истина / пер. с фр.; СПб.: Алетейя, 2002. 400 с. EDN: WJOQYJ

Ставицкий А.В. Миф как проявление функциональной асимметрии человеческого // Культура и искусство. 2022. № 8. С. 25–34. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2022.8.36448> EDN: XSGTJH

Топорков А.Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие. 1997. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 02.02.2025).

Хазина А.В. Антиномия «свой – чужой» в историческом нарративе: взгляд эллинистической историографии // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 271–285. URL: <https://roii.ru/r/1/39.17> (дата обращения: 10.12.2024). EDN: PURJDP

Шайгородский Ю.Ж. Политика: взаимодействие реальности и мифа: монография. Киев: Знания Украины, 2009. 400 с.

Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В. Большакова. М.: Инвест-ППП, 1995. 240 с.

References

Benu, A. (2011). *Simvolizm skazok i mifov narodov mira. Chelovek — eto mif, skazka — eto ty* [Symbolism of fairy tales and myths of the peoples of the world. Man is a myth, a fairy tale is you]. Moscow: Algoritm Publ., 462 p.

Bobrova, N.A. and Ivent'ev, S.I (2019). [Truth in ideologies]. *Problemy modernizatsii sovremennogo rossiyskogo gosudarstva: sb. materialov VIII Vseros. nauch.-prakt. konferentsii, Respublika Bashkortostan, g. Sterlitamak, 23–24 maya 2019 goda* [Problems of modernization of the modern Russian state: Proceedings of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, May 23-24, 2019]. Sterlitamak: Sterlitamaksliy filial BASHGU Publ., pp. 15–20.

Campbell, D. (1977). *Tysyachelikiy geroy* [The Hero with a thousand faces]. Moscow: Vakler Publ., Refl-book Publ., AST Publ., 336 p.

Deleuze, G. (1993). *Tayna Ariadny* [The Mystery of Ariadne]. Available at: <https://www.nietzsche.ru/look/xxb/ariadna/> (accessed 15.12.2024).

Eliade, M. (1995). *Aspekty mifa* [Myth and reality]. Moscow: Invest-PPP Publ., 240 p.

Golosovker, Ya.V. (1987). *Logika mifa* [The logic of myth]. Moscow: Nauka Publ., 217 p.

Ivin, A.A. (2015). *Istina v potoke vremeni. Filosofskiy i logicheskiy analiz* [The truth in the flow of time. Philosophical and logical analysis]. Moscow: Prospekt Publ., 363 p.

Ivin, A.A. (1970). *Osnovaniya logiki otsenok*

[Foundations of the logic of assessments]. Moscow: MSU Publ., 377 p.

Kessidi, F.H. (1972). *Ot mifa k logosu* [From myth to logos: the formation of Greek philosophy]. Moscow: Mysl' Publ., 312 p.

Khazina, A.V. (2012). [The antinomy of "friend and foe" in the historical narrative: the view of Hellenistic historiography]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time]. Iss. 39, pp. 271–285. Available at: <https://roii.ru/r/1/39.17> (accessed 12.10.2024).

Krolivetskaya, I.E. (2016). [Political mythology in modern society]. *Kontsept* [Concept]. Vol. 40, pp. 19–23. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/56892.htm> (accessed 02.02.2025).

Lukasheva, E.A. (2012). [Modern mythology and realities of political and social life]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. No. 3, pp. 5–35.

Maydanov, A.S. (2008). [Is the concept of truth applicable in mythology]. *Mnogomernost' istiny, pod red. Gorelova A.A.* [Gorelov A.A. (ed.) The multidimensionality of truth]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 182–202.

Meletinskiy, E.M. (2000). *Ot mifa k literature* [From myth to literature]. Moscow: RSUH Publ., 170 p.

Nikiforov, A.L. (2008). [The concept of truth in the theory of knowledge. Archived copy from June 18, 2019 on the Wayback Machine]. *Epistemologiya & filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. XVI, no. 2, pp. 50–65.

Ricoeur, P. (2002). *Istoriya i istina* [History and truth]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 400 p.

Shaygorodskiy, Yu.Zh. (2009). *Politika: vzaimodeystvie real'nosti i mifa* [Politics: the interaction of reality and myth]. Kiev: Znaniya Ukrainy Publ., 400 p.

Stavitskiy, A.V. (2022). [Myth as a manifestation of the functional asymmetry of the human]. *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and Art]. No. 8, pp. 25–34. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2022.8.36448>

Toporkov, A.L. (1997). *Mify i mifologiya XX veka: traditsiya i sovremennoe vospriyatie* [Myths and mythology of the twentieth century: tradition and modern perception]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (accessed 02.02.2025).

Об авторе

Лемаев Тимофей Викторович
аспирант кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: lemaev.tim@yandex.ru
ResearcherID: NTQ-9662-2025

About the author

Timofey V. Lemaev
Postgraduate Student of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: lemaev.tim@yandex.ru
ResearcherID: NTQ-9662-2025

УДК 1(091)

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-188-198><https://elibrary.ru/plyjpe>

Поступила: 11.09.2025

Принята: 16.12.2025

Опубликована: 03.07.2026

ЗАЧЕМ НУЖНО РЕАБИЛИТИРОВАТЬ ЛЕНИНСКИЙ ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ?¹

Бряник Надежда Васильевна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Прошедшие уже более, чем три десятилетия со времени отказа от господства марксистско-ленинской парадигмы в философии с ее теоретическим ядром в форме диалектического материализма ставят исследователей перед вопросом о правомерности подобного отказа и даже возможности реабилитации диалектического материализма (в данном случае подобная постановка инициирована зарубежными исследователями). В современной отечественной философии большой диапазон мнений — от двусмысленного отказа (Т.И. Ойзерман, В.А. Лекторский) до признания необходимости творческого развития принципов диалектического материализма применительно к новому этапу существования человечества (М.Н. Руткевич, И.Я. Лойфман). Представителей второго направления явное меньшинство, они не в *mainstream* — упоминать марксизм вне контекста критики не модно, а заявлять о развитии идей данного течения — свидетельство анахронизма или неадекватности претендента. Тем более значимы имена тех, кто продолжил решать философские проблемы, возникающие в социокультурной реальности и науке в парадигме марксизма. Помимо упомянутых основателей Уральской философской школы «Диалектика и теория познания», надо назвать создателя Пермской университетской школы научной философии В.В. Орлова. Автор статьи в качестве материала исследования будет полагаться на результаты первой из заявленных школ в силу того, что свое вхождение в философскую жизнь начал именно в этой школе. Это позволяет предметно сравнивать особенности развития диалектического материализма на ленинском этапе с советским и постсоветским периодом разработки этой проблематики и отношения к ней. На этом основании и будет предложен ответ на вопрос, заявленный в названии статьи. Это не означает, что автор рассматривает свой ответ как единственно возможный. Скорее, авторская позиция нацелена на приглашение к дискуссии о статусе марксистской парадигмы в современной философии, что означало бы реабилитацию диалектического материализма хотя бы в этом отношении.

Ключевые слова: диалектический материализм, марксизм-ленинизм, идеология, теория познания, отражение, диалектика.

Для цитирования:

Бряник Н.В. Зачем нужно реабилитировать ленинский диалектический материализм? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 2. С. 188–198. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-188-198>. EDN: PLYJPE

¹ Основой данного текста послужила статья, опубликованная на индонезийском языке в 2023 г. в качестве предисловия к переводу работы В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Название предисловия было задано издательством (Edisi Mori)

WHY IS IT NECESSARY TO REHABILITATE LENIN'S DIALECTICAL MATERIALISM?

Nadezhda V. Bryanik

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

More than three decades have passed since the rejection of dominance in philosophy of the Marxist-Leninist paradigm, with its theoretical core in the form of dialectical materialism. Consequently, researchers are faced with the question of the rightfulness of such rejection and even the possibility of rehabilitating dialectical materialism (such a proposal was initiated by foreign researchers). Modern Russian philosophy demonstrates a wide range of opinions: from ambiguous rejection (T.I. Oizerman, V.A. Lektorsky) to the recognition of the need for creative development of the principles of dialectical materialism in relation to the new stage of human existence (M.N. Rutkevich, I.Ya. Loifman). Representatives of the second trend constitute a clear minority: mentioning Marxism outside of critical context is discouraged, while advocating for the development of its ideas is regarded as evidence of anachronism or professional incompetence. Therefore, of particular significance are the contributions of researchers who continued to solve philosophical problems arising in socio-cultural reality and science under the paradigm of Marxism. In addition to the founders of the Ural Philosophical School "Dialectic and Theory of Knowledge," here should be mentioned the founder of the Perm University School of Scientific Philosophy V.V. Orlov. The author of this article will rely on the theoretical advancements of the former of the named schools as the material for his research, as it was within this philosophical tradition that he started his philosophical career. This allows the author to compare the development of dialectical materialism during the Leninist period with the Soviet and post-Soviet periods in research and in attitudes toward the issues in question. Based on this comparison, the author will provide an answer to the question posed in the title of the article. It should be noted that the author does not consider his answer to be the only possible one. Rather, the author aims to prompt a broader discussion on the status of the Marxist paradigm in contemporary philosophy, which would mean the rehabilitation of dialectical materialism in this regard.

Keywords: dialectical materialism, Marxism-Leninism, ideology, theory of knowledge, reflection, dialectic.

To cite:

Bryanik N.V. [Why is it necessary to rehabilitate Lenin's dialectical materialism?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 2, pp. 188–198 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-188-198>, EDN: PLYJPE

Когда речь идет о реабилитации идей, то предполагается, что идеи эти были когда-то отвергнуты, либо сведены на нет и попросту забыты. Можем ли мы признать, что это произошло с диалектическим материализмом? И не просто с каким-то абстрактным, а с *ленинским* диалектическим материализмом. Хотя сам В.И. Ленин вряд ли бы согласился только от своего лица представлять диалектический материализм: в «Материализме и эмпириокритицизме» он под-

черкивает, что является последователем и защитником идей К. Маркса и Ф. Энгельса. Поэтому в целом философию диалектического материализма правильнее называть *марксистско-ленинским* диалектическим материализмом.

Если сегодня возникает вопрос о реабилитации диалектического материализма, то по отношению к какому периоду идет речь и в каком состоянии сейчас находится эта философия?

Диалектический материализм был официально признанной философией, связанной с господствующей идеологией в СССР и странах социалистического лагеря, свидетельством тому служит такой институциональный факт, как название кафедр философских факультетов: они стандартно назывались кафедрами диалектического материализма, исторического материализма, а также кафедрами марксистско-ленинской этики, эстетики, истории философии и т.п.

Что касается ленинской работы «Материализм и эмпириокритицизм», то она изучалась студентами и аспирантами всех специальностей по такой дисциплине, как марксистско-ленинская философия, а на философских факультетах на основе данной работы изучалась *теория познания*. Отступление от диалектического материализма и постепенное его забвение началось с горбачевской перестройки (1985–1991 гг.) и продолжилось во времена Б.Н. Ельцина (90-е гг.). Отказ от государственной идеологии в политической жизни страны в области философии сопровождался по сути полным устранением из учебных программ марксистско-ленинской философии, а вместе с ней и диалектического материализма. Из личного преподавательского опыта могу поделиться таким фактом: в 90-е – начале 2000-х гг. упоминание в студенческой аудитории имен Маркса, Энгельса, Ленина вызывало неприятие и пренебрежительно-саркастическую улыбку, а вот уже в 20-х годах текущего столетия можно констатировать абсолютное незнание студентами ни марксистской философии, ни ее творцов.

Что касается преподавательского корпуса, а также специалистов академических институтов, то они в массе своей достаточно быстро переключились на *постмодернизм* с его ориентацией на *плюрализм истины* и стали активно вводить в философское пространство нашей страны проблематику западной философии, где марксистской философии, по большому счету, места не было, кроме как в качестве объекта безапелляционной критики.

Но были и те, кто вынужден был в новых условиях выразить свое отношение к марксизму, т.к. весь советский период они являлись лидерами в концептуальном освоении марксизма и его приложении к советской действи-

тельности. В числе первых из них должен быть назван академик Т.И. Ойзерман. Еще в 1950-х гг. он читал студентам философского факультета МГУ лекции о формировании философии марксизма, которые стали основой его монографии [Ойзерман Т.И., 1962]. Она была обязательной книгой, с которой знакомились студенты философских факультетов страны, поскольку была содержательным введением к многолетнему освоению марксистско-ленинской философии. О позиции советского академика можно судить по названию двух частей его монографии: *Часть 1. От идеализма и революционного демократизма к диалектическому материализму и научному коммунизму; Часть 2. Создание Марксом и Энгельсом основ диалектического и исторического материализма*. Ойзерман в своей концепции обосновывает, во-первых, создание Марксом и Энгельсом диалектического материализма; во-вторых, показывает тесную связь и зависимость философских принципов основоположников марксизма (= диалектического и исторического материализма) от их социально-политической позиции. Спустя 40 лет, в постсоветский период, выходит новая монография данного автора «Марксизм и утопизм» [Ойзерман Т.И., 2003], уже само название которой несет в себе двусмысленность; эта двусмысленность сохраняется и в формулировках целого ряда глав данной книги, приведу только некоторые из них: Глава 3. Опыт критического осмысления диалектического материализма; Глава 4. Материалистическое понимание истории: плюсы и минусы; Глава 5. Революция или эволюция? Проблема перехода от капитализма к посткапиталистическому обществу.

И вот уже со статуса научно-обоснованной концепции, утверждавшей неизбежность пролетарской революции, суть идеологической позиции основоположников марксизма низводится им до оправдания существующего в западном мире положения дел. Одна из оценок Ойзермана формулируется так: «Учение Маркса и Энгельса — программа рабочего движения, борющегося за обеспечение прав человека: на труд, отдых, образование и т.д. И тот факт, что трудящиеся многих стран уже добились осуществления своих прав, говорит о выдающемся значении марксизма несравненно больше, чем заблуждения его основоположников, не сумев-

ших до конца преодолеть утопизм своих предшественников» [Ойзерман Т.И., 2003, с. 90–91]. Двусмысленность процитированной оценки в том, что в угоду современной идеологии прав человека, не сводимое к этой идеологии в марксизме, представлено как заблуждение и утопизм.

Что касается диалектического материализма, то Ойзерман рассматривает его через призму, как он говорит, «поставленных, но не решенных проблем», определяя свой собственный статус в качестве «самокритика марксизма». Он так заявляет необходимость критики диалектического материализма: «Мое изложение и анализ основ диалектического материализма представляет собой самокритику этого философского учения. Будучи его убежденным приверженцем, я вместе с тем сознаю, что философия по природе своей носит плюралистический характер, т. е. никогда не было и не будет последней, окончательной, единственно истинной философии... <...> Философия ... каков бы ни был исторический уровень ее развития, существует ... лишь во множественном числе» [Ойзерман Т.И., 2003, с. 155]. Но тогда нельзя не признать противоречивости в позиции одновременно «убежденного приверженца марксизма» и «самокритика марксизма» — признание плюрализма истины есть не что иное, как отрицание объективной истины, а ведь это базовый принцип диалектико-материалистической теории познания.

И это не просто мои домыслы и навязывание не свойственных Ойзерману положений. Он сознательно отстаивает именно *плюрализм*, а не *относительность* истины. Вот его рассуждение, исключая какие-либо разночтения: «Маркс и Энгельс, как и их продолжатели, ... разделяли ... утопическое убеждение, т.е. рассматривали плюрализм философских учений как исторически преходящий процесс, который завершается созданием их научно-философского мировоззрения. Самокритика марксизма обязана отвергнуть эту утопическую иллюзию» [Ойзерман Т.И., 2003, с. 156]. И чтобы связать концы с концами — положения книги 1962 года («Формирование философии марксизма») с оценками книги 2003 года («Марксизм и утопизм»), — он заключает: «Общий вывод... сводится к тому, что эта философская теория все еще не вышла из стадии

становления, что она, вопреки уверениям ее ортодоксальных представителей, носит ... эскизный характер, не говоря уже о том, что некоторые ее положения оказались заблуждениями. Констатация этих фактов открывает перспективы создания действительно диалектико-материалистической философии и ее дальнейшего творческого развития путем теоретического осмысления научных достижений и исторического опыта» [Ойзерман Т.И., 2003, с. 156].

Выходит, что принципы марксистской философии, выработанные на этапе становления, — это всего лишь «эскиз»/наметки, включающие и заблуждения. Таковой она и остается к началу XXI столетия. Вместе с тем мы видим, что Ойзерман не отказывает диалектическому материализму в возможности дальнейшего развития на основе научных достижений и какого-то неопределенного «исторического опыта».

Для интересующего нас вопроса важно отметить: получается, что Ленин отстаивал и защищал в «Материализме и эмпириокритицизме» диалектический материализм Маркса и Энгельса, который, с точки зрения Ойзермана, содержал в себе заблуждения и утопические идеи.

Не могу не остановиться еще на одной форме отказа от принципов диалектического материализма в его ленинском развитии — в данном случае я имею в виду позицию В.А. Лекторского, работа которого «Эпистемология: классическая и неклассическая» [Лекторский В.А., 2001] активно цитируется в современной отечественной литературе. И в этом случае придется сравнивать оценки данного автора в постсоветский период с его же подходом в советские времена.

Еще в советский период развития отечественной философии В.А. Лекторский отмечал: «задача... состоит в том, чтобы продемонстрировать плодотворность того способа понимания познания, познавательного отношения субъекта и объекта, который открывается марксистско-ленинской философией. ... Марксистско-ленинская философия исходит из понимания познания как социально-опосредованной, исторически развивающейся деятельности отражения. Познавательное отражение, предметно-историческая деятельность и коммуникация рассматриваются в их диалектическом единстве» [Лекторский В.А., 1980, с. 134–135]. Из

этой цитаты понятно, какое большое значение автор в тот период придавал проблематике гносеологии, а в ней — ленинской идее отражения. Показательно, что из двух разделов его монографии второй — «Марксистский подход: познание как социально-опосредованная, исторически развивающаяся деятельность отражения» — полностью посвящен исследованию отражения.

Подчеркнем, что, фактически, именно проблематике *отражения* посвящена и монография В.А. Лекторского постсоветского периода (2001 г.). В ее второй части «Проблемы и принципы эпистемологии: новое рассмотрение», названия параграфов говорят сами за себя: «Ощущение», «Восприятие», «Представление», «Мышление», «Объект», «Субъект», «Объективное», «Субъективное». Есть здесь и параграф «Отражение». Показательно также, что автор отмечает: идея отражения в интерпретации «эпистемологического реализма» (с которым он связывает и свою собственную позицию) приемлема и плодотворна. Поэтому не совсем понятны резко критические замечания автора о «ленинской теории отражения» как навязанной «официальной идеологической доктрины» [Лекторский В.А., 2001, с. 7, 8]. Он отмечает, что «разработка неклассической эпистемологии поэтому означает для нас также и пересмотр собственного наследия в этой области, отказ от некоторых положений, уточнение и конкретизацию других» [Лекторский В.А., 2001, с. 8]. Слова «пересмотр» и «отказ» характеризуют отношение постсоветского философа к марксистско-ленинскому наследию, ставшее способом осознания своей современности. Однако, если говорить о содержании его концепции, то В.А. Лекторский, на мой взгляд, и в советский, и в пост-советский период творчества использовал принцип отражения как основу *позиции гносеологического реализма*. Получается, что в случае Лекторского мы имеем на словах отказ от диалектического материализма (принцип отражения раскрывает природу сознания как в онтологическом, так и гносеологическом его аспектах), но фактическое его использование в собственной концепции.

Конечно, приведенные позиции — критика, отмена и забвение базовых положений диалектического материализма, нацеленность на его пересмотр — не покрывают всего спектра от-

ношений к марксистско-ленинской философии в постсоветской отечественной литературе. В философском пространстве РФ есть мыслители, которые как в советский, так и постсоветский периоды последовательно отстаивали заложенное основоположниками марксизма-ленинизма, признавая в нем научно обоснованную теорию, в которой есть все возможности для творческого развития с учетом тех изменений, которые произошли в основных сферах человеческой жизнедеятельности за последние 150 лет. Таких мыслителей немного, и в современном российском философском сообществе они воспринимаются чаще всего как застрявшие где-то в прошлом, а их исследования не удостоиваются серьезного внимания. К их числу относится профессор В.В. Орлов — создатель Пермской университетской школы научной философии и автор ряда известных монографий [Орлов В.В., 1960; Орлов В.В., 1974]. Также к их числу относятся основатели Уральской философской школы — чл.-корр. АН СССР М.Н. Руткевич и Заслуженный деятель науки РФ И.Я. Лойфман. Для автора этих строк М.Н. Руткевич и И.Я. Лойфман являются Учителями, которые открыли мир философии и привили определенный стиль мышления. В 1970 году на основе прочитанного студентам философского факультета Уральского госуниверситета спецкурса выходит монография Руткевича «Актуальные проблемы ленинской теории отражения» [Руткевич М.Н., 1970]. В центре анализа находится идея отражения, высказанная Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме» в качестве гипотезы, которая позволяла снять обвинения со стороны критиков марксизма в нелогичности и необоснованности появления сознания в «здании, состоящем из материи». Десятью годами ранее вышел курс лекций «Диалектический материализм» [Руткевич М.Н., 1960], который Руткевич читал для студентов естественных факультетов Уральского госуниверситета, а в 1973 г. появился курс лекций «Диалектический материализм» [Руткевич М.Н., 1973] для философских факультетов.

Лойфман и Руткевич занимались исследовательской деятельностью до последних дней своей жизни; важным результатом их совместного творчества стали две книги «Диалектика и теория познания» [Руткевич М.Н., Лойф-

ман И.Я., 1994] и «Основы гносеологии» [Лойфман И.Я., Руткевич М.Н., 2003].

Руткевич и Лойфман с самого начала своей деятельности осознанно отстаивают *марксистско-ленинский подход* в области теории познания (мы ограничиваемся трактовкой данными авторами теории познания, т.к. «Материализм и эмпириокритицизм» в первую очередь посвящен этой тематике). Они подчеркивают, что «последовательно проводят точку зрения, которая связана с философским наследием К. Маркса и которую в XX веке стали называть диалектическим материализмом» [Лойфман И.Я., Руткевич М.Н., 2003, с. 5]. Показательно, что свою гносеологическую концепцию они предъявляют в период, когда марксизм превращается в объект снисходительной критики. Вопреки этой тенденции, Руткевич и Лойфман так раскрывают *принципы диалектико-материалистической концепции познания*: «свойственное вообще материализму признание первичности материи по отношению к сознанию в онтологическом плане (сознание — функция, свойство высокоорганизованной материи) и гносеологическом плане (сознание человека в общем и целом отображает реальность, и поэтому мир познаваем на основе практической деятельности по его освоению) обогащено диалектикой как всеобщим учением о развитии мира, об историческом развитии человеческого познания» [Лойфман И.Я., Руткевич М.Н., 2003, с. 5].

Теория познания в трактовке диалектического материализма, согласно философской школе Руткевича/Лойфмана, основывается на идее отражения — при исследовании любых гносеологических проблем она должна быть признана основополагающей. Приведем названия только некоторых глав и параграфов из книги «Основы гносеологии», в которых есть понятие отражения: «Единство сознания и материи как единство отражательной деятельности и материального субстрата этой деятельности — рефлекторных систем человеческого мозга»; «Познание как отражение объективного мира»; «Творческий характер отражения». В связи с этим обратим внимание читателя данных строк на следующие моменты. Если для Лекторского гипотеза отражения, предложенная Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме», оценивается как наивная, к началу

XX в. ставшая анахронизмом, то Лойфман и Руткевич оценивают ленинскую идею как гипотезу, которая должна быть обоснована данными в первую очередь наук о неорганической и органической природе. Такая позиция является логическим следствием из понимания того, что *человеческое* познание как отражение — это только высший уровень отражательной деятельности, если рассматривать отражение в качестве атрибута материи. Вот как Руткевич и Лойфман развивают ленинскую идею отражения: «Отражение в его простейшем виде может быть определено как способность тела воспроизводить в своей организации свойства других тел, воздействующих на данное тело. Всей материи, отмечал, Ленин, можно предполагать, присуще свойство отражения, характер которого меняется с повышением уровня организации материи. Физические тела способны реагировать на внешние воздействия соответственно своей предыстории (например, явление гистерезиса). Простейшие живые организмы обладают раздражимостью и реагируют на действия среды целесообразно. Животные обладают органами чувств и реагируют на постоянные и временные условия существования с помощью рефлексов — условных и безусловных. Сознание человека есть высшая форма отражения действительности, оно является функцией высокоорганизованной материальной системы — мозга» [Лойфман И.Я., Руткевич М.Н., 2003, с. 14–15]. Для нашего исследования важно подчеркнуть, что и понятие информации Лойфман и Руткевич рассматривают в контексте концепции отражения, что позволяет раскрыть онтологический смысл феномена информации.

Для конкретизации того, как они понимают *творческое* развитие марксизма, можно представить проведенный ими гносеологический анализ науки, ведь по базовому образованию Лойфман и Руткевич физики. Как принято в марксизме, они признают науку высшей формой познания. *Научной* считается также и собственно марксистская философия. Таким образом, их позицию в философии и, конкретно, в гносеологии, можно определить (причем, без всякой негативной коннотации) как сциентистскую. Однако, несмотря на этот сциентизм, в «Основах гносеологии» теоретико-познавательные принципы раскрываются на

материале всех известных видов познавательной деятельности.

Попробуем обосновать данную оценку. В главе «Субъективное и объективное в образе», в которой *познавательный образ* представлен в качестве «клеточки» познания», в параграфе 2.2 «Основные виды субъективных образов объективного мира» исследуются такие элементы различных видов познания и форм общественного сознания как: *научное понятие, художественный образ, нравственная норма, мифологема и религиозный символ*. И, начиная с «элементарной клеточки» в любом виде познавательной деятельности, авторами демонстрируется зависимость от *объекта и субъекта*, а также от *способа их взаимосвязи*. Категориально эта зависимость раскрывается как *творческое отражение*. Соответственно, «гносеологическая структура научного понятия... характеризуется единством предметно-описательного, оперативно-предсказательного и оценочно-объяснительного аспектов» [Лойфман И.Я., Руткевич М.Н., 2003, с. 63]. Так, в *художественном образе* выделяются предметно-изобразительная, оперативно-конструктивная, оценочно-экспрессивная компоненты, ориентированные на духовное освоение реальности по законам красоты [Лойфман И.Я., Руткевич М.Н., 2003, с. 67]. В *нравственной норме* ими выделены предметно-императивный, оперативно-мотивационный, оценочно-санкционирующий аспекты, обуславливающие возможность правового регулирования поведения людей [Лойфман И.Я., Руткевич М.Н., 2003, с. 69]. В свою очередь, мифологема включает предметно-моделирующий, оперативно-ритуальный и оценочно-этиологический компоненты, которые гармонизируют отношения человека и мира [Лойфман И.Я., Руткевич М.Н., 2003, с. 72]. Наконец, в *структуре религиозного символа* авторами выделены предметно-иносказательный, оперативно-культовый, оценочно-сакральный аспекты, которые раскрывают содержание религиозного отношения человека к миру [Лойфман И.Я., Руткевич М.Н., 2003, с. 73]. Подчеркнем, что структура всех этих видов познания не просто категориально обозначена. Также раскрывается история открытия данных аспектов и обосновывается необходимость их синтеза.

Развивая философию марксизма в направлении изучения научного познания, Лойфман и Руткевич в рамках своей гносеологической концепции не сводят анализ к особенностям исключительно научного познания. Они осуществляют сравнительное исследование *всех* основных видов познавательной деятельности. Именно этот комплексный подход и составляет ключевое отличие их гносеологии от философии науки, фокусирующейся на специфике научного знания.

Специализируясь в области философии науки, я хотела бы дать и свой ответ на вопрос, поставленный в названии Предисловия. В юбилейном сборнике (к 150-летию со дня рождения В.И. Ленина) мною была подготовлена статья под названием «Возможен ли путь от политики к философии науки, или к вопросу о допустимости ленинской критики махизма» [Брянник Н.В., 2020]. Поскольку моя позиция по данному вопросу не изменилась, воспроизведу один фрагмент из данной статьи.

Ограничимся рассмотрением вопроса по поводу новых концепций *энергии*, обсуждавшегося в науке рубежа XIX–XX вв. По сути в единственной философской работе В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в 5 главе рассматривается кризис физики указанного периода, который ставит исследователей перед таким мировоззренческим вопросом, как атрибутивность движения материи («Мыслимо ли движение без материи?»). Современная ему физика, считает В.И. Ленин, «свихнулась в идеализм», т.к. логическая интерпретация ее открытий подводит к признанию того, что «материя исчезла»; в этой связи подвергается критике специалист в области физической химии В. Оствальд, лауреат Нобелевской премии (1909). Для Ленина интерес к данному естествоиспытателю вызван тем, что этот ученый не только делал открытия в науке, но и философски их интерпретировал. Ленин настаивает на том, что «нельзя обойти “энергетики” Оствальда, говоря о связи философского идеализма с некоторыми течениями в новой физике» [Ленин В.И., 1973, с. 284]. Именно мировоззренческие интерпретации, которые дает Оствальд революционным открытиям в области естествознания, дают основание Ленину для такой резкой оценки в отношении данного

естествоиспытателя — он «крупный химик и мелкий философ» [Ленин В.И., 1973, с. 284].

Что важно понимать во всей этой революционной ситуации перехода от классической науки к новому этапу. Прежде всего, нельзя не отметить сам факт признания Лениным радикальных изменений базовых положений в науках, которые исследуют сам «фундамент материи». Ленин отмечает, что «исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т.п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи» [Ленин В.И., 1973, с. 275]. Этот процесс сопровождается формированием принципиально новых научных представлений о мире и возникновением соответствующих теорий: термодинамики, электромагнетизма, квантовой механики.

В рамках философского осмысления этих научных макросдвигов Ленин формулирует ключевой вывод, широко цитировавшийся в советской философской традиции: «Как ни диковинно с точки зрения "здорового смысла" превращение невесомого эфира в весомую материю и обратно, как ни "странно" отсутствие у электрона всякой иной массы, кроме электромагнитной, как ни необычно ограничение механических законов движения одной только областью явлений природы и подчинение их более глубоким законам электромагнитных явлений и т.д., — все это только лишнее подтверждение диалектического материализма. Новая физика свихнулась в идеализм... именно потому, что физики не знали диалектики. Они боролись с метафизическим ...материализмом, с его односторонней "механистичностью"» [Ленин В.И., 1973, с. 276–277].

Казалось бы, в этой ситуации принципиальной новизны в науке Ленину следовало придерживаться установки Ф. Энгельса, которая гласит: философия должна признать, что каждое значительное событие в естествознании приводит к смене формы материализма; причем в своей работе Ленин не раз обращается к этому утверждению Энгельса из «Диалектики природы». Но, констатируя революционный характер событий, происходящих в физике, и понимая, что механистическое мировоззрение ему не отвечает, он, тем не менее, полагается на

систему базовых понятий классической (= механистической) картины мира.

Энгельс и Ленин еще отождествляют материю с веществом. Однако в рассматриваемый исторический период в науке начинается пересмотр такого подхода: материя уже не ограничивается веществом, которое признаётся лишь одной из её физических форм. В статье А. Эйнштейна «Что такое теория относительности» (1919 г.) — работе, не упомянутой в трудах Ленина, — даётся следующая оценка: в рамках теории относительности «старые законы» (то есть законы механики) оказываются неприменимыми. Эйнштейн даже характеризует их как «несправедливые» — именно потому, что они были сформулированы исключительно для вещества, единственного вида реальности, известного классической науке. Согласно позиции Эйнштейна, когда «в физике появилось новое понятие, самое важное достижение со времен Ньютона: поле» [Эйнштейн А., 1965, с. 317], то необходимо изменить подход к пониманию закона. В концепции Эйнштейна процессы, исследуемые в физике, не подразделяются на два различных по качеству вида реальности — поле и вещество. Напротив, он полагал, что они по своей сути представляют единую реальность. Учёный задает фундаментальный вопрос, адресованный физикам: «Что является физическим критерием, различающим вещество и поле?» [Эйнштейн А., 1965, с. 315]. Именно решение этого вопроса легло в основу разграничения разработанной им теории относительности, представляющей собой новую физику, и классической физической теории. «Раньше, когда мы не знали ТО, мы пытались бы ответить на этот вопрос следующим образом:... Поле представляет энергию, вещество представляет массу... Из ТО мы знаем, что вещество представляет собой огромные запасы энергии и что энергия представляет собой вещество... различие между массой и энергией не качественное» [Эйнштейн А., 1965, с. 315]. Но если так, то различие между полем и веществом, носит чисто количественный характер, так как «вещество — там, где концентрация энергии велика, поле — там, где концентрация энергии мала» [Эйнштейн А., 1965, с. 315].

Показательно, что спустя два десятилетия Г. Башляр — учёный, работавший на стыке физической химии и эпистемологии — обращает

ся к тем же фундаментальным понятиям и сопоставляет классическую (ньютоновскую) и неклассическую (эйнштейновскую) науку [Башляр Г., 1987]. По его мнению, ключевое различие заключается в следующем: неклассическая наука проникнута духом динамизма, тогда как классическая сосредоточена на субстанциально-вещественном мире. Таким образом, статичному миру веществ и субстанций противопоставляется мир становления и динамики

Какие же отсюда можно сделать выводы? Если считать массу главной характеристикой вещества, а энергию — атрибутом движения и динамики, и принять во внимание, что закон сохранения энергии в естественных науках включает в себя закон сохранения массы, то логично заключить: понятие вещества как разновидности материи теряет силу в микромире. Именно этим, на мой взгляд, обусловлены резкие формулировки в работах Ленина — такие как «материя исчезла» и «мыслимо ли движение без материи?».

При этом следует отметить, что Ленин не углубляется в собственно физические аспекты научных новаций того периода, которые одновременно воспринимались и как революционные, и как кризисные. По современным меркам Ленина вряд ли можно отнести к специалистам в такой области философии как философия науки. Вместе с тем даже сегодня не может не удивлять приводимое им многообразие только появившихся в его время новейших публикаций по физике и психологии. Заметим, что он и не ставил перед собой цель раскрыть научные смыслы или дать с позиций научной философии интерпретацию новых открытий. Его цель четко выражена в подзаголовке анализируемого произведения — «Критические заметки об одной реакционной философии». Реакционной он объявляет философию махизма (отождествляя при этом махизм и эмпириокритицизм), поскольку представители этой философии (а в поле его зрения прежде всего отечественные сторонники этой новомодной философии), как считает Ленин, производят *ревизию марксизма*, подрывая принципы диалектики и материализма, основываясь на революционных открытиях в науке. В этой связи Ленин язвительно замечает: «... какие-то там Маркс и Энгельс для таких "мужей науки" совершенно не существуют»

[Ленин В.И., 1973, с. 286]. Его оценка недвусмысленна: «... перед нами некоторое международное идейное течение, не зависящее от какой-нибудь одной философской системы, а вытекающее из некоторых общих причин, лежащих вне философии» [Ленин В.И., 1973, с. 320–321].

Если с дистанции более, чем в столетие проанализировать произошедшее, то мы можем констатировать следующую ситуацию. В условиях жесточайшей политической борьбы Ленину пришлось отстаивать базовые принципы идеологии, на которой была выстроена его политическая платформа. Теоретическое обоснование отстаиваемой идеологии держалось на марксистской философии, которая в качестве оригинального философского течения квалифицировалась как диалектический материализм. Оценивая попытки пересмотреть теоретическое ядро марксистской идеологии как ревизию марксизма, Ленин истоки подобной ревизии видит в философских интерпретациях происходившей на рубеже XIX–XX вв. революции в науке. Ведь политические соратники Ленина искренне предлагали всего лишь дополнить бесспорно научную экономическую теорию Маркса гносеологией Маха — эта гносеология выростала из самой науки. Ленин вынужден был погрузиться в проблематику теории познания и философии науки, подвергая резкой критике те положения махизма, которые противоречили принципам материализма и диалектики.

Если оценить описанную ситуацию с позиций современной гносеологии, то надо признать, что в «Материализме и эмпириокритицизме» разработан целый ряд новаторских идей, которые представляют несомненный интерес и для сегодняшней теории познания. К их числу, бесспорно, следует отнести идею об отражении как атрибуте материи, а также основательно развернутую концепцию истины. О гипотезе отражения речь уже шла. Что касается концепции истины, то значимость ее ленинской трактовки в условиях современной обстановки в мире, которая сопровождается информационной и гибридной войнами, трудно переоценить. Ленин прорабатывает все логически возможные аспекты отстаиваемой им концепции *объективной истины*, а именно: дает определение объективной истины, которую он противопоставляет

ставляет трактовке *истинного* как *общезначимого*; рассматривает диалектику абсолютной и относительной истины, обосновывает практику как критерий истины. Ленинская трактовка и сегодня является надежным основанием против fake-news и пост-правды, которые вбрасываются в социум и отождествляются с критерием общезначимости, подменяющей факты и подлинными свидетельствами. Но для реабилитации этих ленинских идей стране нужна идеология (а не отсутствие таковой), объединяющая страну для активных действий и исходящая из реального положения дел, т.е. из представлений об объективной истине

Список литературы

- Башляр Г. Новый рационализм. М.: Прогресс, 1987. 376 с.
- Брянник Н.В. Возможен ли путь от политики к философии науки, или к вопросу о допустимости ленинской критики махизма // Новые идеи в философии. 2020. Вып. 7(28). С. 38–46. EDN: EDIXOW
- Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980. 358 с. EDN: SNCYBV
- Лекторский В.А. Эпистемология: классическая и неклассическая. М.: УРСС, 2001. 255 с.
- Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 18. Изд-е пятое. М.: Изд-во Политической литературы, 1973. 526 с.
- Лойфман И.Я., Руткевич М.Н. Основы гносеологии. 2-е издание. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003. 150 с.
- Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 568 с. EDN: SBMXFF
- Ойзерман Т.И. Формирование философии марксизма. М.: Соцэкгиз, 1962. 550 с.
- Орлов В.В. Диалектический материализм и психофизиологическая проблема. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1960. 207 с.
- Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь: Пермский государственный университет, 1974. 395 с.
- Руткевич М.Н., Лойфман И.Я. Диалектика и теория познания. Москва: Мысль, 1994. 383 с.
- Руткевич М.Н. Актуальные проблемы ленинской теории отражения. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970. 234 с.
- Руткевич М.Н. Диалектический материализм: Курс лекций для естеств. фак. Москва: Соцэкгиз, 1960. 598 с.
- Руткевич М.Н. Диалектический материализм. Курс лекций для филос. фак. Москва: Мысль, 1973. 527 с.
- Эйнштейн А. Поле и относительность // Физика и реальность. М.: Наука, 1965. С. 275–320.

References

- Bashlar, G. (1987). *Novyy ratsionalizm* [The new rationalism]. Moscow: Progress Publ., 376 p.
- Bryanik, N.V. (2020). [Is there a way from politics to the philosophy of science, or to the question of the permissibility of Lenin's criticism of Machism]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 7(28), pp. 38–46.
- Einstein, A. (1965). [Field and relativity]. *Fizika i real'nost'* [Physics and reality]. Moscow: Nauka Publ., pp. 275–320.
- Lektorsky, V.A. (2001). *Epistemologiya: klassicheskaya i neklassicheskaya* [Epistemology: classical and non-classical]. Moscow: URSS Publ., 255 p.
- Lektorsky, V.A. (1980). *Sub'ekt, ob'ekt, poznanie* [Subject, object, and cognition]. Moscow: Nauka Publ., 358 p.
- Lenin, V.I. (1973). [Materialism and empiriocriticism]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy* [Lenin V.I. Collected works]. Moscow: Politicheskaya literatura Publ. vol. 18, 526 p.
- Loifman, I.Ya. and Rutkevich, M.N. (2003). *Osnovy gnoseologii* [Fundamentals of epistemology]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 150 p.
- Oizerman, T.I. (1962). *Formirovanie filosofii marksizma* [The formation of marxism's philosophy]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 550 p.
- Oizerman, T.I. (2003). *Marksizm i utopizm* [Marxism and utopianism]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 568 p.
- Orlov, V.V. (1960). *Dialekticheskiy materializm i psikhofiziologicheskaya problema* [Dialectical materialism and the psychophysiological problem]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 207 p.
- Orlov, V.V. (1974). *Materiya, razvitie, chelovek* [Matter, development, and man]. Perm: PSU Publ., 395 p.
- Rutkevich, M.N. (1970). *Aktual'nye problemy leninskoy teorii otrazheniya* [Actual problems of Lenin's theory of reflection]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izd-vo Publ., 234 p.
- Rutkevich, M.N. (1960). *Dialekticheskiy materializm: Kurs lektsiy dlya estestvennykh fakul'tetov* [Dialectical materialism: a course of lectures for natural sciences]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 598 p.
- Rutkevich, M.N. (1973). *Dialekticheskiy materi-*

alizm: Kurs lektsiy dlya filosofskikh fakul'tetov [Dialectical materialism: a course of lectures for the Faculty of Philosophy]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 598 p.

Rutkevich, M.N. and Loifman, I.Ya. (1994). *Di-alektika i teoriya poznaniya* [Dialectics and the theory of knowledge]. Moscow: Mysl' Publ., 383 p.

Об авторе

Бряник Надежда Васильевна

доктор философских наук, профессор
профессор кафедры онтологии и теории познания

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: n.v.brianik@urfu.ru

About the author

Nadezhda V. Bryanik

Doctor of Philosophy, Professor
Professor of the Department of Ontology
and Theory of Knowledge

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: n.v.brianik@urfu.ru

УДК 1:316

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-199-210><https://elibrary.ru/pddvln>

Поступила: 21.01.2026

Принята: 02.02.2026

Опубликована: 03.07.2026

ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ

Комаров Сергей Владимирович, Поросенков Сергей Владимирович

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

В статье анализируются подходы к исследованию цифровой реальности и выделяются признаки понятия цифровая реальность. Выделены натуралистический, дисциплинарный, функциональный, структурный, коммуникативно-процессуальный подходы к изучению цифровой реальности. В противоположность этим подходам показана возможность исследования цифровой реальности на основе выявления динамики значений и смысла, формирующихся у субъектов с различной степенью вовлеченности в цифровую реальность посредством деятельного, познавательного и коммуникативного взаимодействия с этой реальностью. В рамках процессуального подхода к анализу цифровой реальности определены онтологические характеристики цифровой реальности на основе «склейки» природного, социального и технического уровней реальности протекающими в них информационными процессами. В связи с этим рассматриваются генетический аспект, аспект актуального существования и смысловой аспект цифровой реальности. В рамках этого выявлены такие атрибутивные признаки цифровой реальности, как «цифровое время», «цифровое пространство», «цифровой способ бытия» человека. Значение времени в цифре оказывается преобразовано так, что, с одной стороны, это совокупность процессов взаимодействия человека с техническими устройствами и образуемой в этом взаимодействии виртуальной реальностью, а с другой стороны, эта последовательность математических операций в технических устройствах содержит эмерджентное качество существования («быть») вне природного, социального и экзистенциального времени. «Цифровое пространство» — это смысловой объект информационных значений, который существует в рамках условностей взаимодействия субъекта с техническими устройствами. Для человека, который в рамках познавательного и практического отношения к объективно существующему миру формирует смысл и значение реальности, цифровая реальность открывает спектр тех же значений реальности, но в абсолютно неизменных формах, открытых бесконечной комбинаторике. Поэтому «цифровой способ бытия» человека означает приоритет всех значений, воспроизводимых цифровой реальностью в сознании субъекта, воспринимающего его в ценностном, познавательном, практическом отношении ко всему существующему вообще.

Ключевые слова: объективная реальность, цифровая реальность, информация, смысл, значение, цифровое время, цифровое пространство.

Для цитирования:

Комаров С.В., Поросенков С.В. Цифровая реальность: смысл и значение // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 2. С. 199–210. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-199-210>.

EDN: PDDVLN

DIGITAL REALITY: MEANING AND SIGNIFICANCE

Sergey V. Komarov, Sergey V. Porosenkov

Perm State University (Perm)

The article analyzes approaches to the study of digital reality and identifies the features of the concept of “digital reality.” The naturalistic, disciplinary, functional, structural, and communicative-procedural approaches to the study of digital reality are outlined. In contrast to these approaches, the article shows the possibility of studying digital reality based on identifying the dynamics of meanings and significance that emerge in subjects (individuals) who demonstrate varying degrees of immersion in digital reality through active, cognitive, and communicative interaction with it. Employing the procedural approach to the analysis of digital reality, the article identifies its ontological characteristics based on the “bonding” of natural, social, and technical levels of reality by information processes occurring within them. Therefore, the genetic aspect, the aspect of actual existence, and the semantic aspect of digital reality are examined. Within this framework, such attributive features of digital reality as “digital time,” “digital space,” and the “digital context of human existence” have been identified. The meaning of time in the digital realm is transformed in such a way that, on the one hand, it represents a set of processes of human interaction with technical devices and with the virtual reality formed in this interaction, and, on the other hand, this sequence of mathematical operations in technical devices contains the emergent quality of existence (“to be”) outside natural, social, and existential time. “Digital space” is a semantic object of informational meanings that exists within the conventions of a subject’s interaction with technical devices. For a person who, through a cognitive and practical relationship with the objectively existing world, forms the meaning and significance of reality, digital reality reveals a spectrum of the same meanings of reality, but in absolutely invariant forms that are open to infinite combinatorics. Therefore, the “digital mode of human existence” signifies the priority of all meanings reproduced by digital reality in the consciousness of a subject who perceives it in a value-based, cognitive, and practical relation to everything that exists as a whole.

Keywords: objective reality, digital reality, information, meaning, significance, digital time, digital space.

To cite:

Komarov S.V., Porosenkov S.V. [Digital reality: meaning and significance]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 2, pp. 199–210 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-199-210>, EDN: PDDVLN

Цифровизация, информационная революция, цифровая реальность, цифровые личности и многие подобные понятия вошли в повседневное общение, научное и философское познание так стремительно и так значимо, что встает вопрос о пересмотре смысла и значений прежних общих характеристик существования и бытия человека вообще. Здесь мы отталкиваемся от понятия «реальность», введенного В.И. Пржиленским [Пржиленский В.И., 2013]. Качественные изменения, происходящие в культуре, обществе, изменения самого человека

под воздействием цифровых технологий ставят перед философией проблему переосмысления привычных понятий «объективная реальность», «природная реальность», «социальная реальность» в соотношении с новыми компонентами реальности, т.е. с «виртуальной» реальностью, создаваемой техническими устройствами и, шире, цифровой реальностью вообще.

1. Подходы к анализу цифровой реальности

Цифровая реальность — это становящееся понятие, как становящейся является и сама циф-

ровая реальность. Онтологический статус этого понятия и его содержание предопределяется из методологических позиций, отражающих плюрализм современной философии. Но вместе с тем цифровая реальность своей динамикой становления задает многоплановость/многоаспектность выявления ее различных характеристик, модусов и атрибутов, а также форм взаимодействия субъектов с этой реальностью в зависимости от степени их практической, познавательной или коммуникационной вовлеченности в эту реальность. В этой связи О.А. Гримов выявляет неоднозначность методологических позиций в исследовании цифровой реальности: «Цифровая реальность — принципиально сложное техническое и социальное явление... Сложность формирует и определяет ее полионтологичность, требуя полипарадигмального подхода и разнообразных оптик анализа» [Гримов О.А., 2019, с. 44].

Можно выделить следующие варианты подходов к выявлению содержания понятия «цифровая реальность», которые в той или иной мере проявляются в современной научной литературе.

Во-первых, как это обычно бывает при появлении чего-то нового, формируется описательный или натуралистический подход. Суть в том, что цифровую реальность можно характеризовать через указания на ее непосредственно явленные компоненты: цифровые технологии, искусственный интеллект, нейросети, дата-центры, робототехнику, 3D печать, виртуальную реальность и т.д. При этом различаются трактовки соотношения тех или иных компонентов цифровой реальности. Так, Е.В. Лазинина отмечает, что «цифровая реальность является разновидностью виртуальной реальности, вход и деятельность внутри которой осуществляется через использование современных цифровых устройств, соединенных единой цифровой сетью» [Лазинина Е.В., 2019, с. 84]. А.Ю. Косенков полагает, что «компьютеризация, сетевизация и виртуализация, будучи взаимосвязанными магистральными направлениями цифровизации, определяют ключевые характеристики цифровой реальности как фрагмента универсума» [Косенков А.Ю., 2023, с. 14].

Во-вторых, формируется дисциплинарный подход, где видение и объяснение цифровой

реальности осуществляется из позиции дисциплинарной вовлеченности субъектов в эту реальность: цифровая экономика, цифровое образование, цифровое право, цифровая психология, цифровая аксиология и т.д. В рамках этого подхода возможно формирование и некоторой общей картины цифровой реальности, если исследование выходит на междисциплинарный уровень. Такой междисциплинарный синтез может обозначить как совокупность отраслевых онтологий цифровой реальности.

В-третьих, формируется структурный подход, в рамках которого выявляется место и особенности цифровой реальности, понимаемой как один из уровней объективной реальности наряду с природной и социальной реальностью. В этом подходе онтологические характеристики цифровой реальности сравниваются с подобными характеристиками предшествующих уровней. Например, выявляется специфика «цифрового времени», «цифрового пространства», «цифрового способа бытия» и т.д. «Цифровая реальность — это новый структурный уровень в универсуме, представленный цифровыми компьютерами, компьютерными сетями и виртуальными сущностями» [Макаров В.А., 2024, с. 1261].

В-четвертых, формируется функциональный подход, который ориентирован на новые формы взаимодействий, которые обозначаются как коллективная субъектность. Иначе говоря, деятельность различных субъектов, взаимодействующих между собой в цифровой реальности и с самой этой реальностью задает видение и объяснение ее не как чего-то предметного, а как процессуально-динамичной иерархии взаимодействий этих разнообразных субъектов. Один из аспектов этого подхода В.И. Пржиленский определяет следующим образом: «Цифровая реальность — это итог цифровизации социальных практик, как индивидуальных, так и коллективных» [Пржиленский В.И., 2021, с. 68].

В-пятых, формируется коммуникативно-процессуальный подход, где становление цифровой реальности исследуется в диалоге человека и нейросети. Это нелинейное взаимодействие. «Онтология нейросети, возможно, двойственна. У нее есть цифровой, вычислительный уровень, который мы можем постараться анализировать. Но у нее есть и эмерджентный

смысловой уровень, который рождается в этих нелинейных взаимодействиях» [Гримов О.А., 2019, с. 333].

2. Анализ цифровой реальности как смысловой реальности

Однако наряду с названными подходами к исследованию цифровой реальности возможен и путь рационального исследования через понятия «смысл» и «значение», т.е. это подход к исследованию взаимодействия человека с цифровой реальностью, где возможна и правомерна оппозиция мышления человека в форме взаимодействия смысла и значения в отношении цифровой реальности. В этом случае понятие «значение» в контексте анализа цифровой реальности содержит два аспекта.

В работах философов (Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, А.В. Демичев, Ж.-П. Сартр, В. Франкл, М. Хайдеггер), а также экзистенциально мыслящих теологов (К. Барт, Р. Бультман, П. Тиллих), выявлены фундаментальные проблемы потери смысла бытия и сопряженные с этим проблемы упрощенного понимания смерти и идей бессмертия у все большей части тех, кто живет в индустриальном и информационном обществах.

Первый аспект заключается в том, что «значение» как идеальное содержание знака, обозначающего предмет мысли, где обозначение и содержание — компоненты и результаты познавательной активности субъекта, выступающего интерпретатором соотношений «знак – значение – предмет» в пределах смысла соответствующей предметной области. Где «смысл» в актуальном соотношении знака и значения определенной предметной области определен как интеграция всех значений. «Физический смысл», «религиозный смысл» или «смысл математический» и т.д. — это всякий раз интеграция всех значений соответствующей предметной области, выполняющая регулятивную и творческую функции относительно оперирования значениями в процессе мышления субъекта как носителя смысла.

В таком случае в отношении смысла и значения цифровой реальности общая тенденция заключается в поглощении все большего числа предметных областей смыслом, формирующимся как интеграция значений, опосредованных этой реальностью, а в генетическом и про-

цессуальном плане — опосредованных цифровыми технологиями, воздействующими на человека. Что касается понимания субъекта как индивидуального или как социального (с соответствующей иерархизацией), а также психологических, социально-психологических процессов, процессов социализации и специфики онтогенеза в условиях доминирования цифровых технологий и визуализации большей части информации, то это, безусловно, существенная проблематика, но она выходит за рамки того, что исследуется в обозначенной здесь теме — смысла и значения цифровой реальности.

Второй аспект предопределен пониманием значения как понятия, обозначающего ценностное отношение субъекта, реализующееся в процессах интерпретации и оперирования знаниями и их значениями в определенной предметной области. Значение цифровой реальности в ценностном отношении подразумевает, что цифровая реальность и сопряженная с ней информация становится для субъекта фундаментальной, исходной ценностью, предопределяющей ценностное отношение к реальности вообще как всему существующему. В этом отношении можно допустить, что в случае нерелексивной вовлеченности в цифровую реальность смысл как интеграция всех значений существующего будет разворачиваться и развиваться в направлении асимптотического сближения актов понимания реальности с принятием цифровой реальности в качестве абсолютности существования вообще. Цифровая реальность тогда становится глобальным метаконтекстом человеческого бытия, определяющего понимание смысла этого бытия.

В самом деле, становление письменности было процессом роста знакового опосредования в понимании и познании человеком реальности. Отношение «знак – значение обозначенного предмета» необходимо предполагало наличие интерпретатора, который бы был носителем смысла, интегрирующего все доступные пониманию и познанию значения. Когда Ч. Моррис определяет человека существом, использующим знаки как орудия, то он акцентирует *инструментальный аспект* в анализе отношения знака и значения [Моррис Ч.У., 2001, с. 80]. Но человек, вовлеченный в знаковое опосредование, является не только творцом, но и своеобразным продуктом этого опосредова-

ния. Иначе говоря, восприятие, понимание и объяснение реальности сквозь призму знаков содержит не только инструментальный аспект, но *аспект структурирования мышления*, где формируется и разворачивается отношение «знак – значение – смысл», образуя безусловную картину реальности.

Становление цифровой реальности также содержит и инструментальный аспект, когда цифровые технологии являются инструментом и средством, и аспект структурирования и изменения мышления, где цифровая реальность через интеграцию ее значений обретает онтологический смысл и выступает как фундаментальная основа вообще всего существующего. И как знаки естественного языка, превращаясь в речь и письменный текст формируют понимание и объяснение реальности, так и цифровые технологии опосредуют теперь и само знаковое опосредование человеческой деятельности и человеческой жизни вообще. Знаковое опосредование отношения субъекта к реальности в цифровом контексте обретает особое качество, на что, в частности, указывает А.В. Подопригора: «Цифровая реальность — такой этап саморазвития информационной действительности, где знаковые системы радикально отделяются от социальной и индустриальной среды и трансформируют социум посредством компьютерных технологий в электронно-цифровую среду как “третью природу”: совокупность сложных, операционально замкнутых систем, объединенных в сетях электронных коммуникаций и функционирующих по законам и нормам, отличным от классических законов и объяснительных моделей физики, естествознания и социологии» [Подопригора А.В., 2018, с. 7].

Вся суть в том, что комбинаторика значений, образующая множество их интеграции в цифровой реальности, обретает смысл во взаимодействии с человеком. Возможностей формальных интеграций значений в знаковых и визуальных формах на основе цифровых технологий несоизмеримо больше, чем возможностей таких интерпретаций в естественном потоке сознания человека или сознаний всех существующих людей вместе взятых. Скомбинированные интеграции значений во взаимодействии человека и цифровых устройств обретают

смысл посредством акта понимания этих интеграций человеком.

Развиваемая сегодня рядом философов идея об онтологии нейросети как процессе взаимодействия, диалога, непрерывного взаимного изменения человека и нейросети, весьма значима в аспекте динамики смысла и значений, образуемых в таком взаимодействии [Саден Э., 2023, с. 129–201]. Но в аспекте определения признаков понятия «цифровая реальность» речь идет уже не о признаке структурного взаимодействия, но о признаке коммуникативной процессуальности. В этом случае цифровая реальность в своем актуальном существовании есть именно *процесс*, а не наличие отдельно существующих технических систем, физических процессов, протекающих в этих технических системах, и создающем их человеке [Сотой дю М., 2024, с. 104–126].

3. Процессуальный характер цифровой реальности

Содержание понятия «цифровая реальность» может быть раскрыто и в динамике смысловых полей мышления о реальности, образуемых *деятельной, коммуникативной, познавательной вовлеченностью* человека во взаимодействии с цифровыми технологиями.

Философия традиционно была ориентирована на дихотомию объективной и субъективной реальности, субъект-объектные отношения. Но в условиях цифровой реальности философия, изучая эту реальность, формирует гносеологическую дистанцию как к дихотомии «объективная реальность – субъективная реальность», так и к трихотомии «объективная – цифровая – субъективная реальности». Такая гносеологическая дистанция позволяет, во-первых, провести сравнение традиционных подходов к дифференциации структуры реальности и нового смысла реальности как интеграции значений абсолютности, ценности, определенности, достоверности и иерархичности существования цифровой реальности. Во-вторых, дает возможность вне регулятивного действия исходных смыслов как вышеназванной дихотомии или трихотомии реальности определить значение цифровой реальности в *аспекте конституирования нового ценностного отношения* человека к структурным компонентам, атрибутам и функциям цифровой реальности. Отсюда выте-

кает и возможность изучения и концептуализации новых ценностей и символов формирующегося цифрового общества.

Цифровая реальность — искусственно созданный людьми динамичный компонент объективной реальности, отражающий в своем содержании все, что существует в социальной действительности как доступное математизации и воспроизводству в технических устройствах на основе языков программирования. Французский философ Э. Саден поэтому называет такую реальность «фрактальной троицей», соединяющей технологии, индивидуумов и социум в одно целое [Саден Э., 2023, с. 102]. Информация как мера неоднородности сущего через воспроизведение в математических формах воплощается, воспроизводится, накапливается и перерабатывается в физических процессах технических устройств. Человек во взаимодействии с этими устройствами формирует смысл как процесс интеграции всех значений воспринимаемого сущего, и этот, так сказать, *живой смысл* есть основа интерпретации и понимания значений, образующихся в цифровой реальности.

В таком ракурсе анализа признаки понятия «цифровая реальность», определяющие ее видовые отличия от принятых в философии бинарных оппозиций «объективная реальность – субъективная реальность», состоят в следующем.

В генетическом аспекте идеальным истоком цифровой реальности является формальная динамика человеческого мышления, создающего математические формы, структуры, языки программирования. Это есть идеальный исток цифровой реальности и ее *генетический признак*. В аспекте объективно-реальных процессов, обуславливающих формирование цифровой реальности, этот генетический признак выступает как технологии — интеллектуальные, когнитивные и «вещественные» — создания технических устройств, специфика которых состоит в материальном воплощении математических абстракций, форм, структур и языков программирования. Но в таком случае это, в первую очередь, *формальные структуры мышления* человека, воспроизводимые в организованных человеком физических процессах, протекающих в технических устройствах [Желнин А.И., 2025].

В актуальном аспекте существующий процесс цифровой реальности определен деятельностью человека по поддержанию функционирования технических устройств и совершенствования математических форм и языков программирования. Соответственно, актуальное существование цифровой реальности есть воплощение особой деятельности человека, его включенности как действующего агента в цифровую реальность, без которого она не существует. Отсюда *актуальный признак* существования: цифровая реальность существует и поддерживает существование на основе включенности специфической деятельности человека в ее структуру [Гринфилд А., 2018, с. 17–18].

Смысл цифровой реальности заключен в интеграции всех значений существующего, которые возможно воспроизвести на основе цифровых технологий. Этот признак цифровой реальности по необходимости сопряжен с актуальным взаимодействием человека с цифровой реальностью в качестве интерпретатора и интегратора значений, субъекта творческого формирования значений посредством способности понимания возникающих в этом взаимодействии смыслов. Следовательно, понимание смыслов, формирующихся в интегративных процессах цифровой реальности, осуществляет человек, технические же устройства интерпретируют значения не на основе понимания, а на основе формально и технически возможных комбинаций знаков и правил оперирования ими. Взаимодействие человеческого понимания и комбинаторики значений существенный *смысловой признак* цифровой реальности.

В аспекте рассмотрения трихотомии «объективная – цифровая – субъективная реальности» цифровая реальность должна быть понята как компонента универсума. Иначе говоря, должно быть определено особое положение цифровой реальности относительно познанной иерархичности реальности и ее онтологических уровней. В соответствии со спецификой цифровой реальности основным связующим звеном и фундаментом сопоставления характеристик уровней реальности становится информация и информационные процессы. Качественно новое содержание в процессах формирования, накопления, переработки и создания информации распределено по уровням — природный, социально-культурный и технико-цифровой.

– Природный уровень — это уровень, где информация как мера неоднородности распределения вещества и энергии в пространстве и времени формируется, накапливается, циркулирует на основе объективных законов и взаимосвязей природных систем. Так, информация, заключенная в ДНК живых организмов планеты Земля, воспроизводится и усложняется в течение 4 миллиардов лет.

– Социально-культурный уровень, где информация формируется, воспроизводится, перерабатывается и создается на основе и как содержание отношений «знак – значение и символ – смысл» при посредстве сознания человека. Письменность — ключевая система этого уровня.

– Техничко-цифровой уровень, где информация природного и социально-культурного уровней кодируется на основе цифровых технологий, что обуславливает формирование, воспроизводство, переработку и экспоненциальный рост новой информации на основе воплощения кодирующей информации математических форм в физических процессах технических устройств.

Таким образом, цифровая реальность существует на основе иерархии процессов. Повторимся, это, во-первых, природные основания и возможности существования и деятельности человека, во-вторых, социальные и культурные условия, образующие основание самой возможности деятельности человека, существующей формальной динамики мышления человека, порождающей внепредметные значения и выражающие их знаки математики, и, в-третьих, существование технических устройств, где через оперирование математическими формами моделируются все уровни названной выше иерархии существующего, а человек понимает и интерпретирует эти модели. Именно последние процессы интерпретации ведут к формированию нового смысла (как интеграции всех моделирующих значений) и новых значений, которые были бы невозможны или маловероятны в естественном интеллекте человека. Отсюда вытекает существенная специфическая особенность цифровой реальности — формирование новых комбинаций знаков и значений, открывающих человеку новые смыслы как интеграцию этих значений. Казалось бы, загруженные в нейросеть языковые формально-

логические, перцептивные и другие данные в аналитических формах не содержат нового. Но если задаться вопросом о том, какие возможности формирования значений существовали на основе существующих у человека естественных и искусственных языков, то ясно, что естественный интеллект каждого человека и естественный интеллект всех существующих людей продуцирует лишь незначительную часть тех значений, которые возможны в рамках цифровой интеграции естественных и искусственных языков [Саден Э., 2025, с. 48–156].

4. Атрибутивные признаки цифровой реальности

Какие в этом случае можно выделить атрибутивные признаки цифровой реальности? Это особые признаки существования — «цифровое время», «цифровое пространство», определяющие «цифровой способ бытия» человека.

1). *Цифровое время.* Поскольку онтологическая сущность математических форм внепредметна, то информация в оцифрованной форме принципиально вневременная, т.е. существует вне всех природных и социально-культурных последовательностей. Оцифрованную информацию можно оценивать по параметрам природного или социально-культурного уровней и полагать «устаревшей» или «новой», однако форма ее существования именно вневременная, т.е. безразличная времени и предметным областям, где человек понимает и мыслит длительность существования систем и процессов и последовательности их изменений. Поэтому информационная составляющая цифровой реальности по своей внутренней сущности может быть определена как пребывание вне времени и вне всех природных и социально-культурных предметных областей система формальных структур, существующих на основе физических процессов в технических устройствах [Оливейра А., 2022, с. 146–147]. Физические процессы в технических устройствах, конечно, существуют во времени. Но также как в существовании сознания человека нет никакой необходимости во времени, зато такая необходимость есть в материальных процессах, на основе которых существует сознание, так и в случае с существованием формальных математических структур, заключающих в себе информацию природного и социально-культурного уровней, в самих этих

структурах нет необходимости прекращения их существования и вообще их конечности.

Поэтому цифровое время — это форма отчужденного от природного и социального времени, и, тем более, от экзистенциального, времени существования формальных математических структур, где нет собственно длительности, но есть последовательность оперирования формальными структурами. Цифровая реальность, следовательно, содержит сложную структуру времени, где природная, социальная и экзистенциальная длительности и последовательности операций сосуществуют и взаимодействуют в диалоге человека и нейросети, но сами формальные математические структуры в силу их внепредметности исключают в собственном «цифровом времени» все иные онтологические значения и смыслы времени. Значение времени оказывается преобразовано, т.е. цифровая реальность — это, с одной стороны, совокупность процессов взаимодействия человека с техническими устройствами и образуемой в этом взаимодействии виртуальной реальностью, а с другой стороны, все, что оцифровано, стало неизменно «вечным», т.е. пребывающим вне длительности, характеризующей природные и социальные компоненты реальности [Vnitskikh A., Komarov S., 2023, p. 661–662]. Соотношение процессуальности цифровой реальности с ее метафизическими неизменными субстанциональными компонентами (комбинации цифр существуют сами по себе вне любых форм длительности) образуют новый смысл времени: процессы, обладающие длительностью и последовательностью, формируют неизменяемую «цифровую субстанцию» («субстрат») этих процессов и вместе с тем основаны на самой этой неизменной «субстанции». Цифровое время как последовательность математических операций в технических устройствах содержит эмерджентное качество существования («быть») вне природного, социального и экзистенциального времени.

2). *Цифровое пространство*. Поскольку онтологическая сущность математических форм внепредметна, то цифровое «пространство» как таковое собственно отсутствует. Нет пространственных координат математических структур, хотя «информационное» пространство, образуемое цифровыми технологиями, существует как продолжение социального пространства. Циф-

ровое «пространство» — это *смысловой объект* информационных значений, который существует в рамках условностей взаимодействия субъекта с техническими устройствами¹.

Как возможно соотношение физического пространства или социального пространства с таким «цифровым пространством»? Принцип «реально то, что оцифровано» обретает смысл в цифровой реальности в виде универсального «выключения» из пространственно-временных, социальных и культурных сред и процессов всего, что оказалось содержанием виртуальной реальности на основе цифровых технологий. Для человека, который в рамках познавательного и практического отношения к объективно существующему миру формирует смысл и значение реальности, цифровая реальность открывает спектр тех же значений реальности, но в абсолютно неизменных формах, открытых бесконечной комбинаторике.

5. «Цифровой способ бытия»

Смысл как процесс интерпретации значений, с одной стороны, предшествует значению и определяет возможности соотношения со знаками и предметами, которые эти значения выражают. С другой стороны, смысл существует как процесс, обогащенный новым эмерджентным качеством через обратные связи в мышлении со всей совокупностью значений. Когда значения цифровой реальности через такие обратные связи смещают процесс интеграции знаний в онтологический центр исходного позиционирования субъекта относительно всего существующего, то цифровая реальность обретает тождество с абсолютностью бытия вообще. И можно было бы добавить абсолютности бытия для субъекта, обладающего смыслом. Но тогда это будет уже философская рефлексия из внешней гносеологической пози-

¹ В.В. Орлов, пытаясь обосновать именно такой характер цифровых структур, но не отказываясь от позиции материализма в трактовке реальности, именует цифровые объекты не очень убедительным термином «абстрактные материальные структуры» [Орлов В.В., 1999, с. 19]. Философ именует их «абстрактными» в духе марксова понятия «абстрактного труда», т.е. своеобразного безразличия содержания информационных процессов по отношению к их материальному носителю или субстрату, поскольку формальные математические последовательности и алгоритмы могут быть воспроизведены на любых носителях, сохраняя свою функциональную осмысленность.

ции, которая превращает смысл в предмет анализа, а значит, он мыслится как совокупность значений, но не в собственном качестве быть смыслом как предшествованием, интеграцией и определению значений в их отношении к знакам и предметам.

По мере роста взаимодействия с техническими устройствами, в которых посредством математических форм представлено человеку все возрастающее многообразие всего существующего, смысл как процесс интеграции всех значений, реализующийся в процессуальной интерпретации и понимании информации через обратные связи «смысл – значение», смещается от приоритета в восприятии, интерпретации и понимании всего существующего к приоритету относительно самой цифровой реальности. Цифровая реальность из фрагмента, компонента объективной реальности становится *абсолютной основой* интеграции всех значений существующего, а тем самым и вся объективная реальность в сознании субъекта с абсолютным приоритетом цифровой реальности предстает компонентом последней.

Это превращение, конечно, не одномоментный акт, а процесс, охватывающий время поколений, где онтогенез протекает при все возрастающем воздействии технических средств воспроизводства цифровой реальности и становится основной, базовой формой социализации личности.

Если такое превращение произойдет, то смысл цифровой реальности для человека, понимаемого как индивидуальный субъект или как социальный субъект, определен исходно сформированной у этого субъекта установкой до взаимодействия с техническими устройствами, установкой на то, что технические устройства воспроизводят спектр разнородных значений всего существующего. И если такая установка подразумевает использование, включение в деятельность субъекта технических устройств в качестве инструмента, а все воспроизводимое в технических устройствах воспринимается, интерпретируется, понимается и анализируется в смысловом поле интеграции значений сущего как объективной реальности, где этот инструмент, т.е. технические устройства и все производимое ими содержание, лишь элемент и динамическая область объективной реальности, то цифровая реальность остается

набором интерпретационных значений, смысл которых формируется во внешней по отношению к этим значениям гносеологической позиции.

Но что, если практически нет ситуации «до взаимодействия с техническими устройствами»? В чистом виде в онтогенезе современного поколения такой ситуации нет, но несомненно, что со все более раннего детства и все более масштабно по времени такое взаимодействие становится фундаментальной частью процессов социализации и формирования сознания в его отношении к реальности. Какой реальности? И вот в этом вопросе заключен для современных философов глубокий новый и пока неопределенный вопрос о качественном изменении человека вообще [Vnutskikh A., Komarov S., 2024, p. 77].

Если цифровая реальность имеет не только и не столько инструментальное значение, то у человека изначально в онтогенезе формируется такая установка относительно реальности, которая определяет смысл как процесс интеграции всех значений преимущественно через опосредование цифровой реальностью. «Преимущественно» в данном контексте означает приоритет всех значений, воспроизводимых цифровой реальностью в сознании субъекта, воспринимающего его в ценностном, познавательном, практическом отношении ко всему существующему вообще.

Если значение и смысл цифровой реальности зависимы и определяемы спецификой «быть инструментом» или «быть исходным ценностным, познавательным, практическим отношением ко всему существующему вообще», то философское осмысление понятия «цифровая реальность» включает не столько поиск существенных и необходимых признаков этого понятия, что само по себе, конечно, должно быть осуществлено, сколько воспроизводство существенных различий смысла существования этой рефлексии для тех или иных субъектов. То есть, во-первых, означенных выше категорий людей, относящихся к различным поколениям, а во-вторых, различие субъектов по степени *вовлеченности* в процесс взаимодействия с цифровой реальностью.

Последнее означает, что творцы языков программирования, создатели программ искусственного интеллекта, субъекты, обладающие

той или иной формой философской рефлексии в силу специфики своего профессионального существования, различным образом опосредованы по отношению к цифровой реальности и ее смыслу [Доэрти П., Уилсон Д., 2019, с. 223–227]. А в случае нерелексивной вовлеченности человека в цифровую реальность смысл как интеграция всех значений существующего будет разворачиваться и развиваться через асимптотическое сближение актов понимания реальности с признанием цифровой реальности в качестве абсолютной реальности существования вообще.

Акт понимания творения смысла исключительно личностный феномен. За меня никто не может понять нечто. И если акт понимания – творения смысла личностный, то смысл цифровой реальности формируется в сознании человека, но не в техническом устройстве. Гигантский тезаурус возможных интеграций значений, образуемых через комбинаторику логических и лингвистических форм, через акты понимания человеком любой из таких формальных интеграций, обретает смысл, или же определяются человеком как бессмыслица или фейки, в живом смысловом поле бесконечно длящегося в сознании человека процесса порождения смысла из всего встречаемого человеком сущего. Это и порождает вариативность феномена «цифрового способа бытия».

Выводы

Таким образом, можно констатировать, что во взаимодействии с цифровой реальностью человек находит в цифровых устройствах средства осуществления формальной интеграции значений, которая протекает неизменно быстрее и масштабнее, чем это возможно в сознании отдельного человека. Продуцируемые в цифровых устройствах новые интеграции значений в актах понимания человека обретают свой смысл, и в этом процессе вызревает и смысл цифровой реальности в целом относительно живого смысла человеческого понимания всего существующего.

Список литературы

Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М.: Дело; РАНХиГС, 2018. 424 с. EDN: FBKJJE

Гримов О.А. Цифровая реальность: социальная онтология и методология эмпирического изуче-

ния // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2019. № 3. С. 42–50. DOI: https://doi.org/10.12737/article_5dbaa8bf81fe27.51109106 EDN: LEOOUR

Желнин А.И. Интеллект и «тайна» логико-вычислительного фетишизма // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 3. С. 376–387. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-3-376-387> EDN: NFFSTP

Косенков А.Ю. Концепция цифровой реальности и ее эвристический потенциал в экспликации угроз цифровизации // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2023. № 2. С. 14–19. EDN: FSXYIM

Лазина Е.В. Цифровая реальность в контексте процессов коммуникации и экзистенции человека // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11, № 2. С. 80–86. DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2019-2-78-90> EDN: DHTJQX

Доэрти П., Уилсон Д. Человек + машина. Новые принципы работы в эпоху искусственного интеллекта. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 304 с.

Макаров В.А. Влияние цифровой реальности на концепцию бытия // Международный журнал «Вестник науки». Научный электронный журнал. 2024. Т. 2, № 12(81). С. 1261–1265. EDN: JPHXEQ

Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 702 с.

Оливейра А. Цифровой разум: как наука меняет человечество. М.: Дело; РАНХиГС, 2022. 448 с.

Орлов В.В. Проблема будущего человеческой цивилизации (товарное производство, капитализм, социализм) // Новые идеи в философии. 1999. Вып. 8. С. 4–23. EDN: TWFEQZ

Подопригора А.В. Числа и цифры: пифогорейская традиция и метафизика цифровой реальности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 7–21. DOI: <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.3.726> EDN: YAJQGL

Пржиленский В.И. «Реальность»: социально-эпистемологическое исследование // Вопросы философии. 2013. № 9. С. 91–106. EDN: REFRZL

Пржиленский В.И. Понятие цифровой реальности: значение и смысл // Философия науки и техники. 2021. Т. 26, № 2. С. 68–80. DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2021-26-2-68-80> EDN: QWTYRK

Саден Э. Среди призраков: Рассуждение об эпохе метавселенной и генеративного искусственного интеллекта. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2025. 272 с.

Саден Э. Тирания Я: конец общего мира. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. 336 с.

Сотой дю М. Нейросеть разумная. Как искусственный интеллект осваивает человеческие навыки, творит, думает и учится. М.: Колибри; Азбука-Аттикус, 2024. 384 с.

Vnutskikh A., Komarov S. Lebenswelt, Digital Phenomenology and Modification of Human Intelligence // *Technology and Language: Chat GPT and the Voice of Reason*. 2024. Vol. 5(2). P. 67–79.

Vnutskikh A., Komarov S. Technogenic Subjectivity and its Social Prjections // *Science and Global Challenges of the 21st Century – Innovations and Technologies in Interdisciplinary Applications, Lecture Notes in Networks and Systems*. May 26, 2023. P. 653–668. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-28086-3_61 EDN: QJSPHK.

References

Daugherty, P. and Wilson, J. (2019). *Che-lovek+mashina. Novye printsipy raboty v epokhu iskusstvennogo intellekta* [Human + machine: Reimagining work in the age of AI]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ., 304 p.

Greenfield, A. (2018). *Radikal'nye tekhnologii: ustroystvo povsednevnoy zhizni* [Radical technologies. The design of everyday life]. Moscow: Delo Publ., 424 p.

Grimov, O.A. (2019). [Digital reality: social ontology and empirical study methodology]. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Mind. Postnonclassics]. No. 3, pp. 42–50. DOI: https://doi.org/10.12737/article_5dbaa8bf81fe27.51109106

Kosenkov, A.Yu. (2023). [The concept of digital reality and its heuristic potential in the explication of threats of digitalisation]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya* [Journal of the Belarusian State University. Sociology]. No. 2, pp. 14–19.

Lazinina, E.V. (2019). [The digital reality from the perspective of communication processes and existence of human]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Russian Journal of Humanities]. Vol. 11, no. 2, pp. 80–86. DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2019-2-78-90>

Makarov, V.A. (2024). [Influence of digital reality on concept of being]. *Vestnik nauki* [Bulletin of Science]. No. 12 (81), vol. 2, pp. 1261–1265.

Morris, Ch.W. (2001). [Foundations of the theory of signs]. *Semiotika: Antologiya, sost. Yu.S. Stepanov* [Stepanov Yu.S. (ed.) Semiotics: Anthology]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.; Yekaterinburg: Delovaya kniga Publ., 702 p.

Oliveira, A. (2022). *Tsifrovoy razum: kak nauka menyaet chelovechestvo* [The digital mind: how science is redefining humanity]. Moscow: Delo RANEPА Publ., 448 p.

Orlov, V.V. (1999). [The problem of the future of human civilization (commodity production, capitalism, socialism)]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 8, pp. 4–23.

Podoprigora, A.V. (2018). [Number and figure: Pythagorean tradition and metaphysics of digital reality]. *Nauchniy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN* [Research Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the RAS]. No. 18, iss. 3, pp. 7–21. DOI: <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.3.726>

Przhilenskiy, V.I. (2013). ["Reality": a socio-epistemological study]. *Voprosy filosofii*. No. 9, pp. 91–106.

Przhilenskiy, V.I. (2021). [The concept of digital reality: meaning and significance]. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. Vol. 26, no. 2, pp. 68–80. DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2021-26-2-68-80>

Saden, E. (2025). *Sredi prizrakov: Rassuzhdenie ob epokhe metavseleynoy i generativnogo iskusstvennogo intellekta* [Among the ghosts: a discourse on the era of the metaverse and generative artificial intelligence]. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ., 272 p.

Saden, E. (2023). *Tiraniya Ya: konets obschego mira* [The tyranny of the Ego: the end of the common world]. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ., 336 p.

Sauty, M. Du. (2024). *Neyroset' razumnaya. Kak iskusstvennyy intellekt osvivaet chelovecheskie navyki, tvorit, dumaet i uchitsya* [Neural network intelligent: How artificial intelligence learns human skills, creates, thinks, and learns]. Moscow: Kolibri Publ., Azbuka-Attikus Publ., 384 p.

Vnutskikh, A. and Komarov, S. (2024). Lebenswelt, digital phenomenology and modification of human intelligence. *Technology and Language: Chat GPT and the Voice of Reason*. No. 5(2), pp. 67–79. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2024.02.06>

Vnutskikh, A. and Komarov, S. (2023). Technogenic subjectivity and its social prjections. *Science and Global Challenges of the 21st Century – Innovations and Technologies in Interdisciplinary Applications, Lecture Notes in Networks and Systems*. New York: Springer Publ., pp. 653–668. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-28086-3_61

Zhelnin, A.I. (2025). [Intelligence and the «mystery» of logico-computational fetishism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya*.

Sotsiologiya [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 376–387. DOI:

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-3-376-387>

Об авторах

Комаров Сергей Владимирович

доктор философских наук, доцент,
декан философско-социологического факультета,
профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: philos.perm@gmail.com
ResearcherID: AAS-4823-2021

Поросенков Сергей Владимирович

доктор философских наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: svp53@mail.ru

About the authors

Sergey V. Komarov

Doctor of Philosophy, Docent,
Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology,
Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: philos.perm@gmail.com
ResearcherID: AAS-4823-2021

Sergey V. Porosenkov

Doctor of Philosophy, Docent,
Acting Head of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: svp53@mail.ru

УДК 111; 316.324.8
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-211-221>
<https://elibrary.ru/xzlkrm>

Поступила: 16.11.2025
Принята: 09.01.2026
Опубликована: 03.07.2026

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ НАУЧНОЙ ОНТОЛОГИИ И ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Орлов Сергей Владимирович

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург)*

В информационном обществе возникает новый класс философских проблем, решение которых требует уточнения и даже дальнейшего развития концепций традиционной онтологии. Это частично повторяет ситуацию эпохи кризиса в физике (кон. XIX – нач. XX веков), когда для построения новой фундаментальной физической теории потребовалась углубленная разработка понятия материи и ряда гносеологических представлений о путях познания реальности. В настоящее время уточнение философских концепций материального и идеального становится необходимой предпосылкой для осмысления таких основополагающих понятий современной науки, как «информация» и «виртуальная реальность». Для объяснения особенностей информационного общества в философской онтологии формируется также каркас вспомогательных понятий, уточняющих содержание традиционных онтологических категорий — материя, сознание, развитие и т.п. К этим вспомогательным онтологическим категориям следует отнести в первую очередь понятия виртуальной реальности, абстрактных материальных структур, компьютерной программы и файла, квазиидеальности и квазисубъективности, интерсубъективности, социального дополнения. Философское содержание понятия виртуальной реальности наиболее концентрированно выражено в понятии виртуальной компьютерной реальности. Она была искусственно создана человеком только в XX веке и физически образована контентом файлов и программ, функционирующих в компьютерных устройствах и являющихся необходимой основой любых современных информационных процессов, технологий, аудио и видео продуктов и т. п. Абстрактные материальные структуры — это микроскопические конфигурации, образуемые магнитными диполями на материальном носителе, способные записывать информацию и человеческие знания на физическом субстрате. Квазиидеальность и квазисубъективность — это специфические свойства виртуальной реальности, внешне похожие на идеальность и субъективность, присущие идеальным явлениям. Понятие интерсубъективного (квазиматериального) выражает, наоборот, формирующиеся на основе информационных технологий свойства общественного сознания, которые делают его похожим на материальные явления, объективную реальность. Развитие механизмов взаимодействия материального и идеального в информационную эпоху приводит к дальнейшему усложнению как материальной, так и духовной жизни общества, к новым и необычным для науки прошлого явлениям в практической деятельности современной цивилизации.

Ключевые слова: материальное и идеальное, виртуальная реальность, квазиидеальность, квазисубъективность, интерсубъективность, социальное дополнение.

Для цитирования:

Орлов С.В. Основные категории научной онтологии и философия информационного общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 2. С. 211–221. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-211-221>. EDN: XZLKRM

MAIN CATEGORIES OF ONTOLOGY AND THE PHILOSOPHY OF INFORMATION SOCIETY

Sergey V. Orlov

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (Saint Petersburg)

Information society raises a new class of philosophical issues, the solution of which requires clarification and even further development of traditional ontological concepts. This reminds the situation during the crisis in physics (late 19th – early 20th centuries), when the development of a new fundamental physical theory required a profound elaboration of the concept of matter and a number of epistemological ideas regarding the cognition of reality. Currently, clarifying the philosophical concepts of the material and the ideal is becoming a necessary prerequisite for understanding such fundamental notions of modern science as “information” and “virtual reality.” To explain the characteristics of information society, philosophical ontology develops a framework of auxiliary notions that clarify the content of traditional ontological categories — matter, consciousness, development, etc. These auxiliary ontological categories include, first of all, the notions of virtual reality, abstract material structures, computer programs and files, quasi-ideality and quasi-subjectivity, intersubjectivity, and social complementarity. The philosophical essence of the concept of virtual reality is condensed in the notion of virtual computer reality. Artificially created in the 20th century, it is physically formed by the content of files and programs running on computer devices and constituting the essential foundation of all modern information processes, technologies, audio and video products, etc. Abstract material structures are microscopic configurations formed by magnetic dipoles on a material medium, capable of recording information and human knowledge on a physical substrate. Quasi-ideality and quasi-subjectivity are specific properties of virtual reality, superficially similar to the ideality and subjectivity inherent in ideal phenomena. The concept of the intersubjective (quasi-material), conversely, expresses the properties of social consciousness formed by information technology, which make it similar to material phenomena, objective reality. The development of the interactions between the material and the ideal in the information age leads to a further complication of both the material and spiritual life of society, resulting in new and unusual phenomena in the practical activities of modern civilization.

Keywords: the material and ideal, virtual reality, quasi-ideality, quasi-subjectivity, intersubjectivity, social complementarity.

To cite:

Orlov S.V. [Main categories of ontology and the philosophy of information society]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 2, pp. 211–221 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-211-221>. EDN: XZLKRM

Введение

Важной особенностью школы научной философии Пермского университета с самого начала была способность ставить крупные, фундаментальные проблемы развития науки и предлагать новые, эффективные пути их решения, опираясь при этом на огромную традицию истории мировой философии. Так, еще в советский период исследования по диалектике в других ву-

зах концентрировались преимущественно на поисках новых трактовок ее законов и категорий. Пермская школа научной философии, опираясь на традиции Гегеля и классического марксизма, стала разрабатывать конкретно-всеобщую концепцию диалектики, позволявшую выходить на новый уровень понимания теории развития и взаимодействия философии с конкретными науками. Да и сама диалектика

предстала в этой концепции в новом, обогащенном виде — как неразрывно соединенная с концепцией материи, бытия в целом.

Представляется, что изучение с опорой на традицию Пермской философской школы современных крупных сдвигов в науке и философии требует формирования и разработки специфического направления философской мысли — философии информационного общества. Эта работа уже была начата в исследованиях В.В. Орлова, Т.С. Васильевой, Л.А. Мусаеляна и других сотрудников Пермского университета. Философию информационного общества можно понимать в широком и в узком смысле слова. В узком смысле — это комплекс проблем, идей и понятий, отражающих специфическую реальность постиндустриального, информационного, цифрового общества. В широком смысле — это те изменения, которые предположительно могут происходить во всех разделах философской науки в информационную эпоху. Современный опыт общественного развития позволяет несколько по-новому взглянуть на традиционные проблемы, ставившиеся в истории мировой философской мысли.

Для описания новой реальности философия информационного общества требует уточнения ряда классических категорий онтологии и даже создания новых, вспомогательных понятий, позволяющих применить к анализу новой социальной реальности традиционные подходы, наработанные человеческой мыслью в течение тысячелетий. Необходимо, прежде всего, уточнение центральных понятий философии — материя и сознание, материальное и идеальное. Для осмысления информационного общества мы предлагаем также сформулировать или точнее определить понятия компьютерной виртуальной реальности, абстрактных материальных структур, квазиидеальности и квазисубъективности, квазиматериальности, компьютерной программы и файла, социального дополнения.

Некоторые подходы к понятиям материального и идеального в философии информационного общества

Как известно, фундаментальные понятия онтологии фиксируют всеобщие стороны реальности. Но реальность развивается — причем, зачастую, стремительно. В наши дни это развитие вынуждает как философов, так и предста-

вителей конкретных наук, исследующих природу информации и виртуальной реальности, возвращаться к вопросу о полноте и, собственно, о развитии системы философских категорий. Так, главный научный сотрудник Института проблем информатики, д-р техн. н. К.К. Колин отмечал: «все компоненты реальности обладают как физическими, (материальными), так и информационными (нематериальными) свойствами. Эта принципиально неустрашимая двойственность компонентов реальности является главным положением российской философии информации и позволяет более глубоко и адекватно представить себе информационный смысл фундаментальных законов развития природы, человека и общества» [Колин К.К., 2022, с. 3]. С точки зрения А.А. Колина, основным вопросом философии следует считать не вопрос об отношении сознания к материи, а вопрос об отношении материи и информации [Колин К.К., 2022, с. 3]. Каждый компонент реальности обладает при этом как материальными, так и нематериальными, т.е. информационными свойствами. Подход Д. Дидро, В.И. Ленина, а также российской философии советского периода опирался на важнейшую предпосылку: «Логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения» [Ленин В.И., 1968, с. 91]. Универсальным свойством всей материи, согласно взглядам современной научной философии и психологии, является не идеальное, а именно более широкое и фундаментальное явление — способность к отражению. Объяснить необычный подход А.А. Колина можно, вероятно, тем, что он использует более старое понимание материи как вещества, характерное для науки XVIII–XIX веков, а не концепцию объективной реальности.

На основе изложенного здесь, а также на основе некоторых других аналогичных подходов, рассмотренных ниже, можно сделать вывод: не все идеи, предложенные в наши дни для нового осмысления категорий материя и сознание, материальное и идеальное согласуются с подходами, развиваемыми современными конкретными науками. С одной стороны, естествознание и психология не подтверждают присутствие идеального (нематериального) в вещах. С другой стороны, понимание материального как

исключительно физического или вещественного — также представляется устаревшим как для естественных, так и для социальных наук. Но это означает, что философия должна уточнить онтологическую картину реальности, приближая ее к состоянию, в котором она обладала бы и достаточным эвристическим потенциалом, и целостным мировоззренческим содержанием, адекватным современному уровню знаний.

Какой же, с учетом всего сказанного, могла бы быть актуальная философская система онтологических понятий?

Начнем с понятия «материя». Многообразие подходов к ее определению можно свести к трем основным. Во-первых, данная категория может рассматриваться как устаревшая, уходящая на периферию философской мысли. Во-вторых, она может использоваться для решения актуальных проблем конкретных наук при различных трактовках материальных и идеальных явлений, однако при таком стихийном использовании часто возникают противоречия с традиционным содержанием данной категории, почему и возникают затруднения с формированием логичной, обоснованной концепции. В-третьих, интерпретируя категорию материя, можно попытаться раскрыть глубинную связь между традиционным содержанием общеизвестных онтологических категорий и постепенно формирующимся в ходе осмысления современных проблем и достижений науки и техники новым их содержанием [Орлов С.В., 2025].

Проанализируем эти три подхода подробнее.

В рамках первого подхода автор статьи «Материя» в «Новой философской энциклопедии» Т.Ю. Бородай, фактически, отрицает его связь с современной наукой. Игнорируя понятие объективной реальности, как и философскую концепцию В.И. Ленина вообще, автор утверждает: «В современной физике не сохранилось ни одного из классических определений материи. Однако как философия, так и физика предпочитают обходить это ставшее неопределенным и темным понятие, заменяя его другими — пространство-время, хаос, система и др.» [Бородай Т.Ю., 2010, с. 514]. Впрочем, ей оппонирует А.В. Ерахтин, справедливо подчеркивая: «Это очень странное заявление, поскольку как в прошлом, так и в настоящее время центральной проблемой квантовой физики и единой теории поля является проблема единства и

строения материи. Активно используемое в современной науке понятие “физический вакуум” рассматривается как “специфический вид материи”. В современной космологии широкое распространение получило понятие “темная материя”. Понятие материи как объективной реальности является самым распространенным в современной отечественной философии» [Ерахтин А.В., 2014, с. 72]. Отметим, что крупные современные физики, зачастую просто повторяют другими словами предложенное Лениным определение материи как объективной реальности, данной нам в ощущении. «Конечно, у каждого физика есть какая-то рабочая философия, — пишет, например, Нобелевский лауреат Стивен Вайнберг. — Для большинства из нас — это грубый, прямолинейный реализм, то есть убежденность в объективной реальности понятий, используемых в наших научных теориях» [Вайнберг С., 2008, с. 132]. Конечно, здесь есть определенная неточность — объективно реальны не сами понятия, а отражаемые ими природные явления, но в остальном у Вайнберга мы видим воспроизведение понятия объективной реальности, примененное к миру физики: он широко использует его в онтологическом и гносеологическом аспектах [см.: Вайнберг С., 2008, с. 147].

Второй подход рассмотрим на примере применения понятия материи как объективной реальности к феноменам информационного общества, исследуемого всем комплексом социальных и гуманитарных наук. Это сложная проблема. Разногласия здесь начинаются уже по вопросу интерпретации базового понятия «информация». Например, В.П. Котенко утверждает, что важнейший признак информации — «нематериальность» [История информатики..., 2007, с. 142]. Но из этого, на наш взгляд, неизбежно следует вывод, что информация принадлежит миру идеального, духовного, зависит от сознания, существует только в сознании. «Информация, — формулирует эту точку зрения В.М. Лукин, — не материальный, а идеальный ресурс» [Лукин В.М., 2008, с. 5]. После обеспечения граждан «постэкономического» общества материальными условиями жизни, «деятельность человека определяется уже не внешними и вообще не материальными мотивами, а интересами развития, самореализации личности» [Лукин В.М., 2008, с. 9]. Здесь

самореализация личности фактически рассматривается как духовный процесс, противоположный материальной трудовой деятельности [Орлов С.В., 2025]. Исходя из такой логики, создание новых материальных изобретений — компьютера, самолета, космического корабля и т.п. — не было творческой деятельностью и не обеспечивало самореализации участников этих технических проектов. Все «материальное» и «внешнее» механистически противопоставлено «интересам развития, самореализации личности», которые якобы имеют чисто духовную, идеальную творческую природу. Даже в современной философии используется, таким образом, старая, пришедшая еще из средних веков религиозная схема: духовное, идеальное — это вера, знания и размышления о возвышенном, материальное — это стремление накопить богатства, хорошо поесть и т.п. Такая схема не раскрывает всей сложности, например, современных форм труда, в которых органично взаимодействует материальное и духовное.

Известный философ-исследователь идеального Д.И. Дубровский критикует идею чисто духовной природы информации. Вместе с тем, Дубровский рассматривает информацию не как атрибут материи, но «только как свойство самоорганизующихся систем, которое возникает на уровне жизни» [Дубровский Д.И., 1983, с. 122].

На взгляд автора данной статьи, И.М. Гуревич и А.Д. Урсул представляют наиболее всесторонний и сбалансированный подход к рассмотрению взаимосвязи теории информации и концептами материального и идеального: «Понятие информации отражает как объективно-реальное, не зависящее от субъекта свойство объектов неживой и живой природы, общества, так и свойства познания, мышления. Разнообразие объективной реальности отражается сознанием человека, и в этом смысле оно становится отраженным разнообразием, свойством сознания. Информация, таким образом, присуща как материальному, так и идеальному» [Гуревич И.М., Урсул А.Д., 2012, с. 10]. Авторы определяют материю в соответствии с традициями материалистической философии, рассматривая её как объективную реальность, которая воспринимается человеком через ощущения.

Эти примеры демонстрируют, что в действительности категории материального и идеального активно применяются в философском исследовании информационных процессов. Тем не менее, их интерпретация варьируется, а их значительный эвристический потенциал для современной науки еще далеко не полностью раскрыт. Попробуем ответить на два взаимосвязанных вопроса. Во-первых, каким образом центральные понятия философской онтологии — материя и сознание, материальное и идеальное — могут быть уточнены и переосмыслены в науке информационного общества? Во-вторых, как основные онтологические категории могут способствовать раскрытию особенностей явлений современной социальной реальности?

**Формирование новых понятий онтологии:
виртуальная реальность,
абстрактные материальные структуры,
квазиидеальность, квазисубъективность,
интерсубъективность,
компьютерная программа**

Концепции информации и виртуальной реальности выступают ключевыми идеями актуального научного знания. Представляется, что они органично соотносятся с категориями материального и идеального, поскольку отражают ранее не изученные фундаментальные свойства бытия.

Если на рубеже XIX–XX веков, в период революции и кризиса в физике, обсуждались связи между материей и сознанием в их классическом понимании, то сегодня взаимодействие материального и идеального дополнилось новым элементом — феноменом виртуальности, формирующим целые виртуальные миры. Возникает важный вопрос: какова природа виртуальной реальности? Относится ли она к материальному или идеальному либо представляет собой принципиально новый тип реальности, не сводимый ни к одному из этих двух начал?

Термин «виртуальная реальность» сегодня обладает весьма неопределенным содержанием из-за многозначности употребления. Нередко он используется и в переносном смысле. Наиболее четкое онтологическое наполнение это понятие приобретает в контексте представлений о виртуальной компьютерной реальности. Этот тип реальности был искусственно со-

здан человеком во второй половине XX века и физически представлен контентом файлов и программ, функционирующих в компьютерах. Они составляют основу современных информационных процессов, технологий, аудио- и видеопродуктов.

Согласно терминологии академика В.С. Степина, одной из очевидных особенностей компьютерной виртуальной реальности является её «нечеловекообразность»: человек может воспринимать её только опосредованно, через специальные устройства. Это порождает аналогии с идеальными явлениями, которые также недоступны непосредственному чувственному восприятию.

Школа научной философии Пермского классического университета для описания виртуальной компьютерной реальности вводит понятие «абстрактных материальных структур» [Орлов В.В., Васильева Т.С., 2005, с. 223–224; Васильева Т.С., Орлов В.В., 2011, с. 242]. Эти структуры представляют собой конфигурации, формируемые магнитными диполями на материальном носителе и способны фиксировать информацию на физическом субстрате. Хотя этот субстрат значительно проще нервной системы человека, он способен кодировать человеческие знания, становясь достаточно адекватным носителем информации, содержащейся в мысленных образах.

На первый взгляд, абстрактные материальные структуры записывают информацию и выражают содержание мысленных образов примерно таким же способом, как это делали традиционные системы знаков: например, в книге издавна фиксировались человеческие знания. В компьютерных программах и файлах эти знания просто удобнее хранить и передавать. В действительности в компьютере информация, во-первых, глубоко изменяется (что для записанного в книге невозможно) и, во-вторых, может непосредственно, без прямого участия человека управлять технологическими процессами материального производства. Компьютерная программа — это не просто знаковая система, а ансамбль диполей, материальный рабочий инструмент. Он управляет действиями рабочей машины не как некий комплекс знаний, а как объективно существующий по законам природы материальный объект, отдаленно напоминающий традиционные человекообразные ин-

струменты трудовой деятельности — молоток, плоскогубцы, пилу и т.п. В условиях автоматизированного производства материальные образования, на которых записана программа, могут с ее помощью управлять технологическими процессами. Она становится своеобразным орудием производства, которое позволяет науке, используя выражение К. Маркса, превращаться в непосредственную производительную силу. Виртуальная компьютерная реальность оказывается своеобразным новым типом материальных объектов, может быть даже новой, искусственно созданной человеком формой материи [Орлов С.В., 2016]. Она очень похожа на одну из тех «диких» форм материи, о возможности обнаружения которых писал еще В.И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме». Но жизнь иногда оказывается богаче предсказаний — эта новая форма материи не просто открыта человеком. Она создана человеческим трудом.

Сознание традиционно характеризуют через такие специфические черты, как идеальность и субъективность. В свою очередь, виртуальная компьютерная реальность, сохраняя материальную природу, обретает особые свойства, создающие внешнее сходство с этими свойствами сознания. Эти свойства мы предлагаем обозначать терминами «квазиидеальность» и «квази-субъективность» [Орлов С.В., 2013, с. 10–24].

Идеальное представляет собой существование свойств и характеристик объектов отдельно от их природного субстрата — на материальном субстрате человеческого мозга в форме мысленных образов и понятий. Как отмечает В.В. Орлов, «идеальное можно поэтому определить как предмет, лишённый своего непосредственного материального субстрата, непосредственного конкретно-чувственного бытия и существующий на основе универсального материального субстрата — человека» [Орлов В.В., 2012, с. 246–247].

Квазиидеальность как атрибут виртуальной реальности означает, что свойства и характеристики материальной вещи существуют на физическом носителе информации, который сам по себе не способен формировать идеальные образы. Это можно сравнить с механической машиной: подобно тому, как она выполняет функции человеческой руки, недоступные объектам дикой природы, компьютерная виртуаль-

ная реальность реализует отдельные функции идеальных процессов, которые не свойственны иным, в том числе природным, материальным образованиям.

Аналогичным образом можно ввести термин «квазиматериальное» для описания функций сознания, сближающихся с функциями материальных объектов. Однако в философии для этого уже существует понятие интерсубъективности. Интерсубъективность общественного сознания превращает его во внешнюю силу, которая воспринимается как объективная и независимая от отдельного индивида. Хотя интерсубъективность существовала и ранее, в информационном обществе она получает новую объективно существующую опору: закрепляясь в интернете на материальной базе компьютерной виртуальной реальности и всего комплекса информационных технологий, она обретает ещё большую самостоятельность относительно индивидуального сознания.

Типичным и, вероятно, наиболее заметным проявлением сферы интерсубъективного в информационном обществе становятся средства массовой информации. Их целью, казалось бы, является духовная деятельность, т.е. распространение знаний, мнений, оценок, слухов, убеждение аудитории и т.п. За свое влияние на умы и настроения людей они получили образное наименование — четвертая власть. Но их реальное воздействие на человека по своей глубине и мощи становится сопоставимым с воздействием материальных, объективных процессов. Интерсубъективное через средства массовой информации достигает сходства с объективными явлениями, но этот процесс — не слияние и не отождествление материального и идеального, а конструирование все более сложных и тонких механизмов их взаимодействия в информационном обществе

Таким образом, формирование квазиидеальной и интерсубъективной (квазиматериальной) реальностей еще раз подтверждает, что крупные изменения произошли не только в человеческом сознании, но и в самом материальном, объективном мире. Это еще сложнее, чем ситуация в эпоху знаменитого кризиса в физике, описанного, например, В.И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме»: тогда новые и необычные явления, уже существовавшие и

без человеческой деятельности, были просто открыты физиками

В контексте двух фундаментальных реальностей — материальной и идеальной — человеческая деятельность формирует весьма специфические сферы принципиально новых явлений. Эти сферы характеризуются более интенсивным и сложным взаимодействием с онтологически «противоположной» реальностью по сравнению с уже известными формами материи и функциями сознания [Орлов С.В., 2025]. В материальной плоскости такой сферой является компьютерная виртуальная реальность; в идеальной — интерсубъективная область, физически локализованная в сознании множества индивидов. Примечательно, что именно виртуальная реальность выступает в качестве значимого материального фактора, стимулирующего развитие и усложнение интерсубъективной сферы в современных условиях.

На уровне индивидуального сознания компьютерный труд, работа с виртуальной реальностью тоже формирует некий нетрадиционный комплекс духовных способностей и методов деятельности, направленный на создание и использование этой необычной специфической сферы материального мира (искусственно созданной неосновной формы материи).

Дискуссия между Д.И. Дубровским и Э.В. Ильенковым и понятие социального дополнения

Появление и развитие технологий виртуальной реальности актуализируют известную дискуссию Э.В. Ильенкова и Д.И. Дубровского о природе идеального, выявляя ограниченность традиционного дихотомического разделения реальности на объективную и субъективную.

Как известно, концептуальные подходы авторов этой дискуссии принципиально расходились. С одной стороны, Д.И. Дубровский, следуя традиции отечественной психологии (И.П. Павлов, С.Л. Рубинштейн и др.), определяет идеальное как внутренние состояния мозга, субъективные продукты психической деятельности («характеристика психического как идеального... относится к продукту или результату психической деятельности — к образу или идее в их отношениях к предмету или вещи» [Рубинштейн С.Л., 1957, с. 41]). С другой стороны, Э.В. Ильенков, напротив, отрицал

сведение идеального к субъективному переживанию. Он рассматривал его как социальную характеристику вещей, сформированную человеческой преобразующей деятельностью: «Идеальность... есть характеристика вещей... которой они обязаны труду, преобразующе-формирующей деятельности общественного человека» [Ильенков Э.В., 1991, с. 268].

Разрешение данного противоречия видится автору этой статьи во введении термина «социальное дополнение» [Орлов С.В., 2024, с. 21–23]. Он обозначает реальные изменения в субстрате и свойствах материальных объектов, созданные человеческим трудом и неразрывно слитые с природным материалом. В них воплощена человеческая мысль, однако они не тождественны самим мысленным образам, которые, согласно позиции научной психологии, остаются в сознании субъекта. Попытка полного отождествления материального и идеального воспроизводит давнюю философскую ошибку. Например, концепцию «элементов опыта» Эрнста Маха [Мах Э., 2005, с. 42]. Материалистическая философия, наоборот, пытается рассмотреть процесс познания и практического преобразования мира человеком во всей его сложности — как переход материального в идеальное и идеального в материальное. С точки зрения материалистической философии, опредмечивание идеальных образов не сводится к их «выходу» из сознания во внешний мир — подобных эмпирических данных в научной психологии мы не найдем. Однако, люди способны изменять объективную реальность, руководствуясь мысленно сконструированным планом и реализуя его через конкретные трудовые действия. Э.В. Ильенков, утверждая, что «никакого “идеального” физиолога под черепной крышкой так и не находят, сколько ни ищут. Ибо его там нет» [Ильенков Э. В., 1991, с. 267–268], не учитывает, что идеальное существует именно в сознании: оно проявляется в специфических психических процессах, принципиально отличающихся от материальных процессов вне сознания.

Согласно уточнению психологов и нейрофизиологов, идеальное не наблюдается напрямую: его можно выявить лишь через анализ последствий его опосредованного влияния на материальный мир. При этом в окружающей действительности (включая компьютеры, произведения

искусства и культурные ценности) собственно психических процессов не обнаружено. Результаты человеческой деятельности закрепляются в продуктах труда иначе — посредством социального дополнения, обладающего материальной природой.

Понятие социального дополнения имеет глубокий онтологический смысл, т.к. раскрывает сложный аспект взаимодействия материального и идеального, вызывающий, как мы показывали выше, глубокие теоретические разногласия. Это понятие фактически пытаются использовать в отечественной философской литературе, но делается это кратко и не системно. Обычно просто констатируют, что в процессе труда человек создает материальные предметы, которые в принципе не могут возникнуть в природе без его целенаправленной трудовой деятельности. Трудом человека создаются ноосфера, техносфера, вторая природа, мир культуры — все это обозначения новой материальной реальности, проектируемой сознанием человека и неизбежно содержащей в себе социальное дополнение.

Значительный вклад в понимание сущности социального дополнения внёс К. Маркс, хотя сам он этот термин не использовал. Анализируя двойственность труда, он показал, что аналогичная двойственность присуща и социальному дополнению в общественном производстве. Она проявляется в разделении на потребительную стоимость и стоимость. Потребительная стоимость связана с качественно различными видами труда и зависит одновременно от природного вещества и от его человеческой переработки. Стоимость, напротив, носит чисто общественный характер: в неё «не входит ни одного атома вещества природы» [Маркс К., 1960, с. 56].

Теперь выйдем за рамки политэкономического анализа и перейдем к более абстрактному, философскому уровню, расширив понятия потребительной стоимости и стоимости до общеполитических категорий. В таком случае им и будет соответствовать понятие социального дополнения. Оно применимо не только к товарному производству и наёмному труду, но и к любой другой материальной деятельности человека.

Социальное дополнение отражает процесс преобразования природного вещества. Оно

включает в себя: изменение формы и субстрата материи, а также социальный компонент: затраты творческих и физических усилий, удовлетворение потребностей, реализацию человеческих способностей. Таким образом, любой продукт труда — это природное вещество, преобразованное и обогащённое социальным дополнением. Без него невозможно существование мира материальной культуры.

Понятие социального дополнения помогает точнее описать взаимодействие материального, идеального и виртуального. Например, компьютерная виртуальная реальность — хотя и состоит из абстрактных материальных структур (магнитных диполей), — тоже является результатом человеческой деятельности и содержит в себе изменённый природный субстрат. Из-за своей микроскопичности эти структуры функционируют так, что их изменения внешне напоминают деятельность материального носителя сознания.

При этом компьютерная виртуальная реальность в действительности представляет собой лишь упрощённую искусственную модель материального субстрата идеального и самого идеального [Орлов С.В., 2025]. Создать подлинную духовную, идеальную реальность современный компьютер не способен: для этого необходим субстрат более высокого уровня сложности — социальный субстрат, т.е. человек с его нервной системой и производственной деятельностью. А компьютерная виртуальная реальность представляет собой наиболее сложную на данном этапе общественного развития форму социального дополнения, у которой возникают новые объективные свойства: квази-идеальность и квазисубъективность

Заключение

Итак, эволюция современных компьютерных технологий и формирование виртуальной реальности есть выражение развития не только методов научного познания, но и материального мира как такового. Этот процесс требует специального анализа, в том числе посредством новых онтологических категорий. На взгляд автора, уточненное понимание материального и идеального, а также обсуждаемые в данной статье новые категории — компьютерная виртуальная реальность, квазиидеальность, квазисубъективность, интерсубъективность, соци-

альное дополнение — в существенной мере помогают объяснить усложняющуюся структуру социальной реальности информационного общества.

Список литературы

Бородай Т.Ю. Материя // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, зам. предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. М.: Мысль, 2010. Т. II. 2010. С. 534–538.

Вайнберг С. Мечты об окончательной теории: Физика в поисках самых фундаментальных законов природы. Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с. ISBN: 978-5-382-00590-4 EDN: QJTCBR

Васильева Т.С., Орлов В.В. Социальная философия: учеб. пособие. Перм. гос. ун-т. 5-е изд., перераб. и доп. Пермь, 2011. 353 с. ISBN: 978-5-7944-1647-3 EDN: QONHKJ

Гуревич И.М., Урсул А.Д. Информация – всеобщее свойство материи: характеристики, оценки, ограничения, следствия. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 312 с. ISBN: 978-5-397-02634-5 EDN: QJZEOB

Дубровский Д.И. Проблема идеального. М.: Мысль, 1983. 228 с.

Ерахтин А.В. Проблема материи в западной и отечественной философии // Философия и общество. 2014. № 1. С. 55–74. EDN: SCPUYF

Ильенков Э.В. Диалектика идеального // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 229–270.

История информатики и философия информационной реальности: учеб. пособие для вузов / под ред. чл.-корр. РАН Р.М. Юсупова, проф. В.П. Котенко. М.: Академический проект, 2007. 429 с.

Колин К.К. Образование для информационного общества: проблемы и приоритеты // Информационное общество. 2022. № 5. С. 16–34. DOI: https://doi.org/10.52605/16059921_2022_05_16 EDN: CIQJJS

Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. М.: Изд-во политической литературы, 1968. 525 с.

Лукин В.М. Может ли материализм объяснить сущность информационного общества? // Проблема материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П.Н. Хмылева; отв. ред. В.М. Лукин. СПб.: 2008. С. 4–10.

Маркс К. Капитал. Т. 1 / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 23. М.: Изд-во политической литературы, 1960. 908 с.

Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Территория будущего, 2005. 304 с. ISBN: 5-7333-0173-2 EDN: RAYVXT

Орлов В.В., Васильева Т.С. *Философия экономики*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 264 с.

Орлов В.В. *Проблема системы категорий философии: монография*. Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2012. 262 с.

Орлов С.В. *Философия информационного общества: новые идеи и проблемы // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*. 2013. № 1. С. 10–24. URL: <http://fikio.ru/?p159> (дата обращения: 20.05.2025). EDN: SNMYPR

Орлов С.В. *Виртуальная реальность как искусственно созданная форма материи: структура и основные закономерности развития // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*. 2016. № 1. С. 12–25. EDN: VZJIZB

Орлов С.В. *Развитие концепций материального и идеального в философии информационного общества // Наука. Общество. Будущее: тезисы докладов 2-ой Международной научно-практической конференции, 4–5 апреля 2024 года*. Тверь: Тверской государственный университет, 2024. С. 19–23.

Орлов С. В. *Философия информационного общества и некоторые понятия онтологии // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*. 2025. № 1 (44). С. 12–25.

Рубинштейн С.Л. *Бытие и сознание*. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 328 с. EDN: YWFSHB

References

Borodai, T. Yu. (2010). [Matter]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t., In-t filosofii RAN, Nats. obsch.-nauchn. fond; Nauchno-red. sovet: preds. V.S. Stepin, zam. preds.: A.A. Guseynov, G.Yu. Semigin, uch. sekr. A.P. Ogurtsov* [New philosophical encyclopedia: in 4 vols, IP RAS, National Research Foundation; Editorial Board: chairman V.S. Stepin, deputy chairmen: A.A. Guseinov, G.Yu. Semigin, academic secretary A.P. Ogurtsov]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, pp. 534–538.

Dubrovsky, D.I. (1983). *Problema ideal'nogo* [The problem of the ideal]. Moscow: Mysl' Publ., 228 p.

Erakhtin, A.V. (2014). [The problem of matter in Western and Russian philosophy]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. No. 1, pp. 55–74.

Gurevich, I.M. and Ursul, A.D. (2012). *Informatsiya – vseobscheye svoystvo materii: kharakteristiki, otsenki, ogranicheniya, sledstviya* [Information – a universal property of matter: characteristics, assessments, limitations, consequences]. Moscow: LIBROKOM Publ., 312 p.

Ilyenkov, E.V. (1991). [Dialectics of the ideal]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 229–270.

Kolin, K.K. (2022). [Education for the information society: problems and priorities]. *Informatsionnoe obschestvo* [Information Society]. No. 5, pp. 16–34. DOI: https://doi.org/10.52605/16059921_2022_05_16

Lenin, V.I. (1968). [Materialism and empiriocriticism]. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete collected works]. Moscow: Politicheskaya literatura Publ., vol. 18, 525 p.

Lukin, V.M. (2008). [Can materialism explain the essence of the information society?]. *Problema materializma v sotsial'noy filosofii: sbornik statey, posvyaschenny 70-letiyu professora SPbGU P.N. Khmyleva. Otv. red. V.M. Lukin* [Lukin V.M. (ed.) The problem of materialism in social philosophy: a collection of articles dedicated to the 70th anniversary of SpBU professor P.N. Khmylev]. St. Petersburg: SpBU Publ., pp. 4–10.

Mach, E. (2005). *Analiz oschuscheniy i otnoshenie fizicheskogo k psikhicheskomu* [The analysis of sensations and the relation of the physical to the psychical]. Moscow: Territoriya budushego Publ., 304 p.

Marx, K. (1960). [Capital. Vol. 1]. *Marks K., Engels F. Sochineniya* [Marx K., Engels F. Works]. Moscow: Politicheskaya literatura Publ., vol. 23, 908 p.

Orlov, S.V. (2024). [Development of the concepts of the material and the ideal in the philosophy of the information society]. *Nauka. Obschestvo. Budushee: Tezisy dokladov Vtoroy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 4–5 aprelya 2024 goda* [Science. Society. The Future: Abstracts of the 2nd International Scientific and Practical Conference. April 4–5, 2024]. Tver: Tver State University Publ., pp. 19–23.

Orlov, S.V. (2025). [Philosophy of information society and some notions of ontology]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and Humanities in the Information Society]. No. 1 (44), pp. 12–25.

Orlov, S.V. (2013). [Philosophy of the information society: new ideas and problems]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and Humanities in the Information Society]. No. 1, pp. 10–24. Available at: <http://fikio.ru/?p159> (accessed 20.05.2025).

Orlov, S.V. (2016). [Virtual reality as an artificially created form of matter: structure and basic patterns of development]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and Humanities in the Information Society]. No. 1, pp. 12–25.

Orlov, V.V. (2012). *Problema sistemy kategoriy filosofii* [The problem of the system of philosophical categories]. Perm: PSU Publ., 262 p.

Orlov, V.V. and Vasil'eva, T.S. (2005). *Filosofiya ekonomiki* [Philosophy of economics]. Perm: PSU Publ., 264 p.

Rubinstein, S.L. (1957). *Bytie i soznanie* [Being and consciousness]. Moscow: AN USSR Publ., 328 p.

Vasil'eva, T.S. and Orlov, V.V. (2011). *Sotsial'naya filosofiya* [Social philosophy]. Perm: PSU Publ., 353 p.

Yusupov, R.M. and Kotenko, V.F. (eds.) (2007). *Istoriya informatiki i filosofiya informatsionnoy re-*

al'nosty [History of informatics and philosophy of information reality]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 429 p.

Weinberg, S. (2008). *Mechty ob okonchatel'noy teorii: fizika v poiskakh fundamental'nykh zakonov prirody* [dreams of a final theory: the search for the fundamental laws of nature]. Moscow: LKI Publ., 256 p.

Об авторе

Орлов Сергей Владимирович

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры истории и философии

Санкт-Петербургский государственный
университет аэрокосмического приборостроения,
190000, Санкт-Петербург,
ул. Большая Морская, 67, лит. А;
e-mail: orlov5508@rambler.ru
ResearcherID: AAI-6212-2020

About the author

Sergey. V. Orlov

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of History and Philosophy

Saint Petersburg State University
of Aerospace Instrumentation,
67, lit. A, Bolshaya Morskaya st., 190000, Saint Petersburg,
Russia;
e-mail: orlov5508@rambler.ru
ResearcherID: AAI-6212-2020

УДК 1:316+004.8

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-222-234><https://elibrary.ru/yimbbl>

Поступила: 08.05.2026

Принята: 11.06.2026

Опубликована: 03.07.2026

ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Санникова Елена Андреевна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь)

Внутских Александр Юрьевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь),

Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь)

В статье представлен социально-философский анализ фундаментального противоречия, складывающегося между декларируемыми идеалами внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в политическую деятельность и реальным, во многом стихийным процессом цифровизации данной сферы. Актуальность исследования обусловлена тем, что технологии ИИ все активнее проникают в область государственного управления, избирательных процессов, политической коммуникации и стратегического планирования, однако теоретическое осмысление этих трансформаций существенно отстает от практики. На основе реконструкции и критического анализа ключевых современных исследовательских подходов — технократического, социально-критического и нормативно-этического — выявляется значительный теоретический вакуум как в концептуальном осмыслении самого процесса алгоритмизации политики, так и в практике формирования соответствующих правовых и этических норм. Показано, что цифровизация политических институтов, в частности внедрение инструментов ИИ в процессы принятия управленческих решений, в настоящее время осуществляется преимущественно стихийно и бессистемно, при отсутствии целостной социально-философской рефлексии о ее целях, границах и последствиях. Формирующиеся нормы внедрения ИИ носят преимущественно реактивный, «догоняющий» характер и определяются скорее технологической логикой, нежели ценностными ориентирами современного управления. Гипотеза исследования подразумевает возможность и необходимость формирования более человекомерной, гуманистически-ориентированной модели цифровой политики, в которой технологии служат не замене человеческого суждения, а его поддержке и развитию.

Ключевые слова: искусственный интеллект, политическая деятельность, цифровое государство, социальная и политическая философия, идеалы, нормы, технократия, демократия.

Для цитирования:

Санникова Е.А., Внутских А.Ю. Внедрение искусственного интеллекта в политическую деятельность: постановка проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 2. С. 222–234.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-222-234>. EDN: YIMBBL

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IMPLEMENTATION IN POLITICAL ACTIVITY: PROBLEM STATEMENT

Elena A. Sannikiva

Perm National Research Polytechnic University (Perm)

Alexander Yu. Vnutskikh

Perm State University (Perm),

Perm National Research Polytechnic University (Perm)

The article presents a social-philosophical analysis of the fundamental contradiction between the declared ideals of artificial intelligence (AI) integration into political activity and the actual, largely spontaneous process of digitalization in this sphere. The relevance of the study is driven by the fact that AI technologies are increasingly penetrating the domains of public administration, electoral processes, political communication, and strategic planning — yet the theoretical understanding of these transformations lags significantly behind practice. Through the reconstruction and critical analysis of key contemporary research approaches — technocratic, socio-critical, and normative-ethical — a substantial theoretical vacuum is identified both in the conceptual understanding of the algorithmization of politics itself and in the development of corresponding legal and ethical frameworks. It is shown that the digitalization of political institutions, and in particular the introduction of AI tools into managerial decision-making processes, is currently carried out in a predominantly spontaneous and unsystematic manner, in the absence of coherent social-philosophical reflection on its goals, boundaries, and consequences. The emerging norms governing AI implementation are largely reactive and “catch-up” in nature, shaped more by technological logic than by the value orientations of contemporary governance. The research hypothesis posits the possibility and necessity of developing a more human-dimensional, humanistically oriented model of digital politics - one in which technologies serve not to replace human judgment, but to support and enhance it.

Keywords: artificial intelligence, political activity, digital state, social and political philosophy, ideals, norms, technocracy, democracy.

To cite:

Sannikova E.A., Vnutskikh A.Yu. [Artificial intelligence implementation in political activity: problem statement]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 2, pp. 222–234 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-222-234>. EDN: YIMBBL

Введение

27 марта 2026 года в Перми в рамках IV Всероссийской конференции с международным участием «Свет и тени цифровой реальности: живой интеллект и его аватары» состоялся круглый стол «Искусственный интеллект в государственном управлении: актуальные практики, возможности и вызовы». Участие в нем приняли ученые, представители ИТ-компаний и

эксперты в области госуправления. Организаторы круглого стола отметили, что внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в государственное и муниципальное управление сегодня становится не просто технологическим трендом, а стратегическим фактором повышения эффективности принятия решений, оптимизации административных процессов и качества взаимодействия власти с обществом. Мировой опыт и российские инициативы

демонстрируют переход к управлению, основанному на данных, что требует осмысления как с точки зрения практической пользы, так и с позиции социальных, этических и правовых последствий. Вместе с тем участники круглого стола подчеркивали глубоко противоречивый характер развития цифровой политики как в России, так и в мире. Проведенный круглый стол стал для нас важной вехой в осмыслении использования ИИ-инструментов в управлении регионом.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы раскрыть характер противоречия между идеалами и нормами внедрения ИИ в политическую деятельность, обосновывая необходимость разработки «человекомерной» модели цифровой политики, способной преодолеть ограничения существующих подходов к ее реализации.

Изучение социальных норм и социального идеала — традиционная проблематика социальной и политической философии, изучению которой посвящено большое количество научных трудов. В отечественной традиции одним из наиболее системных подходов к данной проблематике является концепция К.Х. Момджяна, рассматривающего социальные нормы как институционализированные предписания, которые программируют и регулируют деятельность людей в рамках сложившегося общественного порядка, задавая образцы должного поведения и тем самым обеспечивая воспроизводство социальных связей. Социальный идеал, в свою очередь, представляет собой ценностно окрашенный образ желаемого — нормативную проекцию совершенного состояния общества, в котором коренные противоречия социальной действительности находят свое разрешение [Момджян К.Х., 2013]. Принципиальное различие между этими двумя понятиями состоит в их темпоральной направленности: норма обращена к настоящему, фиксируя то, «как должно быть» в границах существующего порядка, тогда как идеал устремлён в будущее, задавая ценностный горизонт, которого общество стремится достичь, но которого никогда не достигает в полной мере. Именно это порождает структурное противоречие: действующие нормы неизбежно отстают от

динамики идеала — они консервируют достигнутое, тогда как идеал требует выхода за его пределы. Данное противоречие, описанное ещё в классических работах по социальной философии [Дробницкий О.Г., 1974, с. 15–23], приобретает особую остроту в условиях технологических трансформаций, когда скорость практических изменений принципиально превышает темп нормативной адаптации.

Представляется необходимым определить цель статьи. Современное общество переживает качественный переход к цифровой организации социальной жизни, в которой политическая сфера занимает особое место. Политика — не просто сфера управления, а пространство реализации фундаментальных ценностей: свободы, равенства, справедливости, народного суверенитета. Именно поэтому любые технологические трансформации в этой сфере имеют неизбежно ценностное, нормативное измерение. Между тем внедрение ИИ в политику в большинстве случаев рассматривается преимущественно как технологический, а не социально-философский вызов. Это порождает характерный концептуальный разрыв: практика опережает теоретическую рефлексию.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

- систематизируются и критически анализируются основные теоретические подходы к осмыслению внедрения ИИ в политическую сферу;
- выявляются сущность и уровни проявления противоречия между идеалами и нормами внедрения ИИ;
- определяется, из какой парадигмы исходит реальная практика развития цифровой политики.

Проблема нашего исследования может быть определена следующим образом: несмотря на многообразие подходов, в современной литературе остаётся недостаточно исследованным процесс противоречивого взаимодействия между, с одной стороны, идеалами и декларируемыми целями внедрения ИИ в политику, а с другой — практикой и во многом стихийно формируемыми нормами такого внедрения. Большинство исследований либо фокусируются на критике технологического детерминизма, либо

ограничиваются анализом нормативных документов, не раскрывая механизм трансформации идеалов в нормы и обратного влияния практики на идеалы. Важно отметить, что в академическом сообществе существует мнение, что процессы взаимодействия новейших технологий и общества цикличны. Например, А.В. Михайловский и Е.В. Середкина отмечают, что существует понимание ответственности ИИ, отличное от традиционной западной исследовательской практики в области ответственного развития. Это многополярная этика ответственности, где, с одной стороны, каждая цивилизация стремится сформулировать свой собственный способ легитимизации технологии и ее морального смысла, а с другой — даже в рамках отдельной цивилизации осмысление возможностей и рисков технологий технологий может развиваться циклическим образом [Mikhailovsky A.V., Seredkina E.V. 2025].

Основываясь на анализе существующих исследований, мы выдвигаем **гипотезу** о том, что внедрение ИИ в политическую деятельность представляет собой процесс, в котором определяющим моментом оказывается стихийное внедрение цифровых инструментов, а не сформированный в результате глубокой теоретической рефлексии идеал развития политической сферы в цифровую эпоху. Этот идеал остается во многом абстрактной декларацией, слабо влияющей на формирование норм внедрения ИИ в политическую жизнь. В результате нормы складываются в ходе практики цифровизации стихийно, носят не проактивный, а реактивный, “догоняющий” характер — и потому оказываются, главным образом, нормами технологическими. Политическая же философия должна изучать и, насколько возможно, формировать идеалы как опережающую и предопределяющую эмпирию политической деятельности.

Нормативный вакуум: разрыв между теоретической рефлексией и практикой внедрения ИИ в политику

Как известно, политическая философия в европейской традиции подразумевает в качестве базиса, основания эмпирические

исследования политического. В отечественной традиции политическая философия не только и не столько эмпирична, сколько нормативна [Худякова Н.;Л., Внутских А.Ю., 2025, с. 560]. Нормативность — одна из определяющих черт политической философии: она является преимущественно нормативной дисциплиной, т.е. пытается установить норму (правила или идеалы), в соответствии с которыми должна быть организована политическая жизнь [Алексеева Т.А., 2003, с. 119–157]. В рамках данной статьи авторы опираются на отечественную традицию.

Изучением общества как целостности, включающей ряд подсистем, в том числе политическую, выполняющую регулятивную, управленческую, коммуникативную функции, а также функцию социализации, занимается социальная и политическая философия. Политическая философия, в отличие от политологии как частной науки, изучает не только то, что есть в политической сфере, но и то, что *должно быть* [Алексеева Т.А., 2003, с. 129]. Политическая реальность для нее — не только объект описания, но и повод для постановки общих проблем, связанных с универсальным политическим бытием, его прошлым, настоящим и желательным будущим [Гуторов В.А., 2002, с. 18]. Политическая философия исследует сущность политических объектов, выполняя деонтологические функции по определению идеальных и универсальных начал политики. Здесь важно уточнить само понятие «политика». Одним из первых политологов XX в., кто поставил этот вопрос, является М. Дюверже. Именно его трехчастная схема (политика как борьба за контроль; как интеграция на основе порядка и справедливости; как сфера деятельности, регулируемая этическими принципами) напрямую демонстрирует, почему политика не может быть изучена только эмпирически: второй и третий смыслы включают вопросы должного, справедливости и ценностных оснований. Это обосновывает нормативный характер политической философии [Дюверже М., 1997, с. 6].

Актуальным для современной политической философии является вопрос о сущности алгоритмизации политической жизни и ее

желательной форме. В настоящее время одним из существенных векторов формирования будущего политической сферы является применение в ней ИИ. В качестве характерных примеров, иллюстрирующих как национальный, так и региональный уровни применения ИИ в политической сфере, можно привести следующие.

На уровне государственного управления Россия создала более 500 региональных ИТ-систем с элементами ИИ, а федеральный проект «Искусственный интеллект» получил финансирование в десятки миллиардов рублей. В 2024 году на портале «Госуслуг» запущен ИИ-ассистент «Макс», отвечающий на вопросы граждан о льготах, пенсиях и штрафах и др. Татарстан запустил программу развития ИИ в государственных органах, основанной на принципах прозрачности и обезличивания персональных данных. Вместе с тем, по данным TAdviser, реально используют ИИ лишь около 2% организаций в сфере государственного управления и социального обеспечения, а эффективность внедрённых систем нередко оказывается ниже задекларированной [Искусственный интеллект в государственном управлении, 2024].

На уровне избирательных кампаний показателен опыт мэрских выборов в Нью-Йорке (начиная с 2023 года), когда действующий мэр Эрик Адамс применял ИИ для автоматизированного обзвона граждан, причём виртуальный ассистент вёл коммуникацию на мандаринском, урду и идише — языках ключевых диаспор. В предвыборной агитации всё шире используется генерация ИИ-видеоконтента, в том числе дипфейков. Перед выборами в Бангладеш (2024) в публичном пространстве были распространены сгенерированные нейросетями видеозаписи, компрометирующие оппозиционных женщин-политиков. В Гане в тот же период сеть из не менее чем 171 фиктивного аккаунта применяла алгоритмы ИИ для массовой генерации и распространения политического спама. Всё это указывает на то, что ИИ уже сейчас стал инструментом не только просвещения и рационализации публичного дискурса, но и его манипулятивного искажения.

Показательно, что сколько-нибудь серьёзного распространения на

наднациональном уровне применение ИИ в политической сфере пока не получило — по-видимому, по причине очевидных противоречий национальных интересов даже в пределах межгосударственных союзов и связанных с этим проблем информационной безопасности, которые в настоящее время решаются исключительно на национальном уровне. Уже это указывает на существенные деформации и ограничения в функционировании ИИ в политической сфере в наши дни: применение ИИ могло бы способствовать интеграции человечества, но в современных экономических и политических условиях он, скорее, способствует фрагментации политического и его концентрации исключительно на национальном и организационном уровнях.

Но и на национальном уровне остается слабо изученным вопрос о теоретических основаниях для суждения о практике внедрения инструментов ИИ в политическую деятельность с точки зрения соответствия или несоответствия самой этой практики, ее целеполагания и формирующихся норм внедрения.

Эмпирически мы наблюдаем ситуацию, когда технологии (системы анализа больших данных, чат-боты, алгоритмы таргетированной рекламы) активно внедряются в политическое поле, на порядок опережая рефлексию их этических и социальных последствий. Это создает «нормативный вакуум», поскольку проблема внедрения ИИ в политическую деятельность до сих пор исследуется теоретиками с достаточно общих, абстрактных позиций, которые оказываются слабо применимыми на практике. К числу таких теоретических подходов можно отнести подходы, описанные ниже.

Существующие теоретические подходы к осмыслению внедрения ИИ в политическую деятельность

Технократическое направление, уходящее корнями в концепции «информационного общества» (Э. Тоффлер, Д. Белл), рассматривает ИИ как ключевой ресурс для создания «когнитивного государства», где управление основано на data-driven решениях. В рамках этого подхода доминируют утопические ожидания возможности построения идеальной политической системы

через алгоритмизацию принятия решений. Идея утопии, связанная с технологическими изменениями и алгоритмизацией общественной жизни, имеет долгую историю. Почему же мы можем считать эту идею утопической? Прежде всего, в силу практической неосуществимости: она игнорирует конститутивную роль конфликта, неопределенности и различий в интерпретации в политике. Налицо также очевидный редукционизм: человек рассматривается здесь лишь как предсказуемая и управляемая функция, а не как субъект свободы и творчества — в том числе в политической сфере. Высказываются обоснованные опасения, что ИИ будет способствовать концентрации чрезмерной власти в руках политических лидеров или партий [Summerfield et al., 2025].

Как справедливо отмечает Ю. Хабермас, технологический детерминизм неизбежно ведет к «колонизации жизненного мира» инструментальным разумом, что особенно опасно в политической сфере [Хабермас Ю., 2008]. Внедрение ИИ в политику по технократической модели может привести к системной деградации публичной сферы, когда административные и технические решения заменят собой публичные дискуссии о ценностях, нормах и целях общества. Политика перестанет быть ареной коммуникативного действия и превратится в разновидность социальной инженерии, где граждане — объекты управления, а не субъекты воли.

Красноречивым современным примером, иллюстрирующим эту опасность, служит конфликт между компанией Anthropic (разработчик модели Claude) и Министерством обороны США (Пентагоном), разгоревшийся в 2025–2026 годах. Компания Anthropic в июле 2025 года заключила с Пентагоном контракт стоимостью до 200 миллионов долларов, став первым разработчиком ИИ, чья модель была развернута в секретных сетях военного ведомства. Модель Claude применялась для аналитики разведывательных данных, операционного планирования, киберопераций и моделирования. Однако уже в феврале 2026 года отношения переросли в открытый конфликт: Пентагон потребовал от Anthropic снять ограничения на использование Claude для

полностью автономных систем вооружений и массовой слежки за гражданами. Компания отказалась выполнять эти требования, настаивая на том, что «не может по совести» санкционировать подобное применение своих технологий. В ответ министр обороны Пит Хегсет присвоил Anthropic статус «угрозы цепочке поставок национальной безопасности», президент Трамп потребовал от всех федеральных ведомств немедленно прекратить использование Claude [Barnes J.E., Frenkel S., 2026]. Этот конфликт наглядно демонстрирует, как технократическая логика — «ИИ должен быть применим для любых законных целей» — вступает в прямое противоречие с нормативными ограничениями, которые разработчики встраивают в свои системы из этических соображений. По существу, речь шла о вопросе: кто обладает правом определять допустимые пределы применения ИИ в политической сфере — избираемые государственные чиновники или технологические компании, а может быть, гражданское общество? Приходится признать, что этот вопрос до сих пор не имеет однозначного ответа.

Социально-критическое направление, представители которого, развивая идеи М. Фуко о «биовласти» и Ж. Бодрийера о «симулякрах», анализируют алгоритмы как инструменты создания новых форм социального контроля и политической субъектности. Современные исследователи показывают, как ИИ конструирует «реальность второго порядка», где политические решения принимаются на основе алгоритмически сконструированных моделей общественного мнения [Amoore L., 2023, p. 20]. М. Кокельберг допускает, что современные алгоритмы и самообучающиеся нейронные сети могут приводить к дефициту демократии, а правительства и крупные корпорации будут и дальше использовать технократический короткий путь [Кокельберг М., 2024, с. 28].

С другой стороны, тренд на рационализацию общественной жизни глубоко фундаментализирован развитием индустриального общества, что было замечено еще М. Вебером в начале XX в. ИИ не мог не появиться и не мог не проникнуть в политическую сферу — это объективный процесс. Однако важно, чтобы в результате

такого развития человек не попал в «стальной панцирь» [Вебер М., 2025, с. 219], в котором внешний контроль со стороны ИИ будет не просто эффективным — он будет совершенным. Тогда пространство для свободной политической воли окажется окончательно элиминированным.

В этом контексте важно отметить, что применение ИИ в политике несет в себе специфические риски в сравнении с другими сферами. Если алгоритм принимает ошибочные решения в логистике или медицине, это наносит ущерб конкретным людям, организациям и, в принципе, может быть исправлен. Если же алгоритм формирует политические предпочтения граждан, создает «информационные пузыри», конструирует искусственные образы политических акторов, он влияет на саму основу демократии — автономное политическое суждение гражданина. Впрочем, как указывает К. Келли, развитие технологий подчиняется своеобразным «законам неизбежности», и задача состоит не в том, чтобы остановить этот процесс, а в том, чтобы направить его в желательном для человека русле [Келли К., 2017].

Нормативно-этическое направление акцентирует внимание на разработке принципов «ответственного ИИ». Положительный эффект инновационного развития в формате «ответственных исследований и инноваций» для общества отмечают А. Грунвальд [Грунвальд А., 2008, с. 54], а в российском контексте — Е.В. Середкина [Середкина Е.В., 2016, с. 128]. Однако вопрос об ответственности за неожиданный ущерб от внедрения новейших технологий до сих пор слабо проработан. На практическом уровне он решается в рамках деятельности страховых компаний. Но масштабы соответствующего ущерба, например, в случае неадекватного применения ИИ в политической сфере, могут быть настолько велики, что материальная компенсация окажется просто невозможной.

Как показывают В.В. Леушина и В.Э. Карпов на основании анализа международных стандартов (IEEE, ISO), большинство принятых этических кодексов формулируют единые «абстрактные»

принципы, чьему внедрению мешают «пустота» и конъюнктурность отдельных положений [Леушина В.В., Карпов В.Э., 2022, с. 133]. При этом, как отмечает С. Теркл, этические кодексы часто остаются декларациями, не влияя на реальную практику [Turkle S., 2017]. Разрыв между «верхним» уровнем нормативных деклараций и «нижним» уровнем реальной эксплуатации систем ИИ — одна из наиболее острых проблем нормативного регулирования в данной сфере.

Отечественные исследования также демонстрируют растущий интерес к проблеме алгоритмизации политики. Специфика российского подхода проявляется в обоснованном акцентировании тезиса о необходимости «цифрового суверенитета» и национальных моделей регулирования, однако это также чревато новыми противоречиями между глобальными идеалами и локальными нормами.

Три уровня противоречия между идеалами и нормами внедрения ИИ в политику

Противоречие между абстрактными идеалами и стихийно формирующимися «технизированными» нормами внедрения ИИ имеет системный характер и проявляется на трех уровнях: онтологическом, гносеологическом и аксиологическом. Рассмотрим каждый из них подробнее.

На онтологическом уровне противоречие выражается в неопределенности самого статуса ИИ в политике: является ли он инструментом или субъектом политического действия? Технократическая установка настаивает на инструментальной природе ИИ — он лишь средство повышения эффективности управления, не более. Однако практика применения систем ИИ в политике все более явно обнаруживает их субъектные характеристики. В ситуациях, когда рейтинги политических новостей и обзоров на интернет-площадках определяются алгоритмически и тем самым формируют повестку дня, когда ИИ-инструменты на основе предиктивной аналитики разрабатывают сценарии реагирования на общественно острые проблемы — ИИ уже не является сугубо технологическим инструментом. Он становится полноценным участником разработки и принятия политических решений, что приводит

к следующему онтологическому противоречию. Вся ответственность за предложенные ИИ решения лежит на человеке или же он обнаруживает черты субъектности? Каким образом распределяется ответственность в таком случае?

Описанный выше конфликт Anthropic и Пентагона является иллюстрацией именно этого онтологического противоречия: спор шел о том, кто является субъектом решения о применении ИИ в боевых операциях — человек-оператор, алгоритм или компания-разработчик. Пентагон исходил из инструментальной логики («ИИ — лишь средство, используемое военными в соответствии с их усмотрением»), тогда как Anthropic настаивала на том, что разработчик несет нормативную ответственность за то, к каким целям применяется созданный им субъект-инструмент.

На гносеологическом уровне противоречие проявляется как несовместимость логики алгоритма и человеческой рациональности. ИИ функционирует как «идеальный аппроксиматор»: он оперирует статистическими паттернами, оптимизирует по заданным параметрам, минимизирует ошибку в рамках определенной функции потерь. Человеческая рациональность устроена иначе: она связана с эмоциями и волей, вписана в ценностный контекст, способна к интенциональному переосмыслению целей. Политика — это не только расчет оптимальных решений, но и борьба интерпретаций, согласование ценностей, формирование смыслов. Проблема возникает тогда, когда алгоритмические рекомендации начинают подменять политическое суждение: data-driven решения создают иллюзию объективности, скрывая за слоем статистики нормативный выбор, который уже был сделан на этапе разработки алгоритма — при выборе параметров оптимизации, обучающих данных, критериев оценки.

Именно это гносеологическое противоречие лежит в основе феномена «алгоритмической предвзятости» в политическом контексте. Системы предиктивной аналитики, обученные на исторических данных, воспроизводят и усиливают существующее неравенство; алгоритмы таргетирования политической

рекламы «находят» тех граждан, которые уже предрасположены к нужной позиции, тем самым не формируя, а лишь поляризуя общественное мнение. В результате «объективная» аналитика ИИ оказывается встроена в существующие ограниченные политические практики, противоречащие идеалам информированного гражданского выбора.

На аксиологическом уровне противоречие выражается в столкновении ценностей эффективности и демократической легитимности. Технократическая модель внедрения ИИ максимизирует эффективность: скорость принятия решений, охват данных, точность прогнозов. Демократическая легитимность требует иного: публичного обсуждения, прозрачности обоснований, возможности оспорить решение, подотчетности перед гражданами. Эти два императива находятся в структурном напряжении. Эффективные алгоритмические решения нередко непрозрачны («черный ящик»), трудно оспариваемы и принимаются с такой скоростью, которая делает полноценное публичное обсуждение нереалистичным.

Это аксиологическое противоречие воспроизводится во всех приведенных примерах: и в российских случаях применения ИИ для анализа обращений граждан, и в западных практиках алгоритмической предвыборной агитации, и в военных применениях ИИ. Во всех случаях логика эффективности систематически вытесняет логику легитимности, а технологические нормы формируются быстрее, чем успевают складываться соответствующие политические и правовые механизмы контроля. Методология исследования внедрения ИИ в политику должна быть диалектической: с одной стороны, — с видением противоречий, с одной стороны, как источника развития, а с другой — как риска катастрофы, если эти противоречия приобретут антагонистический характер. Необходимо также учитывать, что само формирование норм внедрения ИИ является социокультурным процессом, сопряженным с мировоззренческими установками общества и государства.

Проведенный анализ позволяет выделить несколько ключевых направлений, перспективных для дальнейших исследований.

Во-первых, анализ новых форм политической субъективности. Технологии ИИ не просто автоматизируют существующие политические практики, но конституируют новые типы политических акторов и меняют природу политического участия [Amoore L., 2023, p. 20]. Алгоритм, формирующий «персональную политическую реальность» для каждого пользователя через фильтрацию новостного потока, — это уже не нейтральный посредник, а полноправный агент политической социализации. Исследование того, как именно происходит эта конституция субъективности и каковы ее политические последствия, является насущной задачей социальной философии.

Во-вторых, разработка критериев легитимности алгоритмических систем в политике. Принятие нормативной базы для оценки соответствия ИИ-решений демократическим ценностям требует прежде всего прояснения самих этих ценностей в контексте цифровой среды. Что означает «прозрачность» алгоритма для широкой общественности, не обладающей технической экспертизой? Как реализовать принцип «права на объяснение» применительно к сложным системам машинного обучения, функционирование которых не поддается интерпретации даже их создателями? Эти вопросы находятся на пересечении политической философии, философии права и философии технологии и требуют междисциплинарных исследовательских усилий.

В-третьих, сохраняется необходимость исследований «гибридного интеллекта» в политической сфере общества, т.е. такой модели совместной деятельности естественного и искусственного интеллекта. При этом важнейшим условием функционирования такой системы является верховенство именно человеческого участия над алгоритмами. Для этого следует тщательно разграничить сферы политической жизни, в которых ИИ может принимать самостоятельные решения, и те, где участие и проверка человека является императивом для соблюдения прав и свобод.

Также важно отметить, что одними из направлений изучения данного вопроса является сравнительный анализ подходов к регулированию ИИ на международном уровне (European AI Act ЕС, Национальная стратегия развития ИИ в РФ до 2030 года, подходы США и Китая) и регионального опыта использования ИИ в управлении субъектами РФ [Васильев Д.П., 2023, с. 86]. С помощью подобных исследований можно будет выявить «общее» и «частное» в применении инструментов ИИ в политической деятельности, которые проиллюстрируют ценностные различия между обществами.

Проведенный анализ современного состояния исследований показывает, что проблема сущности и соотношения идеалов и норм внедрения ИИ в политическую деятельность остается недостаточно разработанной в социально-философской литературе, особенно отечественной. Существующие подходы либо принимают абстрактный характер идеалов и спонтанную «технизацию» норм такого внедрения как неизбежную данность, либо ограничиваются ее критикой, не предлагая содержательных альтернатив в условиях продолжения цифровизации как объективного процесса.

Противоречивый характер взаимодействия идеалов и норм открывает новые перспективы для исследований. Принципиально важно, что ее принятие не предполагает ни апологии цифровизации, ни луддитского отрицания технологического прогресса. Задача состоит в том, чтобы найти формы и институты, способные обеспечить диалектическое единство технологической рациональности и политического гуманизма. А это невозможно вне дискурса социальной и политической философии.

Заключение

Подведем итоги.

Внедрение ИИ в политическую сферу является объективным и необратимым процессом, обусловленным логикой развития технологий и потребностями современного государственного управления. Вместе с тем этот процесс не является ни нейтральным, ни автоматически благотворным: он несет в себе структурные противоречия, игнорировать

которые — значит оставить их разрешение на откуп стихийному развитию практики, а не сознательной теоретической и общественной рефлексии.

В этой связи представляется необходимым отметить несостоятельность позиции, согласно которой искусственный интеллект является лишь временным технологическим увлечением, значение которого в ближайшем будущем существенно снизится. Подобная точка зрения, иногда встречающаяся как в публичном дискурсе, так и в отдельных экспертных оценках, не находит подтверждения ни в логике развития технологий, ни в данных о масштабах их интеграции в социальные и политические процессы. Проникновение ИИ в политическую сферу подчиняется устойчивым закономерностям цифровой трансформации общества и не может быть сведено к кратковременному модному тренду. В наши дни в РФ функционирует более 500 ИТ-сервисов с элементами искусственного интеллекта [Искусственный интеллект в государственном управлении, 2024]. Финансирование на федеральном уровне превышает миллиарды рублей. Можно сделать вывод об инфраструктурном, а не конъюнктурном изменении в обществе. На международном уровне принятие Европейским Союзом AI Act – первого в мире комплексного регулирующего акта в области ИИ – однозначно указывает на то, что мировое сообщество рассматривает ИИ как долгосрочный фактор трансформации, требующий системного нормативного ответа, а не как эфемерное явление. Недооценка масштабов и устойчивости этого процесса грозит не только теоретической неадекватностью, но и практическим проигрышем: общества, игнорирующие необходимость философского и нормативного осмысления ИИ, рискуют оказаться объектами, а не субъектами цифровой трансформации своих политических институтов.

Также проведенный анализ основных исследовательских направлений (технократического, социально-критического и нормативно-этического) продемонстрировал, что каждое из них рассматривает отдельные аспекты проблемы. Однако целостного социально-философского осмысления на

данный момент не существует. Каждое из направлений имеет ограничения. Технократическое направление не учитывает ценностное измерение политики. Социально-критическое зачастую застревает в диагностике, при этом не предлагая конструктивных ориентиров. Нормативно-этическое направление сталкивается с противоречием между декларируемыми принципами и реально сложившейся практикой.

Таким образом, разногласие между идеалами и нормами внедрения ИИ в политическую сферу общества имеет системный характер и отображается на трех уровнях: онтологическом (ИИ как технология, инструмент против субъекта политического действия), гносеологическом (инструментальная рациональность против человеческого политического суждения), аксиологическом (технологическая эффективность против демократической легитимности). Данные противоречия не позволяют ограничить круг принимаемых решений только технологическими либо только правовыми. Проблема требует всесторонней социально-философской рефлексии.

Также важно отметить, что реальная практика применения ИИ в политике (от локальных случаев использования сгенерированного видео, фото до конфликтов крупнейших компаний с правительствами государств) подтверждает тезис о том, что практическое использование технологий движется значительно быстрее формирования рефлексии ее этических и политических эффектов. В таком случае, именно прецедент становится источником для заполнения «нормативного вакуума». Отсутствие философской концептуализации и общественного дискурса зачастую могут привести к острым политическим конфликтам.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в разработке интегративной социально-философской концепции внедрения ИИ в политику, способной преодолеть ограничения существующих подходов. Ее ключевыми принципами должны стать: признание конститутивной роли нормативного и ценностного измерения в любой технологической практике; ориентация на

«человеческий контроль» алгоритмов и сохранение автономии личности в политическом процессе; диалектическое видение противоречий и как источника развития, и как риска деструкции при их антагонистическом обострении. Особый интерес представляет анализ условий возможности «гуманистического поворота» в цифровизации политики, когда технологии служат не замене человека, а реализации и развитию человеческого потенциала — как в сфере управления, так и в сфере политического участия граждан.

Список литературы

- Алексеева Т.А.* Что такое политическая философия. Статья первая // *Полития*. 2003. № 3. С. 119–157.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М. Левиной. Москва: АСТ, 2025. 352 с.
- Васильев Д.П.* Формирование международных режимов управления искусственным интеллектом: ключевые тенденции и основные акторы // *Общество: политика, экономика, право*. 2023. № 8. С. 74–88. DOI: <https://doi.org/10.24158/perp.2023.8.9> EDN: ESMQKV
- Грунвальд А.* На пути к теории социальной оценки техники // *Эпистемология и философия науки*. 2008. Т. 17, № 3. С. 35–56.
- Гуторов В.А.* Политическая философия в России: настоящее и будущее (заметки участника «круглого стола») // *Вопросы философии*. 2002. № 4. С. 17–20.
- Дробницкий О.Г.* Понятие морали: историко-критический очерк. М.: Наука, 1974. 388 с.
- Дюверже М.* Политические институты и конституционное право // *Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2* / ред. Т.А. Алексеева. М.: Мысль, 1997. С. 644–661.
- Искусственный интеллект* в государственном управлении // *Блог GigaChat (Sber Developers)*. 2024. URL: <https://developers.sber.ru/help/gigachat-api/ai-governance> (дата обращения: 15.03.2026). *Келли К.* Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее / пер. с англ. Ю. Константиновой, Т. Мамедовой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 352 с.
- Кокельберг М.* Искусственный интеллект (ИИ), общее благо и дефицит демократии в управлении ИИ // *Технологос*. 2024. № 4. С. 19–30. DOI: <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2024.4.02> EDN: VHGGIH
- Леушина В.В., Карпов В.Э.* Этика искусственного интеллекта в стандартах и рекомендациях // *Философия и общество*. 2022. № 3(104). С. 125–140 DOI: <https://doi.org/10.30884/jfio/2022.03.07> EDN: MNEGHO
- Момджян К.Х.* Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории: в 2 ч. Ч. 1. Москва: Издательство Московского университета, 2013. 400 с. – ISBN 978-5-211-06338-9 EDN: SSMSDP
- Середкина Е.В.* Ответственные исследования и инновации, социальная оценка техники и устойчивое развитие // *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*. 2016. № 2. С. 122–131. EDN: WCZGZT
- Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем., под ред. Д.В. Скляднева. 2-е изд., стер. Санкт-Петербург: Наука, 2006. 377 с. ISBN 5-02-026926-3 EDN: QWNVPR
- Худякова Н.Л., Внутских А.Ю.* Проблема цели и предмета социальной философии // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2025. Вып. 4. С. 553–564. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-553-564> EDN: WQNKFA
- Amoore L.* Machine learning political orders // *Review of International Studies*. 2023. Vol. 49(1). P. 20–36. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0260210522000031> EDN: RNHXTT
- Mikhailovsky A.V., Seredkina E.V.* Political Philosophy of Technology and Responsible Innovation in a Multipolar World: The Russian and Chinese Cases of AI Ethics // *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]*. 2025. Vol. 9(4). P. 13–46. DOI: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2025-4-13-46> EDN: ZLSPDM
- Barnes J.E., Frenkel S. Pentagon gives Anthropic an ultimatum to lift AI limits or lose \$200M contract // *The New York Times*. 2026. 23 February. URL:

<https://www.nytimes.com/2026/02/24/us/politics/pentagon-anthropic.html> (дата обращения: 15.03.2026).

Summerfield C., Argyle L.P., Bakker M.A., Collins T., Durmus E., Eloundou T., Gabriel I., Ganguli D., Hackenburg K., Hadfield G., Hewitt L., Huang S., Landemore H., Marchal N., Ovadya A., Procaccia A.D., Risse M., Schneier B., Seger E., ... Summerfield C. The impact of advanced AI systems on democracy // *Nature Human Behaviour*. 2025. Vol. 9. P. 2420–2430. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41562-025-02309-z> EDN: TFAHLL

Turkle S. *Alone Together. Why We Expect More from Technology and Less from Each Other*. NY: Basic Books, 2017. 384 p.

References

Alekseeva, T.A. (2003). [What is political philosophy. Article one]. *Politiya* [Politeia]. No. 3, pp. 119–157.

Amoore, L. (2023). Machine learning political orders. *Review of International Studies*. Vol. 49(1), pp. 20–36. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0260210522000031>

[Artificial intelligence in public administration] (2024). *Blog GigaChat (Sber Developers)*. Available at: <https://developers.sber.ru/help/gigachat-api/ai-governance> (accessed 15.03.2026).

Barnes, J.E. and Frenkel, S. (2026). Pentagon gives Anthropic an ultimatum to lift AI limits or lose \$200M contract. *The New York Times*. Feb. 23. Available at: <https://www.nytimes.com/2026/02/24/us/politics/pentagon-anthropic.html> (accessed 15.03.2026).

Coeckelbergh, M. (2024). [Artificial intelligence, the common good, and the democratic deficit in AI governance]. *Technologos*. No. 4, pp. 19–30. DOI: <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2024.4.02>

Drobnitskiy, O.G. (1974). *Ponyatie morali: istoriko-kriticheskiy ocherk* [The concept of morality: a historical-critical essay]. Moscow: Nauka Publ., 388 p.

Duverger, M. (1997). [Political institutions and constitutional law]. *Antologiya mirovoy politicheskoy mysli, pod red. Alekseyevoy T.A.* [Alekseeva T.A. (ed.) *Anthology of world political thought*]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, pp. 644–661.

Grunwald, A. (2008). [Towards a theory of social assessment of technology]. *Epistemologiya i filosofi-*

ya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 17, no. 3, pp. 35–56.

Gutorov, V.A. (2002). [Political philosophy in Russia: present and future (notes of a participant of the “round table”)]. *Voprosy filosofii*, (4), pp. 17–20.

Habermas, J. (2006). *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg: Nauka Publ., 377 p.

Kelly, K. (2017). *Neizbezhno. 12 tekhnologicheskikh trendov, kotorye opredelyayut nashe budushee* [The inevitable: understanding the 12 technological forces that will shape our future]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ., 352 p.

Khudyakova, N.L. and Vnutskikh, A.Yu. (2025). [The issue of the purpose and subject of social philosophy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 553–564. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-553-564>

Leushina, V.V. and Karpov, V.E. (2022). [Ethics of artificial intelligence in standards and recommendations]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. No. 3(104), pp. 125–140. DOI: <https://doi.org/10.30884/jfio/2022.03.07>

Mikhailovsky, A.V. and Seredkina, E.V. (2025). Political philosophy of technology and responsible innovation in a multipolar world: the Russian and Chinese cases of AI ethics. *Philosophy Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 9(4), pp. 13–46. DOI: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2025-4-13-46>

Momjyan, K.Kh. (2013). *Sotsial'naya filosofiya. Deyatel'nostnyy podkhod k analizu cheloveka, obshchestva, istorii: v 2-kh ch.* [Social philosophy. Activity approach to the analysis of man, society, history: in 2 parts]. Moscow: MSU Publ., part 1, 400 p.

Seredkina, E.V. (2016). [Responsible research and innovation, social assessment of technology and sustainable development]. *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences]. No. 2, pp. 122–131.

Summerfield, C., Argyle, L.P., Bakker, M. et al. (2025). The impact of advanced AI systems on democracy. *Nature Human Behaviour*. Vol. 9, pp. 2420–2430. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41562-025-02309-z>

Turkle, S. (2017). *Alone together: why we expect more from technology and less from each other*. New York: Basic Books Publ., 384 p.

Vasiliev, D.P. (2023). [Formation of international artificial intelligence governance regimes: key trends and main actors]. *Obschestvo: politika, ekonomika,*

pravo [Society: Politics, Economics, Law]. No. 8, pp. 74–88. DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2023.8.9>

Weber, M. (2025). *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The protestant ethic and the spirit of capitalism]. Moscow: AST Publ., 352 p.

Об авторах

Санникова Елена Андреевна

аспирант кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: sannikova.e.an@gmail.com
ResearcherID: OVZ-2837-2025

Внутских Александр Юрьевич

доктор философских наук, доцент

профессор кафедры философии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;

заведующий кафедрой философии и права,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;

e-mail: avnut@inbox.ru
ResearcherID: R-3075-2017

About the authors

Elena A. Sannikova

Postgraduate Student of the
Department of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: sannikova.e.an@gmail.com
ResearcherID: OVZ-2837-2025

Alexander Yu. Vnutskikh

Doctor of Philosophy, Docent

Professor of the Department of Philosophy,
Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;

Head of the Department of Philosophy and Law,
Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;

e-mail: avnut@inbox.ru
ResearcherID: R-3075-2017

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-235-243><https://elibrary.ru/jawmxc>

Поступила: 11.03.2026

Принята: 14.04.2026

Опубликована: 03.07.2026

УЧЕНИЕ Ф. БРЕНТАНО О ПЕРВИЧНОМ АКТЕ СОЗНАНИЯ

*Торощин Егор Александрович**Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)*

В статье рассматриваются критика Brentano формально-логической парадигмы Аристотеля и его концепция интенциональности как сущностной характеристики психических феноменов. Особое внимание уделяется Brentano различению акта представления и объекта представления, которое закладывает основы для последующего анализа сознания. В ходе исследования обосновывается ряд взаимосвязанных тезисов. Во-первых, в отличие от Аристотеля, Brentano фиксирует дологический слой сознания — психический акт представления, который предшествует любому суждению и ответственен за само становление предметности. Этот акт не существует в формально-логическом смысле, поскольку к моменту начала суждения он уже совершился, и мы имеем дело лишь с его результатом; тем самым интенциональность оказывается некоторой неактуализируемой предпосылкой по отношению к формальной логике. Во-вторых, продуктом интенционального акта выступает единое представление об объекте — объектное единство, конституируемое в психической деятельности. Данное единство, будучи неотделимым коррелятом акта сознания и направленности на предмет, правомерно обозначается Ф. Brentano как имманентный объект. В-третьих, этот имманентный предмет, обладая смысловым единством и выступая субъективным коррелятом реального объекта, может быть определен как значение предмета. Выступая субъектом предикации в суждении, он сам формируется в процессе становления смысла, который осуществляется до самой логической предикации. Совокупность этих положений позволяет сделать вывод, что введение Brentano понятия интенциональности и анализ структуры представления закладывают концептуальные основы для будущей феноменологии, а именно перехода Э. Гуссерля от дескриптивной психологии к трансцендентальной феноменологии, изучающей чистые структуры сознания.

Ключевые слова: Brentano, Аристотель, Гуссерль, интенциональность, представление, психический акт, смысл, значение, феноменология.

Для цитирования:

Торощин Е.А. Учение Ф. Brentano о первичном акте сознания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 2. С. 235–243. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-235-243>. EDN: JAWMXC

F. BRENTANO'S THEORY OF THE PRIMARY ACT OF CONSCIOUSNESS

Yegor A. Toroshchin

Perm State University (Perm)

The article analyzes the key stages in the formation of the phenomenological theory of meaning, which has its roots in the philosophy of Franz Brentano. It examines Brentano's critique of Aristotle's formal-logical paradigm and his concept of intentionality as an essential characteristic of psychical phenomena. Special attention is paid to Brentano's distinction between the act of presentation and the object of presentation, which lays the groundwork for the subsequent analysis of consciousness. The study substantiates a series of interconnected theses. Firstly, unlike Aristotle, Brentano identifies the pre-logical layer of consciousness — the psychical act of presentation that precedes any judgment and is responsible for the very constitution of objectivity. This act does not exist in the formal-logical sense since, by the time a judgment occurs, it has already taken place, leaving us only with its result; thus, intentionality resides in a kind of transcendental field in relation to formal logic. Secondly, the product of the intentional act is a unified presentation of the object — an objective unity constituted in psychical activity. This unity, being an inseparable correlate of the act of consciousness and its directedness toward an object, can justifiably be termed the immanent object. Thirdly, this immanent object, possessing a unity of meaning and serving as the subjective correlate of the real object, can be defined as the meaning of the object. While serving as the subject of predication in a judgment, it is itself formed in the process of meaning-constitution, which occurs prior to any logical predication. Taken together, these propositions lead to the conclusion that Brentano's introduction of intentionality and his analysis of the structure of presentation lay the conceptual foundations for Edmund Husserl's subsequent transition from descriptive psychology to transcendental phenomenology, which investigates the pure structures of consciousness and meaning-constitution.

Keywords: Brentano, Husserl, Aristotle, intentionality, presentation, psychical act, meaning, sense, phenomenology.

To cite:

Toroshchin Ye.A. [F. Brentano's theory of the primary act of consciousness]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 2, pp. 235–243 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-235-243>, EDN: JAWMXC

Введение

Феноменология является одним из центральных философских направлений XX века. Она предложила принципиально новый подход к решению проблемы смысла, сместив акцент с вопроса о том, *что* такое вещь, на вопрос о том, *как* она являются сознанию [Гуссерль Э., 2010, с. 47]. Однако ключевые понятия и интуиции феноменологии как отдельной философской дисциплины были подготовлены еще работами Франца Brentano (1838–1917).

Цель данной статьи — проследить генезис ключевых понятий феноменологии: интенциональности, представления, предмета и акта со-

знания. По нашему мнению, переход от Brentano к Гуссерлю — это не просто смена философских доктрин, а фундаментальный методологический сдвиг от психологического описания интенциональных актов к анализу их идеального, общезначимого содержания.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) реконструировать критику Brentano аристотелевской логики; 2) выявить роль «представления» в его дескриптивной психологии; 3) проанализировать брентановскую концепцию интенциональности и связанную с ней проблему саморефлексии сознания; 4) рассмотреть актуализируемые Brentano философские идеи, которые становятся предпосылками формирования последующей феноменологической традиции.

Критика аристотелевской логики

В основе исследований Франца Brentano лежит тот факт, что логика как наука о формальном мышлении упускает некоторую важную особенность. Он замечает следующее: логика Аристотеля построена на игнорировании определенной операции, в рамках которой происходит формирование логического суждения. Речь идет о том, что человек, который мыслит логически, т.е. оперирует законами логики Аристотеля — законом тождества, законом исключенного третьего, законом противоречия, — оперирует суждениями. Но, по Brentano, в формировании логических суждений и силлогизмов закралась определенная методологическая ошибка. Мы слишком быстро проскальзываем определенную структуру мышления, переходя на уровень логики и считая, что предикативное мышление является врожденным для человека. На самом деле до того, как мы сможем перейти к логическому суждению, например, «вещь есть вещь», «А» есть «А» — первый закон логики (закон тождества), — проходит еще некоторая операция, которую мы, исходя из наших культурных установок, упускаем из виду. Речь идет о процедуре данности самого предмета мышления, предмета, к которому и применяются фигуры суждения. Именно исходя из этого Brentano ставит под вопрос всю логику, доминировавшую в истории европейской мысли.

Дело в том, что при мышлении какого-либо реального предмета вопрос «что такое сущее?» превращается в вопрос «что такое сущность?» [Аристотель, 1976, с. 188]. Для Аристотеля само собой разумеется, что мышление есть всегда мышление о какой-либо сущей вещи, которая нам уже дана, «предлежит» нашему сознанию, и поэтому «подлежит» нашему мышлению. Но именно поэтому Стагерит не задает вопрос о самой *данности* вещи, поскольку нельзя мыслить о том, чего еще нет для нашего мышления. Другими словами, в аристотелевской метафизике нет различия между вещью в самом объективном бытии и вещи, существующей в нашем мышлении. Этот факт *данности* вещи для Аристотеля (как и для формальной логики в целом) является само собой разумеющимся фактом, из-за чего процесс «перехода» от сущего к сущности им никак не рассматривается. Логическое осмысление же вещи — это уже процесс ее пре-

дикативного определения. Предметное же истолкование бытия преодолевается только в том случае, если предмет как «вот это сущее» берется в створе онтологического вопроса «что *есть* это?» [Комаров С.В., 2020, с. 70–71].

В этой особенности и заключается существенное расхождение психологии Brentano с логикой Аристотеля. Аристотель строит свою формальную логику на базе теории силлогизмов (силлогистики). Любой силлогизм есть дедуктивное умозаключение, состоящее из двух ранее установленных суждений (посылок), которые связывают субъект (подлежащее) и предикат (сказуемое) в общий (средний) термин. Как мы видим, силлогизм подразумевает наличие того, что уже имеется, а именно вытекает из предмета суждения. Об этом говорит и сам Аристотель, определяя силлогизм как «речь, в которой, если нечто предположено, то с необходимостью вытекает нечто отличное от положенного в силу того, что положенное есть» [Аристотель, 1976, с. 120].

В отличие от Аристотеля, Brentano разграничивает суждение как содержание познающего мышления и первичный опыт сознания. Первичный опыт сознания предшествует суждению как содержательной определенности мышления. Такой первичный опыт данности реального объекта в сознании и есть представление. Акт суждения как бы надстраивается над тем, что представлено, — предметом, но не над актом представления. Акт представления неразрывно связан с самим объектом представления, т.к. представление невозможно без объекта, а объект в рамках психического акта невозможен без представления. При этом Brentano замечает, что и сам Аристотель высказывался о подобной мысли: «...Знание, чувственное восприятие, мнение и размышление всегда направлены на другое, а на себя лишь мимоходом» [Brentano Ф., 1996, с. 70]. Однако, несмотря на это, греческий мыслитель в основном игнорирует сущностную связь объекта и субъекта, которая как раз выражается в таком акте.

Что же происходит в результате такого игнорирования первичной данности объекта мышления? На первое место в процессе познания выступает в таком случае нечто иное, как суждение и его включенность в главную логическую операцию — силлогизм, который содержит в себе разного рода суждения. Логика, состоящая из

силлогизмов и составляющих их суждений, способна только на одну операцию — присвоение или не присвоение квантора существования. Впоследствии благодаря суждениям мы можем дополнять или расширять имеющееся у нас знание, в чем и заключается процесс познания вообще. Однако сам акт первичной данности объекта мышления, относительно которого ставится вопрос о присущности ему (существованию) тех или иных предикатов, остается за скобками логики. Логическая теория не задается вопросом, каким образом происходит процесс получения знания, подразумевая, что имеется традиционная корреляция субъекта и объекта.

Интенциональный акт как характеристика психических феноменов

Исследуя аристотелевское понимание сущего и общую структуру логических операций в его силлогистике [Брентано Ф., 2012], Брентано приходит к актуальности давно известному западной философии схоластическому термину «интенциональность», который использовался еще Фомой Аквинским и другими схоластами [Вдовина Г.В., 2019]. Смысл интенциональности заключается в том, что наше сознание всегда направленно. Когда человек мыслит о чем-то — об абстрактной идее или конкретном предмете, о совокупности таких предметов или о классе абстрактных понятий, — его внимание направлено на эти предметы [Перлер Д., 2016]. Осознанно человек направляет свое внимание или нет, оно всегда направлено на предмет. Мышление само по себе не является безразличным к тому, чем оно мыслит. Оно выстраивается в некую векторную линию, которая и называется интенциональностью. Значение слова «интенция» (лат. *intentio*) и означает «намерение», «концентрацию внимания», направленность [Вдовина Г.В., 2024, с. 29].

Брентано приходит к понятию интенциональности сознания именно в связи с анализом первичного опыта данности объектов мышления. Отслеживая процессы этого опыта, он делает вывод, что мышление всегда устроено таким образом, что оно всегда на что-то направлено, и то, на что оно направлено, является чисто психическим явлением [Брентано Ф., 1996, с. 33–36].

Здесь важно напомнить, что австрийского философа интересуют в первую очередь психи-

ческие феномены, в связи с чем психология понимается им не как наука о душе, как это понималось в философии и науке в его время, а как наука о *сознании*, т.е. именно о том, как даются предметы нам в опыте. Мышление человека, когда он мыслит (строит суждения), направлено не на то, что он видит, воспринимает или чувствует, а на то, о чем он мыслит. Воспринимая с помощью органов чувств тот или иной предмет, нам кажется, что мы осознаем этот предмет; на самом же деле, считает Брентано, мы мыслим об определенном ментальном объекте, который непосредственно находится в рамках нашего сознания.

Он отмечает, что дефиницию психического феномена традиционно всегда определяли через негативное определение физического феномена, а именно как то, что не является протяженным и не располагается в пространстве. Однако, обратив внимание на интенциональное существование как свойство исключительно психических феноменов, Брентано определяет психическое по-другому, а именно как интенциональный феномен, т.е. как феномен, который характеризуется направленностью, интенционально содержит в себе какой-либо предмет.

Таким образом, по Брентано, нельзя утверждать, что мы мыслим о каком-либо внешнем предмете; скорее, мы мыслим о нашем представлении этого предмета. Здесь важно отметить, что Брентано понимает представление не в психологическом смысле, а скорее, как первичное *предо-ставление* (*Vorstellung*) предмета нашему опыту. В последствии же Э. Гуссерль отдает первичное предпочтение другому понятию — *восприятию* (*Wahrnehmung*), напрямую связывая его с «переживанием сознания» [Гуссерль Э., 2009, с. 108]. Но для Брентано именно в акте давания предмета сознанию и заключается сущность представления. С этим он связывает особенность интенциональности как процесса направленности актов сознания. У человека существует набор образов, которые являются представлениями; они частично существуют в памяти, а частично формируются из перцепций (ощущений) внешнего мира. Совокупность таких существующих и всегда формирующихся в рамках нашей психики представлений создает то, о чем мы думаем. Если же у нас нет явного представления о чем-то, то

такой предмет мы будем представлять по аналогии с таким, с представлением которого мы уже встречались в опыте. Если мы встречаем в своем опыте незнакомый объект, то нам свойственно объединять этот объект (а точнее, представление этого объекта) с общей структурой наших представлений. Вот здесь мы и можем говорить о законе тождества Аристотеля, когда представление объекта отождествляется с набором предикатов и определяется в родовидовой иерархии всего сущего. Таким образом, представления возникают как при «встрече» с «незнакомым» объектом, так и с таким объектом, который уже ранее встречался нам в опыте. Исключения составляют здесь только те объекты или явления, которые до этого не встречались нам в опыте, но которые мы по каким-либо причинам не имеем возможности никак соотносить с уже имеющимися у нас представлениями. Именно в этом случае мы определяем такой объект или явление как «нечто непонятное» или «бессмысленное».

В связи с таким пониманием представления Brentano выделяет у интенциональности сознания еще одну особенность. Интенциональный акт может быть направлен только на один объект. Соответственно, если мы можем определить у такого предмета (или явления) два или более свойства, то мы в конкретный момент времени либо воспринимаем этот предмет как целостное представление, либо направляем интенцию только на одно его свойство или их совокупность. Так, Brentano различает акт представления и то, что представлено. Например, если звук — это физический феномен, то слышание как представление звука есть уже психический феномен. При этом помимо представления звука (слышания) у нас имеется еще и представление о слышании, «которое отличается от самого слышания так же, как слышание от звука» [Brentano Ф., 1996, с. 64]. Далее Brentano отмечает, что «поскольку оба они являются психическими феноменами, то определенным образом должно существовать как представление звука, так и представление слышания, о котором также должно быть представление. Следовательно, слышащий имеет три представления: представление звука, представление слышания и представление о представлении слышания. Но и это, третье, представление не может быть последним. Ведь и оно созна-

тельно, значит, оно представляется, а представление, относящееся к нему, снова представляется» [Brentano Ф., 1996, с. 64].

Таким образом, философ приходит к выводу о том, что любой психический феномен может потенциально иметь бесчисленное множество представлений. Однако такое множество в конечном итоге оказывается в действительности мнимым, ведь представление, относящееся к психическому акту, принадлежит «предмету», на который оно направлено. При этом если мы попробуем направить свое внимание (интенцию) на представление, полученное от представления этого «предмета», то получится, что такое представление в итоге будет направлено на само себя. Из этого Brentano делает вывод: «Одно наблюдение должно иметь возможность быть направленным на другое наблюдение, но не на себя» [Brentano Ф., 1996, с. 67]. Мы можем говорить о одновременном существовании в психическом акте только двух «первых» представлений, например, представлении звука и представлении акта слышания этого звука. Представление слышания невозможно без наличия представления звука: «Звук, который мы слышим, мы можем наблюдать, слышание же звука мы наблюдать не можем, поскольку само слышание схватывается только в слышании звука, заодно с ним» [Brentano Ф., 1996, с. 67]. Таким образом, Brentano делает вывод, что мы имеем дело со слиянием (конституированием) объекта и сопутствующего ему представления: «Звучание и слышание — как и вообще всякое действие с соответствующим ему претерпеванием — является существенно одним, они коррелятивны по своим понятиям, а потому никогда не представимы иначе, как вместе и в одном и том же акте» [Brentano Ф., 1996, с. 69–70]¹.

Представление как первичный опыт сознания

Brentano не рассматривает отношение внутреннего и внешнего, идеального и материального, физического и психического. Вместо этого он помещает гносеологическую проблему в рамки нашей психической деятельности. И в

¹ Впоследствии у Гуссерля эта корреляция между представлением и предметом будет представлена как корреляция *ноэмы* и *ноэзы* [Гуссерль Э., 2009].

этом состоит его открытие — а именно открытие самого *сознания* как объекта рефлексивного изучения.

Сознание — это и есть психическая деятельность, связанная с представлениями, возникающими с помощью ощущений (или фантазий). Но такая деятельность не есть определенное представленное — сам предмет представления, но представляет собой сами акты его представлений или акты направленности (интенциональности) сознания на этот предмет.

В этом значении понятие представления философия Brentano кардинально отличается не только от философии Аристотеля, но и от всей предшествующей ему философии вообще, ведь традиционно в философии до Brentano под представлением подразумевалось нечто, что уже имеет место в нашем сознании. Brentano же впервые заметил, что перед тем, как это нечто будет представляться и мыслиться в сознании, оно должно появиться там. Именно представление как акт (процесс, становление) позволяет нам говорить о том, что в результате этого акта представления и появляется то, теперь может существовать — представляться в образе и мыслиться с помощью понятий. Это некий объект нашей психической деятельности, или феномен. Сознание как психическая деятельность невозможна без опоры на такие психические феномены. Представление есть основа для всех других актов сознания — суждений, предположений, умозаключений или просто «душевных» переживаний. Таким образом, если суждение имеет дело уже с определенным содержанием сознания, благодаря чему и возможно дальнейшее познание, то представление выступает как первичный опыт сознания.

Brentano не отрицал существование физических феноменов, но основным объектом изучения в его философии являются именно психические феномены [Brentano Ф., 2018, с. 161]. Выделение представления как первичного акта, лежащего в основе всех без исключения других актов познания, говорит о том, что сфера сознания мыслится Brentano как сфера опыта, а отнюдь не как сфера трансцендентальных структур, как это понималось в ему предшествующей немецкой, философии. Это открывает возможность исследования феноменов сознания самих по себе, т.е. без их обязательного отношения к выполняемым ими гносеологиче-

ским функциям [Молчанов В.И., 2002, с. 46–67].

Здесь мы можем видеть еще одну особенность философии Brentano и феноменологии в целом. Известно, что формальная логика способна определить какой-либо объект в рамках родовидовой иерархии. Но в результате этого она как бы теряет единое представление об объекте. Однако мышление само по себе не является безразличным по отношению к тому, что оно мыслит. Например, возьмем два суждения: «Некоторые розы красные» и «все розы — цветы». Из этих двух суждений мы можем вывести третье суждение — умозаключение (силлогизм) — «некоторые цветы красные». Так, основное свойство суждений — это утверждение чего-либо или же его опровержение, ведь логическая теория — это теория о форме мысли. Однако в процессе любого логического рассуждения мы пропускаем наличие определенного отношения, которое соотносит субъект с объектом. А это отношение возможно благодаря интенциональному акту [Brentano Ф., 1995, р. 23–24]. Таким образом, интенциональный акт (или акт представления) есть необходимое условие конституирования объекта, который осознается (представляется) нами как внутриспсихическое восприятие. В таком конституировании, с одной стороны, представлено то, что представляется как единый объект психического феномена (например, представление звука), и с другой, то, с помощью чего мы определяем это представление (например, представление представления звука). Согласно Brentano, такое переплетение представлений одного и того же психического акта возникает из-за направленности на различные объекты, а именно на психические и физические феномены, в результате чего и образуется один-единственный психический феномен [Brentano Ф., 1996, с. 66]. Соответственно, различие того, что представлено, и самого акта представления в конечном итоге все равно сливаются в едином психическом феномене; однако посредством этого различия мы и устанавливаем основание для существования этого феномена. Так, понимание феномена Францом Brentano коррелирует с феноменом в философии И. Канта. Однако, если чувственный мир у Канта дан в явлении как критерий существования феномена [Кант И., 1964, с. 127–128], то ноумен выступает нере-

альным предикатом бытия [Кант И., 1964, с. 308]. Brentano же рассматривает представление вещи как условие ее существования в нашем опыте. Формальная логика проскальзывает мимо этого основания существования феномена, из-за чего мы имеем дело с уже «готовыми» суждениями. Но в таком случае откуда в формальной логике возникает основание существования, если акт представления в ней никак не рассматривается? Brentano предполагает, что «...Любое познание является суждением, а любое суждение — как обычно утверждают — состоит в том, что предикат либо придается субъекту, либо отрицается. В случае познания посредством внутреннего восприятия суждение, без сомнения, аффирмативно, а придаваемый предикат должен, вероятно, быть “существованием”, поскольку воспринимается существование психического акта» [Brentano Ф., 1996, с. 80]. Исходя из этого, Brentano делает вывод, что «ни один из тех, кто обратит внимание на то, что в нем происходит, когда он слышит или видит и воспринимает свое слышание или видение, не сможет ошибиться в том, что это суждение внутреннего восприятия состоит не в соединении психического акта как субъекта с существованием как предикатом, но в простом признании представляемого во внутреннем сознании психического феномена» [Brentano Ф., 1996, с. 81].

Таким образом, Brentano впервые разграничил психический и физический феномены, утверждая при этом, что первый и есть наше сознание, которое характеризуется интенциональной присущностью ему предмета. Иными словами, психические феномены — это и есть сознание об объекте. Однако тем самым Brentano лишь косвенно актуализирует, но не отвечает на проблему: каким образом это сознание относится к своему объекту?¹ Более того, признавая многообразие психических феноменов, Brentano определяет единство сознания лишь как совокупную принадлежность этих феноме-

нов к реальной вещи, поскольку все они суть представления или основаны на них. При этом, зафиксировав это разнообразие, он не выделяет какой-либо сущностной, инвариантной структуры самих этих феноменов. Описание интенциональности как «имманентной присущности» предмета сознанию содержит в себе внутреннее противоречие: она мыслится одновременно и как акт направленности на объект, и как состояние, когда объект уже имманентно содержится в акте. Это противоречие делает невозможным построение строгой структуры сознания в рамках его системы, оставляя открытым вопрос: как именно, через какие необходимые этапы сознание конституирует свой предмет?

Заключение

Несмотря на отсутствие ответа на вопрос, описанный выше, можно выделить позитивные для данного исследования моменты учения о психических феноменах австрийского философа.

1) Brentano, в отличие от Аристотеля, фиксирует то, что предшествует суждению, а именно психический акт представления. Такой акт не существует в строгом формально-логическом смысле слова, поскольку он ответствен за предварительное условие для мышления, т.е. логических суждений, — а именно за представление (данность) предмета мышления. В момент суждения «акт есть», он уже произошел, и мы имеем дело только с готовым представлением такого акта; поэтому сама интенциональность находится как бы в трансцендентальном поле по отношению к формальной логике.

2) Продуктом такого акта представления (интенционального акта) служит единое представление об объекте. Другими словами, мы получаем объектное единство — нечто *представленное* в нашей психической деятельности. Такое единство служит коррелятом акта сознания, поэтому уместно обозначить его как имманентный объект, поскольку он составляет неотделимый коррелят акта сознания и объекта, на который направлен данный акт [Мионов Д.Г., 2013, с. 38–53]. При этом имманентный объект не есть то же самое, что и объективный предмет, хотя и подразумевает его в том плане, что без реального объекта невозможно реализовать акт сознания.

¹ Здесь стоит отметить, что у Brentano, как впоследствии и у Гуссерля, снимается оппозиция пары понятий «субъект – объект», поскольку в рамках феноменологической установки второе понятие попадает в полную зависимость от первого [Слинин Я.А., 2001, с. 73–74]. Другими словами, благодаря Brentano впервые встает вопрос не о соотносительности объекта со своим бытием, а о том, каким именно образом он осмысливается.

3) Поскольку имманентный предмет обладает смысловым единством — служит субъективным отражением реального объекта, — то именно его и можно определить как значение предмета. Более того, такой имманентный объект служит субъектом предикации в суждении. Однако смысл как процесс становления предмета в психической деятельности осуществляется до всякой логической предикации. Сам интенциональный акт можно понять как акт «осмысления», «наделения смыслом».

Таким образом, Brentano, вводя свое понимание психического феномена как направленности и связанного с ним сознания, актуализирует вопрос уже не о сущности нашего опыта, но о его структуре и становлении. Это в дальнейшем более подробно исследуется его учеником и последователем Э. Гуссерлем — основоположником подхода, который позволяет описывать сознание, не прибегая к рассуждению, соответствует ли оно чем-то или нет, т.е. феноменологии как чистой науки о сознании.

Список литературы

Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с. EDN: QXDVUB

Бrentано Ф. О многозначности сущего по Аристотелю. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2012. 247 с.

Бrentано Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996. 176 с. EDN: SNDOIN

Бrentано Ф. О будущем философии. Избранные труды. М.: Академический проект, 2018. 629 с.

Вдовина Г.В. Интенциональный термин или интенциональный объект? К позднесcholasticким параллелям нововременной интенциональной философии // Начала интенциональной философии: от поздних схоластов до Майнонга / науч. ред. Г.В. Вдовина. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 29–48.

Вдовина Г.В. Интенциональность и жизнь. Философская психология постсредневековой схоластики. М; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2019. 592 с. EDN: JKXHEU

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.

Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический Проект, 2010. 229 с. EDN: QWYHCSN

Кант И. Критика чистого разума // Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.

Комаров С.В. Онтологическое различие: Аристотель, Хайдеггер, Делез // Новые идеи в философии. 2020. № 7(28). С. 69–79. EDN: FBENUS

Миронов Д.Г. Проблема интенциональности в философии Ф. Brentano // Философские науки. 2013. № 5. С. 38–53. EDN: QIQJRD

Молчанов В.И. Две лекции о Brentano // Логос. 2002. № 1. С. 46–67. EDN: TATPKV

Перлер Д. Теории интенциональности в Средние века. М.: Дело, 2016. 472 с. EDN: VVKKGV

Слинин Я.А. Трансцендентальный субъект: феноменологическое исследование. СПб.: Наука, 2001. 526 с. EDN: TVFDIX

Brentano F. Descriptive Psychology. London; New York: Routledge, 1995. 204 p.

References

Aristotle (1976). *Sochineniya: v 4 t. T. 1* [Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl., vol. 1, 550 p.

Brentano, F. (1995). *Descriptive psychology*. London, New York: Routledge Publ., 204 p.

Brentano, F. (1996). *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Dom intellektual'noy knigi Publ., Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ., 176 p.

Brentano, F. (2018). *O buduschem filosofii. Izbrannye trudy* [On the future of philosophy. Selected works]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 629 p.

Brentano, F. (2012). *O mnogoznachnosti sushego po Aristotelyu* [On the several senses of being in Aristotle]. St. Petersburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola Publ., 247 p.

Husserl, E. (2009). *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya* [Ideas pertaining to a pure phenomenology and to a phenomenological philosophy. First book]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 489 p.

Husserl, E. (2010). *Kartezianskie meditatsii* [Cartesian meditations]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 229 p.

Kant, I. (1964). [Critique of pure reason]. *Sochineniya: v 6-ti t.* [Works: in 6 vols]. Moscow: Mysl Publ., vol. 3, 799 p.

Komarov, S.V. (2020). [The ontological difference: Aristotle, Heidegger, Deleuze]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. No. 7(28), pp. 69-79.

Mironov, D.G. (2013). [The problem of intentionality in F. Brentano's Philosophy]. *Filosofskie nauki* [Russian Studies in Philosophy]. No. 5, pp. 38-53.

Molchanov, V.I. (2002). [Two lectures on Brentano]. *Logos*. No. 1, pp. 46-67.

Perler, D. (2016). *Teorii intentsional'nosti v Srednie veka* [Theories of intentionality in the Middle Ages]. Moscow: Delo Publ., 472 p.

Slinin, Ya.A. (2001). *Transtsendental'nyy sub'ekt: fenomenologicheskoe issledovanie* [The transcendental subject: a phenomenological study]. St. Petersburg: Nauka Publ., 526 p.

Vdovina, G.V. (2019). *Intentsional'nost' i zhizn'. Filosofskaya psikhologiya postsrednevekovoy skholarstiki* [Intentionality and life. Philosophical psychology of Post-Medieval scholasticism]. Moscow, St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 592 p.

Vdovina, G.V. (2024). [Intentional term or intentional object? On late scholastic parallels to modern intentional philosophy]. *Nachala intentsional'noy filosofii: ot pozdnykh skolastov do Maynonga, pod red. G.V. Vdovinoy* [G.V. Vdovina (ed.) The origins of intentional philosophy: from late scholastics to Meinong]. Moscow, St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., pp. 29-52.

Об авторе

Торощин Егор Александрович
ассистент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: egtoroshchin@gmail.com
ResearcherID: JPL-0328-2023

About the author

Yegor A. Toroshchin
Assistant Lecturer of the Department
of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: egtoroshchin@gmail.com
ResearcherID: JPL-0328-2023

УДК 130.2

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-244-258><https://elibrary.ru/jkszjv>

Поступила: 30.05.2025

Принята: 25.01.2026

Опубликована: 03.07.2026

РЕЛИГИОЗНЫЙ СМЫСЛ СЕМЬИ В АНТРОПОЛОГИИ В.В. РОЗАНОВА

Сухорукова Екатерина Игоревна

Московский городской педагогический университет (Москва)

Статья посвящена рассмотрению философии семьи В.В. Розанова, в рамках которой он пытается обосновать не только нравственное и социальное, но и религиозное значение супружества и материнства. В условиях кризиса института семьи, который переживает современное общество, размышления Розанова поднимают актуальные вопросы, но не со всеми его выводами можно согласиться. Философия семьи Розанова рассматривается во взаимосвязи с его антропологией и философией религии, особенно его осмыслении религий Древнего Востока, к которым Розанов причисляет иудаизм. От славянофилов и В.С. Соловьева, влиянию которых Розанов был подвержен в начале своего творческого пути, он сохранил интерес как к самому понятию народности, так и к историософии еврейского народа в эсхатологической перспективе. Однако, в отличие от славянофилов, Розанов не концентрируется на определении народности как метафизического духа, дефиниция материи и духа в целом была нехарактерна для него. Напротив, Розанов обвиняет в ней то западноевропейскую цивилизацию, то христианство в целом. Для Розанова природа, являющаяся благом и источником жизни, выступает первоначальным единством материи и духа, равно как и половая любовь. По мнению Розанова, в силу своего народного характера особенно пронизательными в данном отношении оказались семиты. Розанов противопоставляет современный европейский брак истинному, идеал которого он находит на Древнем Востоке: брак юридический противопоставляется браку сакральному. На первый план выступает значимость не границы брака (его нерушимости), но его содержания, которое должно состоять из половой любви и почтительного отношения к ней. Однако слабая разработка Розановым понятия личности, подчинения личности полу приводит к смене индивидуальной половой любви на родовую любовь, а также к путанице в области социальной философии. С возникновением истинного брака Розанов связывает иудейскую субботу, которая, по его мнению, произошла от вавилонского обычая храмовой проституции, означающего иерофанию — соединения человека с божественным началом. Таким образом, половые отношения, осуществляемые внутри семьи, становятся единственной действенной формой богообщения. Дальнейшие размышления Розанова на данную тему приводят его к резкой критике христианства, содержащего, по его мнению, в себе зерно небытия, и к восхвалению язычества как истинной и единой религии всего человечества, а также к критике исторического прогресса, якобы приводящего к разрушению семьи и половой любви. В заключении статьи автор еще раз замечает, что данное рассмотрение обращено в сторону одной из вариаций философии Розанова, мысль которого никогда не застыла в неподвижной схеме, и который в жизни сохранил верность православной церкви. За пределами рассмотрения автора статьи также остаются такие проблемные места, как, например, отрицание Розановым догмата о первородном грехе, лежащего в основе христианской антропологии и, соответственно, этики и аскетики.

Ключевые слова: народность, философия семьи, метафизика пола, историософия, философская антропология, русская религиозная философия, христианство, философия серебряного века, язычество, иудаизм, социальная философия.

Для цитирования:

Сухорукова Е.И. Религиозный смысл семьи в антропологии В.В. Розанова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 2. С. 244–258. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-244-258>. EDN: JKSZJV

THE RELIGIOUS MEANING OF THE FAMILY IN V.V. ROZANOV'S ANTHROPOLOGY

Ekaterina I. Sukhorukova

Moscow City University (Moscow)

The article is devoted to the consideration of V.V. Rozanov's philosophy of family, which attempts to substantiate not only the moral and social but also the religious significance of marriage and motherhood. In the context of the current crisis of the institution of family, Rozanov's reflections raise topical issues, but not all of his conclusions appear to be agreeable. The article looks at Rozanov's philosophy of family in conjunction with his philosophical anthropology and philosophy of religion, especially his understanding of the religions of the Ancient East, among which Rozanov classifies Judaism. From the Slavophiles and V.S. Solovyov, whose ideas had a considerable influence on him at the beginning of his path, Rozanov adopted an interest in both the very concept of nationality and the historiosophy of the Jewish people from an eschatological perspective. Unlike the Slavophiles, Rozanov does not focus on defining nationality as a metaphysical spirit, the definition of matter and spirit is uncharacteristic of him; on the contrary, that was one of the reasons for Rozanov to criticize Western European civilization and Christianity in general. For Rozanov, nature, which is a blessing and a source of life, is the primordial unity of matter and spirit, as well as sexual love. According to Rozanov, due to their national character, the Semites turned out to be particularly astute in this regard. Rozanov contrasts modern European marriage with true marriage, the ideal of which he finds in the Ancient East: formal legal marriage is opposed to sacred union. What comes to the fore is not the importance of the boundaries of marriage (its inviolability), but its content, which should consist of sexual love and respect for it. However, Rozanov's weak elaboration of the concept of personality, including subordination of personality to the sexual principle in Rozanov's metaphysics, eventually leads to a shift from individual sexual love to generic love, as well as to confusion in the field of social philosophy. Rozanov connects the Jewish Sabbath with the emergence of true marriage, which, in his opinion, originated from the Babylonian custom of temple prostitution, meaning hierophany — the union of man with the divine principle. Thus, sexual relations carried out within the family become the only effective form of communion with God. Rozanov's further reflections on this topic lead him to sharp criticism of Christianity, which, in his opinion, contains a grain of non-existence, and to praise for paganism as the true and unified religion of all mankind, as well as to criticism of historical progress, allegedly leading to the destruction of the family and sexual love. The author of the article emphasizes that the presented analysis addresses one of the variations of Rozanov's philosophy, whose thought never froze in a fixed pattern, and who remained faithful to the Orthodox Church throughout his life. Outside the scope of the author's consideration remain issues such as Rozanov's denial of the dogma of original sin, which underlies Christian anthropology and, consequently, ethics and asceticism.

Keywords: nationality, philosophy of the family, metaphysics of gender, historiosophy, philosophical anthropology, Russian religious philosophy, Christianity, Russian Philosophy of the Silver Age, paganism, Judaism, social philosophy.

To cite:

Sukhorukova Ye.I. [The religious meaning of the family in V.V. Rozanov's anthropology]. Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 2, pp. 244–258 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-244-258>, EDN: JKSZJV

Введение

Изначально находясь под влиянием славянофилов и в особенности А.С. Хомякова, В.В. Розанов затем разочаровывается в данном

направлении мысли, вульгаризированном к рубежу XIX–XX вв. [Казакова Н.Ю., 2021, с. 61–78]. Тем не менее, Розанова со славянофилами в определенной степени роднит как сам интерес к понятию народности, так и про-

тиво-поставление романо-германских народов русскому славянскому народу; соотношение, в котором первые обвиняются в излишних индивидуализме и рассудочности, тогда как второму приписываются нравственные достоинства христианской любви и смирения [Астафьев П.Е., 1891]. Однако, как справедливо отмечает Г.П. Отюцкий [Отюцкий Г.П., 2013], был еще один народ, к которому Розанов испытывал почти столь же серьезное чувство, — это евреи. В данном плане уместно сравнить Розанова с В.С. Соловьевым, юдофильство которого есть нечто большее, чем простое сочувствие к чужому страданию. Оба философа видели в еврействе (причем именно ортодоксально-религиозном, а не светском) положительный потенциал для благополучного разрешения судьбы человечества в эсхатологической перспективе. Однако, как отмечает А.П. Козырев, «при сравнении Розанова и Соловьева бросается в глаза их разность» [Козырев А.П., 2004, с. 21], как по стилю изложения мысли, так и по ее содержанию: по отношению к Богу, человеку, миру, истории. Одной из наиболее волнующих В. Соловьева тем была проблема единства человечества под крылом Вселенской Церкви. Розанов, напротив, концентрировался не на человечестве в целом, а на его единице — семье, рассматривая ее как микрокосм общества, видя в ней исток общественных как добродетелей, так и устойчивых болезней. Для Соловьева еврейский народ был одним из участников грандиозного исторического строительства по созданию совершенного общества — или, в более поздней «Краткой повести об антихристе» [Соловьев В.С., 1914d, с. 193–221], вооруженным победителем над силами зла. Розанова интересовала прежде всего еврейская семья, в которой он видел идеал семьи вообще и, органически выводя из нее народность, противопоставляя ее затем государству, усматривал в нем не естественное стремление человечества к единству, но плод гордыни, неизбежно рождающейся на месте разрушенной семьи. В данной статье мы рассмотрим одну из вариаций философии семьи у Розанова в ее связи с философией религии (особенно иудейской), преимущественно в поздний период его творчества, тогда как в течение раннего периода он находился под влиянием своих будущих оппонентов — как славянофилов,

так и В. Соловьева. Поскольку в современном обществе институт семьи переживает кризис, наследие Розанова, в рамках философии которого главными ценностями являются супружество и материнство, заслуживает внимания. Однако, как мы увидим далее, не все умозаключения Розанова могут быть названы безупречными.

Религиозное значение семьи в истории иудаизма: В.С. Соловьев и В.В. Розанов

В тот период, когда по Российской Империи прокатилась волна еврейских погромов [Малахов В.А., 2012], Соловьев не только упрекает христиан в несоблюдении ими евангельской заповеди о любви к врагам, но и формулирует такую историософию, согласно которой полное воплощение христианского идеала на земле невозможно без деятельного включения в него еврейского народа. Концепция теократии, изложенная в работе «Еврейство и христианский вопрос» (1884 г.) [Соловьев В.С., 1914a], состоит в том, что к концу истории, но до апокалипсиса и Страшного Суда, настанет период совершенного общества. Человечество должно будет прийти к такой гармонии, в которой все народы, соединившись под крылом Вселенской Церкви, смогут раскрыть каждый свой талант: религиозный (европейцы-католики), политический (русский), социально-подвижнический или пророческий, учительский (еврей). Еврейскому народу, в противоположность народам севера, предписывается деятельный характер, требующий не столько теоретизирования, сколько строгого исполнения религиозных догм. Таким образом, евреи призваны вдохнуть жизнь в историческое христианство. Взгляд Соловьева на иудейскую религию выражен им год спустя в брошюре «Новозаветный Израиль» [Соловьев В.С., 1914b], посвященной истории кишеневского еврея по имени Иосиф Рабинович, который признал Христа Мессией и основал соответствующую общину. Для Соловьева важным оказывается следующее обстоятельство: это открытие И. Рабинович сделал, обратившись не к христианской литературе, но к иудейской, не через знакомство с христианским миром, но благодаря погружению в собственную религиозную традицию. Таким образом, Соловьев, в противоположность славянофилам И.С. Аксакову [Аксаков И.С., 1911] и

П.Е. Астафьеву [Астафьев П.Е., 1891], не делал существенной разницы между ветхозаветным и новозаветным иудаизмом, считая, что современные иудеи (те из них, кто серьезно относятся к вере) потенциально являются христианами, а не приспешниками антихриста. В том, что евреи до сих пор не спешат массово принимать крещение, Соловьев винит не их самих, но христиан, являющих собой дурной пример исполнения заповедей Спасителя. Однако, по мнению философа, это обращение уже близится, признаком чего является указанный случай с И. Рабиновичем.

Пожалуй, самое раннее произведение Розанова, написанное на тему историософии еврейского народа, — это брошюра «Место христианства в истории» (1890 г.) [Розанов В.В., 2008], созданная, очевидно, под влиянием Соловьева, его чаяний о христианской теократии, должной соединить в себе созерцательные «арийские» и деятельные «семитские» народы. Собственно само христианство уже есть результат встречи двух миров, древнегреческого и ветхозаветного; далее оно нуждается лишь в должном утверждении. Своеобразие мысли Розанова проявлено здесь рано. Особо интересна здесь только терминология. Если Соловьев сопоставляет еврейский народ и народы, принявшие христианство, то Розанов берет более широкие и этнически окрашенные понятия: «Два великих племени почти исключительно занимают поприще всемирной истории — арийское и семитическое» [Розанов В.В., 2008, с. 10]. Розанов по определению — это видно и далее по тексту всего произведения — признает наличие неизменного народного характера, его влияния на культуру, философию, религию. Оно не является абсолютно детерминирующим, поскольку сам Розанов делает оговорку, что сфера метафизики остается за пределами его рассмотрения — данное утверждение можно смело отнести не только к данному произведению, но и ко всей философии Розанова в целом. Соответственно, его интересует и будет интересовать не вопрос об истинности христианской теологии, но христианство как культурный феномен, который, как и все объективное, всегда чем-то обусловлен. Этим условием, которое позволило Бого-человеку родиться в определенном месте и в определенное время, является народная психо-

логия. Было необходимо пересечение семитского и арийского миров — носителей субъективного и объективного начала соответственно. Одни ориентированы исключительно к Творцу, другие — исключительно к творению, к природе. В дальнейшем Розанов, едва не дойдя до отождествления Бога с природой, припишет любовь к природе семитам, тогда как арийцев обвинит в ненависти к жизни [Розанов В.В., 2000, с. 92]. При этом само противопоставление двух данных групп останется в его творчестве неизменным.

Однако девять лет спустя в трактате «Юдаизм» (1899 г.) [Розанов В.В., 2009] Розанов выскажет иные, уже свои оригинальные мысли о судьбе еврейского народа и соотношении иудаизма с христианством. Сказанное в «Юдаизме» будет дополнено и доведено до логического завершения в последних произведениях Розанова — «Возрождающийся Египет» (сборник статей, в который вошли работы, написанные с 1900 г.) [Розанов В.В., 2002b] и «Апокалипсис нашего времени» (1917–1918 гг.) [Розанов В.В., 2000]. Первое обращено к золотому веку человечества, оставшемуся в прошлом; второе, как и следует из названия, пытается заглянуть в будущее. Прежде чем обратиться к данным работам, рассмотрим один из эпизодов в цикле заметок о путешествии по Волге «Русский Нил» (1907 г.) [Розанов В.В., 1994b], который недвусмысленно демонстрирует основной нерв филосоfovания Розанова в целом.

На пароходе, идущем по Волге, Розанову посчастливилось беседовать с сыном того самого Иосифа Рабиновича из заметки Соловьева о Новозаветном Израиле. Встреча Розанова произошла спустя двадцать лет после того, как Соловьев торжественно предрек постепенное вхождение в тело Вселенской Церкви всего еврейского народа. Двадцать лет спустя выясняется, что И. Рабинович принял христианство «в его общей форме, не церковной» [Розанов В.В., 1994b, с. 386]; его сын представился Розанову в качестве лютеранина. Однако Розанова интересует истораживает нечто другое, нежели вопросы вероучения и участия в таинствах Церкви: он задает вопросы о семейной жизни потомков И. Рабиновича и сокрушается, узнав, что среди них есть как закоренелый холостяк, и так и старая дева. Подобное

явление, привычное для христианского мира, идет вразрез с традициями еврейского народа. Розанов, выражая теплое отношение и к еврейскому, и к русскому народам, видит положительные перспективы в их диалоге. По мнению Розанова, главный недостаток церковной жизни — невнимание к ценностям семейной жизни, в отдельных случаях доходящее до прямо отрицательного взгляда на деторождение; в то время как «религия Ветхого Завета» видит в браке и детях высшую ценность. Русские могли бы научиться у евреев их семейственности, но на деле выходит наоборот — евреи заражаются от русских противоестественной заповедью «не плодитесь» [Розанов В.В., 1994b, с. 391]. Розанов противопоставляет иудаизм и христианство исключительно в антропологическом, а не теологическом ключе. Претензия ко второму и симпатия к первому обусловлены не степенью истинности учения о сущности Бога, но взглядом на природу человека — на особенностях этого взгляда мы остановим свое внимание чуть ниже. В рамках данной работы мысли Розанова описываются вполне умеренно, радуя за равноправный культурный диалог, однако в иное время Розанов доходил до отвержения самого христианства, признания несостоятельности христианских культур и цивилизации у самого их основания.

Основные положения и этапы философии семьи В.В. Розанова

На рубеже XIX–XX вв. к антропологической проблематике, вопросам семьи и брака обратилась не только русская литература и публицистика, но и русская религиозная философия [Пешков А.А., 2019, с. 257; Согрина О.Ю., 2021, с. 78]. Вызвано это было как общественно-политическими сдвигами, так и влиянием западноевропейской философии, которая в лице Шопенгауэра, Ницше и других представителей иррационализма обратилась от метафизики и гносеологии к осмыслению человека как живого и вечностановящегося целого. Философией пола, любви и семьи занимались, начиная с уже упомянутого В. Соловьева, написавшего цикл статей «Смысл любви» (1892–1894 гг.) [Соловьев В.С., 1914с], Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус и другие [Миллионщикова Т.М., с. 151]. Тем не менее, только Розанов в полной мере сделался «про-

поведником «философии пола» [Николюкин А.Н., 2001, с. 9]. Одновременно можно сказать, что Розанов относится к авторам, творческая биография которых всецело определяется биографией фактической. Во многом из желания подражать Ф.М. Достоевскому в 1880 г. 24-летний Розанов женился на бывшей возлюбленной и музе писателя — Аполлинарии Суловой. Брак оказался неудачным и через несколько лет фактически распался. Однако официальный развод получить не удалось, что обернулось проблемой, когда в 1888 г. Розанов встретил Варвару Бутягину, ставшей для него настоящим другом и матерью пятерых его «незаконнорожденных» детей. Невозможность узаконить в глазах общества и Церкви (являвшейся тогда частью государственной машины) не случайную связь, но прочную семью, в которой царит истинное целомудрие — любовь и верность, превратилась для Розанова из жизненного затруднения в основной нерв его философской и публицистической мысли. Тезис, который будет развиваться им на протяжении всего творчества: институт семьи в современной России серьезно болен, его необходимо спасать. Разговоры об этом вопросе ни в коем случае не ограничиваются сферой этики или социальной философии: для Розанова семейный вопрос является одной из важнейших (если не единственной) тем религиозных размышлений. Личная драма привела Розанова сперва к критике синодальной Церкви, а затем и христианства как такового. Не отрекшись от христианства в реальной жизни (о «церковной» кончине Розанова пишет, в частности, в своих воспоминаниях М.О. Курдюмов [Настоящая магия слова..., 2007, с. 102–103]), в литературной деятельности Розанов, особенно поздней, имел сильное тяготение к язычеству и неоднократно критиковал Христа с апостолом Павлом, что наиболее ярко было выражено им в последнем произведении «Апокалипсис нашего времени» (1917–1918 гг.). Повторимся, данные настроения имеют причину не в сфере умозрительной теологии, а исключительно в антропологии — в определенных взглядах Розанова на природу человека, в которой на первое место им ставится не дух или разум, а пол [Розанов В.В., 2002b, с. 250].

О.Ю. Согрина выделяет три этапа творчества Розанова, посвященного теме семьи: ранний период, период участия в петербургских Религиозно-философских собраниях в 1901–1903 гг., поздний период [Согрина О.Ю., 2020, с. 114]. В какой-то мере данную классификацию можно соотнести с той, что некогда предложил Зеньковский в соответствующей главе «Истории русской философии» [Зеньковский В., 2001, с. 437–439]: период абсолютной верности раннего Розанова православию, период сомнения в историческом христианстве или Церкви как социальном институте, период вызова самому христианству. Следуя данной периодизации, подчеркнем ее условность, поскольку одной из черт философствования Розанова была его «многоликость», противоречивость самому себе, проявляющаяся порою даже в рамках одного произведения [Николюкин А.Н., 2001, с. 11].

А.С. Никологорский обращает внимание на сочетание двух следующих обстоятельств: Розанов в какой-то момент завел привычку не писал полностью слово «Бог» [Никологорский А.С., 2012, с. 42] и он же никогда не писал полностью имя своей второй жены Варвары [Никологорский А.С., 2012, с. 44]. Первое вызвано, вероятно, влиянием на позднего Розанова иудейской религиозной традиции, а второе является выражением такого благоговейного отношения к супружеской любви, которое возносит ее в сферу не просто нравственного, но сакрального, поскольку она — источник жизни. Главным трудом, из которого можно узнать основные идеи Розанова о семье, назовем относительно раннюю статью «Семья как религия» (1898 г.) [Розанов В.В., 1995], являющей собой пример того, как литературная критика поднимается на уровень философии. Рассуждая о двух произведениях Л.Н. Толстого — «Крейцеровой сонате» и «Войне и мире», — Розанов отвергает два противоположных определения половой любви: как исключительно материалистическое, биологическое, плотское, так и платоническое, видящее в ней только гиперболизированные единомыслие и дружбу. Переживания Лизы, с которыми ей пришлось столкнуться в самом начале своего несчастного замужества, Розанов, в противовес Позднышеву, объясняет не капризом истеричной особы, но интуитивной

религиозностью, которая оказалась возмущена тем, что супруг внес в святая в святых — семейный очаг — не почтительную серьезность, но легкомыслие и животный разврат. С другой стороны, обращая внимание на безусловно счастливый союз Марьи Болконской с Николаем Ростовым, Розанов подчеркивает их несхожесть, степень превосходства Марьи в интеллектуальном плане над мужем — стало быть, в основе их брака лежит не только духовное, но и физическое влечение. Природа, о которой пишет Розанов, имеет отношение не к отчужденной от духа сугубо эмпирической материи. Для философа дух и материя тесно переплетены друг с другом, что он подкрепляет следующим аргументом: за психологическим отчуждением супругом неизменно следует телесное отвращение [Розанов В.В., 1995, с. 76]. Семью Розанов называет «теизацией» пола, т. е. освящением его любовью, [Розанов В.В., 1995, с. 79], разврат определяет как жизнь пола без любви [Розанов В.В., 1995, с. 76].

На данном этапе трудно что-либо возразить, однако затруднения начинаются при вдумчивом рассмотрении антропологических категорий, используемых Розановым, — прежде всего категории пола. Не давая полу точного определения, Розанов, тем не менее, посвящает его описанию статью «Из загадок человеческой природы» (1898 г.) [Розанов В.В., 1995, с. 76]. В статье пол практически отождествляется с неким разлитым в природе жизненным началом: пол является границей между живым и неживым, все живое наделено полом. Более того, в половом начале следует искать источник всех процессов, происходящих с живым организмом: сон, болезнь, старение вызваны затуханием пола; соответственно, бодрствование, здоровье, молодость обусловлены приливом половой энергии. Сказанное справедливо не только в отношении царства растений и животных, но и в отношении человека — пол объявляется источником личности, по его образцу конструируется не только тело, но и душа. Каждая черта характера, считает Розанов, связана именно с особенностью пульсации пола: лица делятся на мужские и женские, детские и старческие, невинные и развратные, а не на философские или математические [Розанов В.В., 1995, с. 23].

Сам источник нравственности также находится в поле, а порок есть не что иное, как пренебрежение к полу (что может выразиться равно как в ханжеском аскетизме, так и в беспорядочных половых связях). Новизна и заслуга Розанова как философа состоит в том, что он одним из первых придал столь серьезное отношение к категории пола, открыв пространство для новых антропологических изысканий. Однако, на наш взгляд, недостаток здесь состоит в пренебрежении иных аспектов человеческой природы: прежде всего разумного и творческого, которые, если и рассматриваются Розановым, то исключительно сквозь призму пола, а не в качестве самостоятельных начал. Пол как способность рождать является тем, что связывает человека как с его родом, так и с природой в целом. Однако тому, что делает человеческую личность отличной как от других человеческих «я», так и от царства животных, Розанов уделяет весьма мало внимания. Розанов, по справедливому замечанию Мережковского [Мережковский Д.С., 1995, с. 415], переворачивает иерархию: вместо того, чтобы быть частью личности, пол становится его истоком. Таким образом, личность ставится в полную зависимость от некоей разлитой в космосе сакральной субстанции. На наш взгляд, именно отсюда происходит дальнейшее увлечение Розанова язычеством, которое в богословском отношении есть поклонение обожествленной природе, имманентному божественному началу вместо личностного трансцендентного Бога.

Итогом участия Розанова в религиозно-философских собраниях становится собрание статей «Семейный вопрос в России» [Розанов В.В., 2004] — произведение не только религиозно-философское, но и публицистическое. Теоретические положения, изложенные им ранее, получают здесь развернутое изложение, подкрепленное практическими примерами. Сам Розанов называет свое видение семьи истинно христианским, однако он открыто конфликтует с позицией православной Церкви. Главный пункт данного расхождения — отношение к официальному заключению брака. Видя источник супружеского союза во взаимной любви, Розанов отрицает метафизическое значение таинства венчания, считая его всего лишь формальностью, которая сама по себе не

способствует созданию семьи или нравственному совершенствованию супругов, но в условиях, когда ей предается первостепенное значение, наоборот, становится источником несчастья. Речь идет о разводе, который, по мнению Розанова, не разрушает семью, а только констатирует факт ее уже состоявшейся смерти. Розанов не отстаивает то положение, согласно которому вступать в брачный союз можно только один раз и на всю жизнь. Разворотом он считает не повторный брак и не внебрачную связь саму по себе, но — в том числе — искусственное поддержание брака, из которого ушла духовная и телесная близость. Определение семьи как юридического союза, невозможность (по крайней мере, крайняя затруднительность) разводов приводят к процветанию губительных для души и тела явлений: лицемерию, семейному насилию, проституции (становящейся, по мнению Розанова, неизбежной после запрета ранних подростковых браков) и другим. Повторимся, на данном этапе Розанов не считает, что его взгляды противоречат истинному христианству.

Однако уже здесь можно отметить другую особенность философствования Розанова: излишняя идеализация определенных сторон действительности (будь то сфера человеческой жизни или целое историко-культурное сообщество), которая основана не на фактах из этой самой действительности, но на субъективных предпочтениях самого Розанова. Отметив реально существующий кризис института семьи в России, вступившись за несчастных жен, совращенных девушек и внебрачных детей, Розанов не ограничился этим, но отчего-то посчитал, что указанные им проблемы существуют исключительно в пределах христианской цивилизации. Обращаясь к теме китайской, мусульманской или еврейской семьи, Розанов описывает исключительно положительные стороны — особенно это касается еврейской семьи. В данном случае парадокс заключается в том, что супружество по любви (а ведь отстаивание именно этого права является главным пунктом полемики Розанова) становится массово возможно лишь в тех сообществах, где личность обретает некоторую автономность, а это прежде всего индустриальное общество Нового Времени, т.е. то самое, которое Розановым критикуется более всего. В

условиях всецелой зависимости от своего семейного клана, как оно было в обществе Древнего Мира (в том числе и в Израиле), брак не может быть вопросом личного дела, чаще всего становясь результатом договора, преследующего социально-экономические, а то и политические цели. Тем не менее, изобретение такого брака Розанов отчего-то приписывает римлянам [Розанов В.В., 2004, с. 434]; возможно, причину следует искать в народном характере. Именно римляне (или, шире, арийцы как народ с холодным темпераментом, в отличие от семитов), по его мнению, являются виновниками искажения христианства.

В качестве одной из причин подобной путаницы в построениях Розанова можно указать слабость разработки самого понятия любви в философствовании Розанова (как это ни парадоксально звучит по отношению именно к Розанову, посвятившему любви столько строк), которая исходит из обозначенной нами слабости понятия личности. В результате уже в конце «Семейного вопроса России», восхваляя ветхозаветный брак, Розанов в качестве одного из его главных достоинств укажет то, что в глазах своих соплеменников еврейские девушки выходят замуж не за конкретного мужчину, а за сам Израильский народ [Розанов В.В., 2004, с. 783–784]. Таким образом объясняется якобы имеющиеся у евреек свобода выбора мужа и право на повторный брак в любой момент — ведь неважно, за кого и сколько раз выходит женщина: если она верна своему народу, то в метафизическом смысле она все еще остается моногамной. Однако данный пример свидетельствует о том, как мысль Розанова, начав с утверждения индивидуальной любви в высшем ее смысле абсолютного единства души и тела конкретных мужчины и женщины, удивительным образом пришла практически к ее опровержению. Больше нет личной любви, поскольку нет самой личности, есть только род (племя, нация) и разлитый внутри нее космический эрос.

Отмеченный О.Ю. Согриной временный спад творчества Розанова после 1905–1907 гг. может быть объяснен как тем, что главные его мысли по данному кругу вопросов к тому моменту уже были выражены достаточно развернуто, так и тем, что часть поднимаемых Розановым проблем утратила свою злободнев-

ность. В разработке находился Проект Гражданского Уложения, упрощающего процедуру развода [Согрина О.Ю., 2020, с. 116]; отметку о незаконнорожденности детей перестали ставить в паспорта еще в 1902 г. [Никологорский А.С., 2012, с. 51]. Однако именно в самом конце жизни и творчества Розанова им были написаны две интересующие нас работы — «Возрождающийся Египет» (первая статья, вошедшая в данный сборник, была написана еще в 1900 г., однако сама идея написания книги о Египте, в которую бы вошли уже опубликованные материалы по данной теме, была выражена Розановым не ранее 1916 г.) и «Апокалипсис нашего времени», которые содержат в себе вызов уже самому Христу. Свой антропологический и нравственный идеал Розанов находит в язычестве, поскольку оно, в противоположность христианству, освящает сферу пола как в человеке, так и в Боге, поклоняясь ему не как Духу, но как Отцу и осеменителю. На данный период выпадает юдофильство Розанова, поскольку евреи видятся ему осколком того древнего семитского рая, к которому возможно вернуться, если взять на вооружение многовековой опыт еврейского домостроительства. По выражению З.Н. Гиппиус, «евреи, в религии которых для Розанова так ощутительна была связь Бога с полом, не могли не влечь его к себе» [Настоящая магия слова..., 2007, с. 26].

Мистико-религиозный идеал семьи

Оригинальные мысли Розанова о еврействе сконцентрированно выражены им в более ранней работе «Юдаизм» (1899 г.). Начинается она с изложения следующей истории. В 1845 г. во Франкфурте-на-Майне был устроен конгресс реформистских иудеев, последователей философа-просветителя М. Мендельсона. Были поставлены под сомнения такие столпы иудаизма, как вера в пришествие Мессии и восстановление Храма. Все было выслушано и обсуждалось в полном спокойствии. Только одно вызвало вспышку религиозного фанатизма — предложение отменить обрезание. Следовательно, пишет Розанов, именно в обряде обрезания следует искать «тайну юдаизма»: с обрезания Авраама начался Израиль, с отменой обрезания Израиль закончится — как показали итоги упомянутого конгресса, другие

постановления в принципе можно нарушить и остаться при этом иудеем. Розанов был глубоко поражен, насколько такая очевидная вещь ускользает из поля зрения гебраистов. Уже на данном примере можно говорить о разнице взглядов на соотношение иудаизма и христианства. Повторимся, если по Соловьеву христианство является логическим завершением иудаизма, то по Розанову это диаметрально противоположных «теизма», о чем он и пишет прямым текстом. «“Крест на шее” — вот наш теизм; иудейский своеобразный “крест” самим положением своим указывает центр теизма их, как противоположного нашему!» [Розанов В.В., 2009, с. 14]. Христианство начинается с крещения, следовательно, его теизм устремлен к бесплотному (следовательно — нежизнеспособному) Духу; иудаизм начинается с операции на половых органах, значит, теизм иудейский обращен полу, понимаемого как сам источник жизни. Отсюда же разница в антропологии: христианская устремлена к смерти, иудейская — к рождению. Христианская система ценностей, по мнению Розанова, prepares человека к безбрачию и нищете, что воспринимается им в качестве естественного образа жизни, тогда как в качестве ценностей иудаизма он выделяет деторождение, брак, семью и земное благополучие. Развивая данную мысль, Розанов приходит к впечатляющему выводу: иудаизм суть то же, что религии древнего Переднего Востока, ибо семиты, обладая схожим темпераментом, выбрали себе один и тот же объект поклонения. В центре этой веры — не христианский Бог-Дух или Логос, а двуполое божество плодородия Элогим, известное всем народам во все времена под разными именами. «В Вильне, Варшаве, Вене не умер “древний Бел”, ни около него “Ашера”, а только они живут под другими именами. Тот же человек, но уже переименовал паспорт» [Розанов В.В., 2009, с. 78]. Корень иудейской субботы Розанов усматривает в древнеавилонской храмовой проституции, ведь, по его мнению, наиболее важным в этот день для иудея является не отдохновение от дел, а супружеская близость, которая якобы разрешительна только в субботу и которая означает соединение супругов не только между собой, но и соединение каждого из них с божественным источником жизни (поскольку

совершается с той же серьезностью, что и богослужение). Ввиду выделения пола в качестве наиболее значимой антропологической характеристики половая жизнь объявляется едва ли не единственной формой богообщения, а семья — первичной формой религии.

Возвращаясь к проблеме браков и разводов, Розанов вновь противопоставляет брак европейский (христианский) и еврейский: если первое зиждется на юридической формальности и им же и ограничено — запрещены любые внебрачные связи, независимо от качества отношений между супругами или любовниками, то иудейский брак сводится к субботе. Соответственно, разрешены разводы и повторные браки, разрешены (и даже желательны) ранние браки, главное — осуществление супружества как мистерии, а не забавы или необходимости [Розанов В.В., 2009, с. 21–22]. Стоит отметить, что на примере «Иудаизма» отчетливо прослеживается обозначенная выше тенденция Розанова увлекаться собственными представлениями, которые либо не подкрепляются фактами, либо могут идти с ними вразрез. Так, желая подкрепить свою мысль относительно истинного смысла иудейской субботы, Розанов приводит многочисленные свидетельства из Ветхого Завета, обращается к духовной, автобиографической или художественной литературе, даже вступает в диалог со своим знакомым иудеем. Однако все приводимые им примеры свидетельствуют только о самой религиозной значимости субботы. Нигде не содержится указаний на связь ее с супружескими отношениями или тем более на почитание месопотамских богов — отчасти намек на первое Розанову удастся получить только в личной беседе с иудеем и в книге А. Шмакова «Еврейские речи» [Шмаков А.С., 1897], которую сам Розанов оценивает как антисемитскую. Отсутствие доказательной базы Розанов объясняет тем, что евреи без лишних объяснений прекрасно знают, чем надлежит заниматься в субботнюю ночь [Шмаков А.С., 1897, с. 20]. Розанов же, не будучи евреем, пришел к этому открытию исключительно путем размышлений над смыслом обрезания.

В следующем интересующем нас произведении, «Возрождающийся Египет», Розанов называет язычество истинной и естественной религией всего человечества, проповедующей

поклонение Жизни Жизней [Розанов В.В., 2002b, с. 297], христианство же представлено в качестве вредной аномалии [Розанов В.В., 2002b, с. 186]. В другом произведении, «Люди третьего пола» (1911 г.) [Розанов В.В., 1994а], его возникновение связывается с особым антропологическим типажом — «третьим полом», представители которого лишены инстинкта семьи, а потому нуждаются либо в лечении, либо в надлежащем применении своей освобожденной от житейских забот энергии, но в любом случае они не должны становиться рупорами общественного мнения [Сухорукова Е.И., 2025, с. 125]. Вероятно, с точки зрения Розанова, крещение народов севера было обусловлено именно их бесстрастным народным характером, который был более приспособлен к мироощущению «третьего пола», чем народы юга. Напротив, у семитских народов, проживавших на Переднем Востоке, особенно в Древнем Египте, осознание святости пола как источника всякого блага (жизни, счастья, удовольствия) достигло высшего уровня, способствовало рождению высокой культуры и искусства, однако по существу это та же вера, что и у варварских народов дохристианской Европы. Здесь мысль Розанова вступает в возможное противоречие не только с исторической реальностью, но и с самой собой. Возникает закономерный вопрос: в чем тогда смысл религиозной борьбы древних евреев с окружающими народами, мотив которой проходит через все Священное Писание и которую Розанов не просто не отрицает, но приводит как доказательство супружеского характера взаимоотношений народа Израиля со своим Богом? По Розанову, соединение между Богом и человеком проходит точно так же, как соединение супругов — через Эрос и пол, а не Логос и отвлеченный дух [Иванова Т.А., 2021, с. 55–62]. Открывшись народу под тем или иным именем, Бог вступает с ним в супружеский союз — обрезание является ничем иным, как заключением данного союза, поэтому с его отменой кончается иудаизм. Розанов обращает внимание, что ревность Иеговы направлена не против самих языческих культов, но против того, чтобы евреи вступали в брак с их адептами: в соответствии с мыслью Розанова, создание смешанной семьи означает супружескую измену народа Израиля своему небесному мужу.

Следовательно, гнев пророков призван защищать не чистоту вероучения, а чистоту крови, которая на метафизическом уровне означает целомудренность божественного брака [Розанов В.В., 2002b, с. 57]. Данное объяснение вызывает сразу два вопроса. Первый: каким образом возможна измена Иегове с «Ваалом и Астартой», если они все лишь разные имена единого Элогима? Второй: почему данный запрет, доведенный до абсолютного табу, обращен только к еврейскому народу? На второй вопрос Розанов пытается ответить как в «Русском Ниле», так и в «Апокалипсисе нашего времени», рассуждая об исключительной гениальности еврейского народа, которая разветвляется в случае их смешения с иными племенами. Евреи призваны жить в рассеянии, осеменяя другие народы духовно, но не на уровне крови и плоти [Розанов В.В., 2000, с. 133]. Также Розанов в заметках «Ангел “Иеговы” у евреев» [Розанов В.В., 2002а] и «В соседстве Содомы» [Розанов В.В., 2002с] приписывает евреям особую влюбчивость в окружающие их народы, рассматривая всю историю еврейского народа сквозь призму семейной психологии, наделяя еврейскую народность (как и русскую) женской половой принадлежностью. Впрочем, в одном из мест «Апокалипсиса» Розанов отказывается от дальнейших рассуждений на данный счет, сославшись на то, что заповедь чистоты крови, по мнению Розанова, — это единственная отличительная черта иудаизма: есть тайна, о которой знает только Бог и перед которой человек должен смириться [Розанов В.В., 2000, с. 134].

В «Апокалипсисе нашего времени» те же идеи раскрываются в обращении не к прошлому человечества, а к его настоящему и будущему. Еврейскую (как, вероятно, и любую иную) народность Розанов описывает в качестве разросшейся семьи кровных родственников, а иудейскую религию — в качестве религии поклонения собственному плодородию [Розанов В.В., 2000, с. 115–118]. Следовательно, поскольку в поле заключено начало человеческой личности, в том числе религиозность, иудаизм, а не христианство, является истинной верой. Естественный образ жизни человека — тот, что описан в Ветхом Завете, т.е. это жизнь простого труженика, земледельца или торговца, который заботится о своей семье, любит

природу, почитает Бога и не претендует на большее [Розанов В.В., 2000, с. 57, 135, 187]. Остается не вполне ясным, как такое домохозяйство (лежащее, между прочим, в основе экономики, являющееся в данной картине едва не единственным источником пропитания) может быть устойчивым, если супруги сохраняют за собой право развестись в любой момент, как только охладеют друг к другу. Здесь вновь наблюдается идеализация древности, которой Розанов приписывает реализацию своих представлений о счастливой семье, которые, в свою очередь, основаны не то на возвышенном идеале, предполагающем деятельное участие двух нравственных личностей, не то на ближневосточном чувственном эросе. Тем не менее, считает Розанов, так жил весь Древний Восток, ныне подобный образ жизни стараются сохранить только евреи. Там, где человек отворачивается от самого себя (для Розанова это прежде всего отрицание в себе полового начала), от природы и от Бога — там начинается гордыня и злоба, там творится история, вместо семей создаются монструозные государства-империи, происходят войны, не ценится праведный труд. Христианская цивилизация оказывается обречена с самого своего основания, поэтому ее гибель (напомним, произведение было написано в период конца Первой мировой войны и революции в России) была неизбежна [Розанов В.В., 2000, с. 314].

Далее Розанов переворачивает славянофильский тезис об исконно христианском характере русской цивилизации. Если славянофилы, а затем и почвенники считали западноевропейскую цивилизацию христианской во многом лишь по форме, а по содержанию стоящей на основе языческой римской культуре, то Розанов, напротив, считал Европу не просто христианской, но родительницей исторического христианства, полностью им переработанной. Славянофилы обращали внимание, что крещение Руси одновременно является моментом ее рождения как единого целого; Розанов же замечает, что Русь приняла христианство в уже готовой его форме, богословские диспуты, в том числе те, которые навсегда жестко отделили христианство от иудаизма, прошли давно и далеко за ее пределами. Розанов полагает, что Русь была крещена лишь внешне, а в действительной религиозной жизни большее зна-

чение играл полуязыческий (по мнению Розанова) культ местных святых [Розанов В.В., 2000, с. 189]. Соответственно, в отличие от рационалистичной и холодной Европы, Россия способна сбросить с себя оковы христианства и сделаться полем восстания против Христа [Розанов В.В., 2000, с. 310]. В этот период великого исторического слома человечество, если оно хочет вернуть себе золотой век, должно ориентироваться на опыт религиозной и семейной жизни евреев — вероятно, в этом и заключается миссия этого семитского народа, призванного вдохновить своим примером холодных славян, заразившихся от романо-германцев. Золотым грядущий век является, поскольку в нем половое начало получает раскрытие в полной мере: устраняются практически любые препятствия к браку (дозволяются ранние, повторные и даже групповые браки), все дети объявляются законными, жизнь человека вращается вокруг однообразного труда, который часто сменяется периодами веселья и чувственных удовольствий. Однако, на наш взгляд, поскольку творческие и познавательные способности человека в обществе подобного типа не получают раскрытия в должной мере (как не уделено им должного внимания в антропологии Розанова), то в результате возникает не только риск скуки и деградации личности, но и угроза существования самого общества, оставленного наедине (без науки, медицины и технологий) со всеми исходящими от природы опасности — как оно и было в эпоху Древнего Мира.

Заключение

В том аспекте философствования Розанова, где центральным понятием становится пол, из него выводится как народность, так и религиозность человека, что мы проследили, обратившись к тем трудам зрелого периода, которые посвящены еврейскому народу. Не беря во внимание славянофильское представление о народности как о метафизическом духе, Розанов понимает еврейский народ в качестве разросшейся семьи, скрепленной кровью, семенем и духом — Розанов решительно протестует против дуализма материи и духа, обвиняя в нем то европейскую цивилизацию, то христианство в целом. Природа, восхваляемая Розановым — не эмпирическая материя, а перво-

зданное единство, потенция и актуализация высшей ценности — жизни. Соответственно, главное предназначение человека заключено в создании семьи, причем юридическое заключение брака считается необязательным, как и пожизненная моногамия. Семью создает наличие между супругами любви, соединяющей в себе нравственный и чувственный аспекты, и желание совместного деторождения.

В антропологии, ставящей на первое место пол, а также в теологии, определяющей Бога исключительно как источник биологической жизни, половая жизнь, осуществляемая с серьезностью и приводящая к деторождению, становится едва ли не единственным способом богообщения, а прочная семья — условием его реализации. Однако пренебрежение другими антропологическими характеристиками, такими как разум, дух или творческая способность, приводят к деградации понятия личности, которая полностью поглощается родовым началом. Таким образом, человек ничем не выделяется от других представителей животного мира. Начав с утверждения индивидуальной любви, Розанов в итоге приходит к провозглашению внеличного космического эроса, в равной степени разлитого внутри народа. Как следствие, Розанов отворачивается от христианства (религии Слова и Духа) в сторону иных религиозных систем. Иудаизм определяется Розановым как религия поклонения своему плодородию, центральная заповедь которого — вовсе не монотеизм, а обрезание, которое подразумевает заключение союза с истинным Богом — двуполым Элогимом, и соблюдение субботы, подразумевающей супружескую близость, серьезно-почтительное отношение к которой превращает ее в иерогамию. По мнению Розанова, довольно оригинального по тем временам, иудаизм есть лишь одна из разновидностей язычества — единой, всеобщей и истинной религии человечества, освящающей в человеке его пол; в то время как христианство — аномалия, отрицающая пол, разъединяющая дух и материю, убивающую, таким образом, источник жизни. Современная цивилизация (европейская и русская) была обречена с самого начала, поскольку основана на христианстве, искаженная антропология которого, по мнению Розанова, привела к искаженным социальным институтам, милитаристским

империям и мировой войне. Оздоровление возможно, если взять на вооружение тот образ жизни, что всегда был естественен для человека. Он описан в Ветхом Завете и по сути своей означает отмену исторического прогресса: жизнь в деревнях, а не городах, занятие домашним хозяйством и земледелием, участие в языческих мистериях, вращающихся вокруг освящения пола и брака. Однако, по мнению автора статьи, в результате изъяна в исходной антропологической посылке — пренебрежения к человеческому разуму, духу, индивидуальности — страдает как сам человек, так и институт семьи, отношения внутри которой становятся неспособны выйти на более высокий одухотворенный уровень. В результате перед самим обществом встает вопрос выживания, поскольку оно, оставшись без плодов деятельности разума и духа — науки и технологии, вновь попадает в полную зависимость от природных стихий, и представление о существовавшем в древности золотом веке оказывается несостоятельным. В завершение отметим, что данное изложение представляет лишь одну из вариаций философии позднего Розанова, который как мыслитель был весьма непостоянен и даже противоречив.

Список литературы

- Аксаков И.С.* О еврейском вопросе. Изд. и предисл. Е. де-Витте. Почаев: тип. Почаево-Успен. лавры, 1911. 57 с.
- Астафьев П.Е.* Из итогов века: С прил. писем «Еврейство и Россия». Москва: изд. М.И. Астафьевой, 1891. 117 с.
- Зеньковский В.* История русской философии. М.: Академический Проект; Раритет, 2001. 880 с.
- Иванова Т.А.* Проблема андрогинного идеала человека в философии пола В.В. Розанова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 1. С. 55–62. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-1-55-62>
- Казакова Н.Ю.* «Розанов не был двуличен, он был двулик...»: Василий Розанов – публицист и полемист. М.: РГГУ, 2021. 238 с.
- Козырев А.П.* В.В. Розанов и В. Соловьев: диалог в поисках другого // Соловьевские исследования. 2004. № 2(9). С. 21–49.
- Малахов В.А.* Региональная локализация еврейских погромов 1881–1882 гг. в Российской империи // Вестник БГУ. 2012. № 2(1). С. 55–59.

Мережковский Д.С. Розанов // В.В. Розанов: pro et contra. Кн. I. / сост., вступ. ст. и прим. В.А. Фатеева. СПб.: РХГИ, 1995. С. 408–418.

«Настоящая магия слова»: В. В. Розанов в литературе русского зарубежья / сост., предисловие, коммент. А.Н. Николоюкина. СПб.: Росток, 2007. 216 с.

Миллионщикова Т.М. «Мысль семейная» в творчестве русских писателей рубежа XIX–XX вв. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение. 2018. № 4. С. 148–154.

Никологорский А.С. Проблема борьбы за права семьи в творчестве Василия Розанова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. № 4. С. 41–52.

Николоюкин А.Н. Розанов. М.: Мол. гвардия, 2001. 511с.

Отюцкий Г.П. Полемика В.В. Розанова с М.О. Гершензоном по «Еврейскому вопросу» // Система ценностей современного общества. 2013. № 27. С. 89–94.

Пешков А.А., Гуторов Ю.А. Вопросы семьи и брака в отечественной религиозно-философской мысли (конца XIX начала XX века) // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2019. № 17. С. 253–268.

Розанов В.В. Ангел «Иеговы» у евреев (Историки Израиля) // В.В. Розанов. Собрание сочинений. Возрождающийся Египет / под общ. ред. А.Н. Николоюкина. М.: Республика, 2002. С. 465–475.

Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени // В.В. Розанов. Собрание сочинений / под общ. ред. А.Н. Николоюкина. М.: Республика, 2000. 429 с.

Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного // В.В. Розанов. Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов / под общ. ред. А.Н. Николоюкина. М.: Республика, 1995. С. 7–82.

Розанов В.В. Возрождающийся Египет // В.В. Розанов. Собрание сочинений. Возрождающийся Египет / под общ. ред. А.Н. Николоюкина. М.: Республика, 2002. С. 7–325.

Розанов В.В. В соседстве Содомы (Истоки Израиля) // В.В. Розанов. Собрание сочинений. Возрождающийся Египет / под общ. ред. А.Н. Николоюкина. М.: Республика, 2002. С. 457–465.

Розанов В.В. Место христианства в истории // В.В. Розанов. Собрание сочинений. Религия и культура. Статьи и очерки 1902–1903 гг. / под общ. ред. А.Н. Николоюкина; сост. А.Н. Николоюкина, П.П. Апрышко, О.В. Быстровой; коммент. О.В. Быстровой. М.: Республика; Росток, 2008. С. 9–27.

Розанов В.В. Люди третьего пола // Розанов В.В. Собрание сочинений. В темных религиоз-

ных лучах / под общ. ред. А.Н. Николоюкина. М.: Республика, 1994. С. 264 – 404.

Розанов В.В. Русский Нил // В.В. Розанов. Сочинения: Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков, 1899–1913 гг. / сост., ком. и ред. В.Г. Сукача. М.; Танаис, 1994. С. 329–409.

Розанов В.В. Семейный вопрос в России // В.В. Розанов. Собрание сочинений. Семейный вопрос в России / под общ. ред. А.Н. Николоюкина. М.: Республика, 2004. 829 с.

Розанов В.В. Юдаизм // В.В. Розанов. Собрание сочинений. Юдаизм / под общ. ред. А.Н. Николоюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 5–107.

Согрина О.Ю. Образ христианской семьи в дискуссиях 1902–1903 гг. (на материалах записок петербургских религиозно-философских собраний) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021. Т. 21, № 1. С. 78–81. DOI: <https://doi.org/10.14529/ssh210111>

Согрина О.Ю. Семейный вопрос в творчестве В.В. Розанова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20, № 3. С. 114–117. DOI: <https://doi.org/10.14529/ssh200317>

Соловьев В.С. Еврейство и христианский вопрос // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. С 3-мя портретами и автографом / под ред. и с прим. С.М. Соловьева, Э.Л. Радлова. Второе издание. Том 4. СПб: Просвещение, 1914. С. 142–189.

Соловьев В.С. Новозаветный Израиль // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. С 3-мя портретами и автографом / под ред. и с прим. С.М. Соловьева, Э.Л. Радлова. Второе издание. Том 4. СПб: Просвещение, 1914. С. 207–222.

Соловьев В.С. Смысл любви // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. С 3-мя портретами и автографом / под ред. и с прим. С.М. Соловьева, Э.Л. Радлова. Второе издание. Том 7. СПб: Просвещение, 1914. С. 3–63.

Соловьев В.С. Три разговора // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. С 3-мя портретами и автографом / под ред. и с прим. С.М. Соловьева, Э.Л. Радлова. Второе издание. Том 10. СПб: Просвещение, 1914. С. 81–222.

Сухорукова Е.И. Эсхатология В.В. Розанова и метафизика пола // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2025. № 1(53). С. 120–132. DOI: <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-153-120-132>

Шмаков А.С. «Еврейские» речи. М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1897. 580 с.

References

Aksakov, I.S. (1911). *O evreyskom voprose* [On the Jewish question]. Pochaiv: The Pochaevo-Uspenskaya Lavra Publ., 57 p.

Astaf'ev, P.E. (1891). *Iz itogov veka : (S pril. pisem "Evreystvo i Rossiya")* [From the results of the century: (with letters "Jewry and Russia")]. Moscow: M.I. Astaf'eva Publ., 117 p.

Ivanova, T.A. (2021). [The problem of androgynous ideal of a human being in V.V. Rozanov's philosophy of sex]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. No. 1, pp. 55–62. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-1-55-62>

Kazakova, N.Yu. (2021). «*Rozanov ne byl dvulichen, on byl dvulik...*»: *Vasily Rozanov – publitsist i polemist* ["Rozanov was not hypocritical, he was two-faced...": Vasily Rozanov - publicist and polemicist]. Moscow: RSUH Publ., 238 p.

Kozyrev, A.P. (2004). [V.V. Rozanov and V. Solovyov: a dialogue in search of another]. *Solov'evskie issledovaniya* [Solovyov Studies]. No. 2(9), pp. 21–49.

Malakhov, V.A. (2012). [Regional localization of the anti-Jewish pogroms of 1881-1882 in the Russian Empire]. *Vestnik BGU* [BSU Bulletin]. No. 2(1), pp. 55–59.

Merezhkovskiy, D.S. (1995.) [Rozanov]. *V.V. Rozanov: pro et contra. Kn. I*. [V.V. Rozanov: pro et contra. Book I]. St. Petersburg: RCHA Publ., pp. 408–418.

Millionschikova, T.M. (2018). ["Family thought" in the works of Russian writers of the turn of the XIX–XX centuries (review)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7. Literaturovedenie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literature Studies]. No. 4, pp. 148–154.

Nikologorskiy, A.S. (2012). [The problem of the struggle for the rights of the family in the works of Vasily Rozanov]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8. History]. No. 4, pp. 41–52.

Nikolyukin, A.N. (2001). *Rozanov* [Rozanov]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 511 p.

Otyutskiy, G.P. (2013). [V.V. Rozanov's polemic with M.O. Gershenzon on the "Jewish Question"]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva* [System of Values of Modern Society]. No. 27, pp. 89–94.

Peshkov, A.A. and Gutorov, Yu.A. (2019). [Family and marriage issues in Russian religious and

philosophical thought (late 19th – early 20th century)]. *Trudy Nizhegorodskoy dukhovnoy seminarii* [Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary]. No. 17, pp. 253–268.

Rozanov, V.V. (2002). [A resurgent Egypt]. *Rozanov V.V. Sobranie sochineniy. Vozrozhdayuschiyssya Egipet, pod red. A.N. Nikolyukina* [Nikolyukin A.N. (ed.) Rozanov V.V. Collected works. A resurgent Egypt]. Moscow: Respublika Publ., pp. 7–325.

Rozanov, V.V. (1995). [In a world of obscurity and unresolved]. *Rozanov V.V. Sobranie sochineniy. V mire neyasnogo i nereshennogo. Iz vostochnykh motivov, pod red. A.N. Nikolyukina* [Nikolyukin A.N. (ed.) Rozanov V.V. Collected works. In a world of obscurity and unresolved. From oriental motifs]. Moscow: Respublika Publ., pp. 7–82.

Rozanov, V.V. (2002). [In the neighborhood of Sodom (the origins of Israel)]. *Rozanov V.V. Sobranie sochineniy. Vozrozhdayuschiyssya Egipet, pod red. A.N. Nikolyukina* [Nikolyukin A.N. (ed.) Rozanov V.V. Collected works. A resurgent Egypt]. Moscow: Respublika Publ., pp. 457–465.

Rozanov, V.V. (2009). [Judaism]. *Rozanov V.V. Sobranie sochineniy. Yudaizm, pod red. A.N. Nikolyukina* [Nikolyukin A.N. (ed.) Rozanov V.V. Collected works. Judaism]. Moscow: Respublika Publ., St. Petersburg: Rostok Publ., pp. 5–107.

Rozanov, V.V. (1994). [People of the third gender]. *Rozanov V.V. Sobranie sochineniy. V temnykh religioznykh luchakh, pod red. A.N. Nikolyukina* [Nikolyukin A.N. (ed.) Rozanov V.V. Collected works. In the dark religious rays]. Moscow: Respublika Publ., pp. 264–404.

Rozanov, V.V. (2002). [The Angel of "Jehovah" among the Jews (the origins of Israel)]. *Rozanov V.V. Sobranie sochineniy. Vozrozhdayuschiyssya Egipet, pod red. A.N. Nikolyukina* [Nikolyukin A.N. (ed.) Rozanov V.V. Collected works. A resurgent Egypt]. Moscow: Respublika Publ., pp. 465–475.

Rozanov, V.V. (2002). [The apocalypse of our time]. *Rozanov, V.V. Sobranie sochineniy, pod red. A.N. Nikolyukina* [Nikolyukin A.N. (ed.) Rozanov V.V. Collected works]. Moscow: Respublika Publ., 429 p.

Rozanov, V.V. (2008). [The place of Christianity in history]. *Rozanov V.V. Sobranie sochineniy. Religiya i kul'tura. Stat'i i ocherki 1902-1903 gg., pod red. A.N. Nikolyukina* [Nikolyukin A.N. (ed.) Rozanov V.V. Collected works. Religion and culture. Articles and essays from 1902-1903]. Moscow: Respublika Publ., Rostok Publ., pp. 9–27.

Rozanov, V.V. (1994). [The Russian Nile].

Rozanov V.V. *Sochineniya: Inaya zemlya, inoe nebo... Polnoe sobranie putevykh ocherkov, 1899-1913 gg., pod red. V.G. Sukacha* [Sukach V.G. (ed.) Rozanov V.V. Essays: Another earth, another sky... The complete collection of travel essays, 1899-1913]. Moscow: Tanais Publ., pp. 329–409.

Rozanov, V.V. (2004). *Semeynyy vopros v Rossii, pod red. A.N. Nikolyukina* [Nikolyukin A.N. (ed.) Rozanov V.V. Collected works. The family question in Russia]. Moscow: Respublika Publ., 829 p.

Shmakov, A.S. (1897). «Evreyskie» rechi ["Jewish" speeches]. Moscow: T-vo tip. A.I. Mamontova Publ., 580 p.

Sogrina, O.Yu. (2020). [Family issue in the work of V.V. Rozanov]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities]. No. 20(3), pp. 114–117. DOI: <https://doi.org/10.14529/ssh200317>

Sogrina, O.Yu. (2021). [The image of the Christian family in discussions 1902–1903 gg. (based on the materials of the notes of Petersburg religious-philosophical assemblies)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities]. No. 21(1), pp. 78–81. DOI: <https://doi.org/10.14529/ssh210111>

Solovyov, V.S. (1914). [Judaism and the Christian question]. *Sobranie sochineniy V.S. Solov'eva,*

pod red. Solovyova M.S., Radlova E.L. [Solovyov M.S., Radlov E.L. (eds.) Collected works of V.S. Solovyov]. St. Petersburg: Prosveschenie Publ., vol. 4, pp. 142–189.

Solovyov, V.S. (1914). [New Testament Israel]. *Sobranie sochineniy V.S. Solov'eva, pod red. Solovyova M.S., Radlova E.L.* [Solovyov M.S., Radlov E.L. (eds.) Collected works of V.S. Solovyov]. St. Petersburg: Prosveschenie Publ., vol. 4, pp. 207–222.

Solovyov, V.S. (1914). [Three conversations]. *Sobranie sochineniy V.S. Solov'eva, pod red. Solovyova M.S., Radlova E.L.* [Solovyov M.S., Radlov E.L. (eds.) Collected works of V.S. Solovyov]. St. Petersburg: Prosveschenie Publ., vol. 10, pp. 81–222.

Solovyov, V.S. (1914). [The meaning of love]. *Sobranie sochineniy V.S. Solov'eva, pod red. Solovyova M.S., Radlova E.L.* [Solovyov M.S., Radlov E.L. (eds.) Collected works of V.S. Solovyov]. St. Petersburg: Prosveschenie Publ., vol. 7, pp. 3–63.

Sukhorukova, E.I. (2025). [Eschatology of V.V. Rozanov and the metaphysics of gender]. *Vestnik MGPU. Seriya «Filosofskie nauki»* [MCU Journal of Philosophical Sciences]. No. 1(53), pp. 120–132. DOI: <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-153-120-132>

Zenkovsky, V. (2001). *Istoriya russkoy filosofii* [The history of Russian philosophy]. Moscow: Academiccheskiy proekt Publ., Raritet Publ.,

Об авторе

Сухорукова Екатерина Игоревна

аспирант департамента философии и социальных наук

Московской городской педагогический университет,
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.;
e-mail: eisukhorukova@yandex.ru
ResearcherID: N-4762-2017

About the author

Ekaterina I. Sukhorukova

Postgraduate Student of the
Department of Philosophy and Social Sciences

Moscow City University,
4 Vtoroy Selskhozaiystvenny pr., Moscow,
129226, Russia;
e-mail: eisukhorukova@yandex.ru
ResearcherID: N-4762-2017

УДК 1:316

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-259-271><https://elibrary.ru/jpankj>

Поступила: 23.06.2025

Принята: 17.11.2026

Опубликована: 03.07.2026

ФИКЦИИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Козырев Максим Сергеевич

Академия управления МВД России (Москва),

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Москва)

Цель статьи — выявить конструируемые фикции (иллюзии) и определить их социальную природу. Методологической основой исследования являются работы К. Маркса, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорского, С. Жижека, Ю.А. Разинова, посвященные изучению отдельных вопросов идеологического производства. По сути, фикции представляют собой овеществленные общественные отношения, которые не существуют в действительности, но при этом объективно обусловлены и имеют реальные последствия. В результате анализа было установлено, что в современном российском идеологическом дискурсе обнаруживаются две фикции (иллюзии), которые выполняют функции легитимизации и стабилизации социального пространства, а также выступают средством элитарной (контрэлитарной) самоидентификации и классообразования. Это советская эпоха и массы (народ, население). Противоречивость, утрированность и шаблонность представлений о недавнем прошлом послужили основанием для отнесения советского периода к первой их упомянутых фикций. Представление неоднородного российского социума как гомогенной общности с идентичными чертами — ко второй. Помимо прочего в работе описан механизм возвращения (ретроактивного действия) фикций в социальную реальность посредством поступков власти предрержащих. Так, стигматизация социально-психологических качеств большинства населения порождает стигматизацию мотивов их поведения. Восприятие населения России как однородной массы приводит к отказу учета в политическом действии уникальных социальных условий отдельных групп, в том числе весьма многочисленных. Кроме того, структура идеологического дискурса, сформированного элитарными и контрэлитарными группами, накладывает ограничения на возможности применения опыта советского публичного управления. Особенно это касается сферы духовного производства.

Ключевые слова: фикция, объективная видимость, идеологический дискурс, социальная обусловленность, политические партии.

Для цитирования:

Козырев М.С. Фикции в идеологическом дискурсе современной России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 2. С. 259–271. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-259-271>. EDN: JPANKJ

FICTIONS IN THE IDEOLOGICAL DISCOURSE OF MODERN RUSSIA

Maxim S. Kozyrev

*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow),
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)*

The article aims to identify constructed fictions (illusions) and determine their social nature based. Methodologically, the research is based on the works of K. Marx, M. K. Mamardashvili, A. M. Pyatigorsky, S. Žižek, Yu. A. Razinov devoted to the study of certain issues of ideological production. In essence, fictions represent materialized social relations that do not exist in reality, but at the same time are objectively conditioned and have real consequences. The analysis has identified two fictions (illusions) in modern Russian ideological discourse, which perform the functions of legitimizing and stabilizing the social space as well as acting as a means of elite (counter-elite) self-identification and class-formation. This is the Soviet era and the masses (the people, population). The inconsistency, exaggeration, and stereotyping of ideas about the recent past served as the basis for classifying the Soviet period as the first of the mentioned fictions. The idea of the heterogeneous Russian society as a homogeneous community with identical features represents the second fiction. Furthermore, the article describes the mechanism of the return (retroactive action) of fictions into social reality through the actions of those in power. Stigmatization of the socio-psychological traits of the majority of the population generates stigmatization of the motives underlying their behavior. The perception of the Russian population as a homogeneous mass leads to neglecting unique social conditions of individual groups, including rather large ones, within political action. In addition, the structure of the ideological discourse formed by elite and counter-elite groups imposes restrictions on the possibilities of applying the experience of Soviet public administration. This is especially true in the field of spiritual production.

Keywords: fiction, objective appearance, ideological discourse, social conditioning, political parties.

To cite:

Kozyrev M.S. [Fictions in the ideological discourse of modern Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 2, pp. 259–271 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-259-271>, EDN: JPANKJ

Введение

Идеологический дискурс представляет собой крайне многогранный и неоднозначный объект научного анализа. С одной стороны, зачастую идеология не признается как мало-мальски приличный источник информации о социальной реальности. Вполне обоснованно идеологию обвиняют в том, что она является средством психологического манипулирования, прикрытием классового эгоизма тех или иных социальных групп, легитимизации захвата и удержания политической власти и т.п. Закономерно, что, выступая в таком качестве, ей отказывают в статусе основы знаний об объективной реальности и в итоге на нее вешают ярлык «ложного сознания». С другой стороны,

неоспорим факт объективной обусловленности идеологии. Она не появляется из ничего, она порождается социальной действительностью и вплетается в последнюю. Идеологический дискурс стал неотъемлемой и всепроникающей частью современного общественного производства. Призывы к деидеологизации вряд ли избегут справедливых упреков в ангажированности и латентном лоббировании своих политических интересов (само отрицание идеологии является идеологическим конструктом).

Уместно также упомянуть описание идеологического дискурса как дорожной карты, метафорического представления реальности. В противном случае наивные и неоправданные ожидания буквального и рационального повествования о делах посюстороннего мира приводят к

фрустрации, выраженной формулой «идеология лжет!».

К сказанному можно добавить то, что идеологические конструкции становятся объектом критики со стороны конкурентов по рискованному политическому «бизнесу». Однако разоблачение чьей-то идеологической позиции в этом случае осуществляется на основе другой идеологической позиции, которая также может быть разоблачена (парадокс Маннгейма). Любой исследователь, заявляющий о предельной беспристрастности, не сможет остаться чисто плотным и нейтральным в этом вопросе. Все попытки анализа идеологий так или иначе идеологически предубеждены. Но из гносеологической ограниченности человеческого сознания не следует то, что мы должны оставить попытки исследования идеологического дискурса, так же как технико-инструментальная ограниченность, например, микроскопа не приводит к табуированию микробиологии как сферы научных изысканий.

Обозначенные выше сложности и неоднозначности не являются принципиальным препятствием для отечественных и зарубежных ученых. Это научное поле, казалось бы, достаточно хорошо освоено. Тем не менее, метаморфозы общественной жизни, равно как и рост научного знания, приводят к появлению новых исследовательских ниш, которым в полной мере не находится места в прежних теориях.

В этой связи автор ставит цель осветить ряд малоизученных областей современного российского идеологического дискурса, а именно вопросы использования фикций (иллюзий) и их социальной обусловленности.

Методы и методология

Методологической основой исследования являются наработки К. Маркса (объективная видимость, превращенная форма) [Маркс К., 1987], М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского (принцип объективной ошибки) [Мамардашвили М.К., 1990; Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М., 1982], С. Жижика (идеологический фантазм) [Жижик С., 2003], Ю.А. Разинова и других ученых [Разинов Ю.А., 2002].

Суть их разработок заключается в том, что в процессе общественного производства происходит овеществление некоторых социальных

отношений (превращенная форма), которое приводит к появлению фикций, ложного сознания, несуществующих как объектов материального мира или явлений в классическом их понимании, но имеющих вполне реальные последствия. При этом они объективно обусловлены и их нельзя отбросить как нечто субъективно-ошибочное после соответствующих разъяснений. Участники общественных отношений зачастую прекрасно осведомлены об ошибке (фикции), но действуют так, как будто она была бы истиной. А ее отсутствие сделало бы невозможным существование общественных отношений в том виде, в котором мы их наблюдаем. Социальная действительность поддерживается авгуровой верой «как если бы», и как только публично раскрывается секрет Полишинеля, структура социального пространства распадается. Как сказал Слотердаjk: «Они знают, что делают, но тем не менее делают это, поскольку действовать так их принуждает положение вещей и не заглядывающий далеко инстинкт самосохранения» [Слотердаjk П., 2001, с. 27]. Разоблачение и срывание масок здесь не сработает. Для иллюстрации сказанного можно привести несколько примеров.

Так, Маркс говорит о потребительной или меновой стоимости, которые он относит к превращенной форме. Эти стоимости не существуют в том смысле, в котором существуют форма, масса, цвет или запах товара. Они представляют собой «овеществленный» результат товарно-денежных отношений [Маркс К., 1987, с. 69]. При этом разоблачение этой видимости ровным счетом ничего не меняет как для повседневной человеческой практики, так и для научного познания (в экономико-математических моделях). Или же можно воспроизвести пример с королем, «которого играют придворные». Всем кажется, что король «делает» придворных, определяет их поведение, но на самом деле вера придворных «делает» короля. «Возвращение» в реальность этой иллюзии происходит, когда последний начинает казнить, миловать и награждать своих придворных [Маркс К., 1987, с. 57; Разинов Ю.А., 2002, с. 136]. По сути для Маркса такая объективная видимость и есть идеология.

Схожая ситуация с деньгами, чья действительность поддерживается исключительно верой людей в их ценность (особенно это касается

электронной валюты), хотя они не обладают потребительной стоимостью. Используя деньги, индивиды прекрасно понимают, что в них нет ничего магического, что они лишь символическое выражение общественных отношений. Однако люди ведут себя так, как будто бы деньги воплощали действительное богатство [Жижек С., 1999, 2003].

Другим примером может служить кажущееся вращение Солнца вокруг Земли. Осознание и понимание ложности данной интерсубъективности не мешает нам использовать ее для ориентации в пространстве. Более того, вне описываемой иллюзии деление на части света (юг, север, запад, восток) лишено всякого смысла. К слову, для астрономической науки это движение является материалом наблюдения, который служит для определения законов мироздания [Мамардашвили М.К., 1990, с. 273].

Во всех приведенных примерах объективные видимости становятся стержнем многих социальных институтов (экономических, правовых, научных и т.д.). Фикции (иллюзии) вплетаются в реальность и становятся реальными по последствиям.

Можно, таким образом, констатировать, что фикция (объективная видимость, идеологический фантазм) представляет собой определенный иллюзорный мировоззренческий комплекс, чье появление обусловлено противоречиями реальных общественных отношений. Сущность его иллюзорности в том, что он не является буквальным и прямым отражением действительности. Фактически фикция существует только в сознании и находят свое выражение в идеологии, а идеологический дискурс зачастую строится на взаимодействии этих фикций, их дискурсивном обмене. Утверждение того, что идеология состоит исключительно из фикций, будет огульным и поспешным, но весомость их присутствия не подлежит сомнению. Не существует какой-то особой идеологии, очищенной от подобных иллюзий, которые являются ее неизменным атрибутом.

У обозначенных методологических посылок есть ряд следствий. В частности, раз фикции, видимости объективно обусловлены, то на основе их анализа можно установить закономерности их появления и связь с действительностью. Игнорирование представлений или мнений только потому, что они кажутся глупыми

или ложными (иногда таковыми являются), будет научно недопустимым поведением. Мнения и представления столь же необходимый материал наблюдения для социальных исследований, как мнимое вращение Солнца вокруг Земли для астрономических.

Помимо этого, необходимо учитывать не только влияние объективной реальности на представления, но и представлений на реальность. И неважно насколько они фантастичны или оторваны от реальности и насколько это осознается их носителями. Если представления выполняют свою функцию, отвечают потребностям и соответствуют классовому интересу тех или иных групп, то остальное не имеет значения.

Источником анализируемой информации выступили публикации представителей политических партий (статьи и интервью в периодических изданиях, доклады, политические программы, Послания Президента РФ), на легальной основе участвующих в идеологическом дискурсе («Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР, «Яблоко»).

Результаты и обсуждение

Одна из частых и значимых тем современного отечественного идеологического дискурса – это советская эпоха, спектр оценок которой весьма велик.

Со стороны представителей «Единой России» характеристики советского периода в большинстве своем негативные. Так, СССР обвиняется в подавлении естественных, рыночных начал и свобод человека, пренебрежении интересами людей, неэффективности, косности [Грызлов В.Б., 2007; Медведев Д.А., 2009; Послание Президента РФ, 2016; Путин В.В., 2012b; Сурков В.Ю., 2006], а Октябрьская революция стала событием, которое «невозможно забыть и оправдать» [Матвиенко В.И., 2017; Путин В.В., 2012c]. В противовес официальной советской идеологии ему отказывают в статусе ключевого события (рождение нового мира). Большевики, по мнению партии, ради захвата власти предали страну [Мединский В., 2017; Путин В.В. 2012c], но вина за жертвы революции и Гражданской войны возлагается как на «красных», так и на «белых», хотя «обеими сторонами двигал патриотизм» [Матвиенко В.И., 2017; Мединский В., 2015; Президент

России..., 2017]. Октябрьская революция представляется рядовым историческим событием, которое не прерывало традиции российской государственности.

Аналогичное отношение к революции Октября 1917 года как ординарному явлению обнаруживается у представителей КПРФ с той лишь разницей, что они считают эту революцию практически бескровной, поскольку советская власть утвердилась в основном мирным путем. Зачинщиками Гражданской войны стали февральские либералы, подталкиваемые государствами Антанты [Зюганов Г.А., 2017а].

Советский Союз и его достижения Коммунистической партией оцениваются положительно. Любопытно, что СССР представляется продолжателем «естественной» геополитической традиции Российской Империи [Зюганов Г.А., 2012, с. 26–28; Зюганов Г.А., 2021; Зюганов Г.А., 2017а]. Ответственность за крушение советского строя возлагается на «антисоветски настроенное меньшинство при участии переродившихся и вставших на путь предательства чиновников и силовиков» [Зюганов Г.А., 2016, 2017].

Отношение к Советской власти у партии «Справедливая Россия» двоякое. Можно обнаружить как признание ее заслуг, так и обвинения в неконкурентоспособности с рыночными экономиками, неспособности удовлетворить человеческие нужды и в том, что она «запятнала святую социальную идею кровью» [Миронов С.М., 2017а, с. 18–19, 57, 62; Миронов С.М., 2011, с. 148; Миронов С.М., 2017б].

Представление об Октябрьской революции в целом схоже с тем, что продемонстрировала «Единая Россия», т.е., в конечном итоге, это узурпация власти большевиками во главе с агрессивным и хитроумным Лениным [Миронов С.М., 2017а, с. 41–42; Миронов С.М., 2014, с. 79–86]. Как следствие такой идейной позиции, революционный способ социальных изменений отвергается (лимит революций Россия исчерпала) [Миронов С.М., 2017б].

Со стороны Либерально-демократической партии России Советский Союз оценивается в большинстве своем отрицательно (антихристовый, безнравственный, несоответствующий человеческой природе, разоривший население, с некомпетентным управлением [Жириновский В.В., Сидоров М.Н., 2007, с. 33, 73; Сквозь

пространство..., 2023]) с редким указанием того, что были и позитивные моменты [Жириновский В.В., Сидоров М.Н., 2007, с. 91]. Отношение к революции Октября 1917 года негативное [Владимир Жириновский...2017, 2014], распространяемое на все революции вообще, которые «есть следствие насильственно подавляемой эволюции» [Жириновский В.В., Сидоров М.Н., 2007, с. 5]. События 1917 года разрушили «этногеополитическое тело Российской империи», которое смог восстановить в той или иной мере И.В. Сталин [ЛДПР...2009, с. 80].

Советская эпоха, с точки зрения партии «Яблоко», рассматривается как отклонение от европейского пути развития (в азиатчину) [Коган-Ясный В.В., 2016, с. 34, 83; Россия: история и современность..., 2023, с. 42] и упрекается во лжи, подавлении свобод, репрессиях и массовых убийствах [Явлинский Г.А., 2018, с. 4, 85, 91–94; Явлинский Г.А., 2022, с. 15; Историческое знание..., 2014, с. 46.]. Закономерно, что Октябрь 1917 года обозначается исключительно как переворот, в ходе которого большевики узурпировали власть у легитимного Временного правительства [Историческое знание..., 2014, с. 37; Коган-Ясный В.В., 2016, с. 57; Россия: история и современность..., 2023, с. 42; Явлинский Г.А., 2011].

Отвергается не только революция Октября 1917 года, неизбежность которой отрицается, но и вообще идея революции (лимит на революционное преобразование России полностью исчерпала [Историческое знание..., 2014, с. 36;]). Однако мирный протест при определенных условиях приветствуется. Основное препятствие к полному принятию протеста — это опасения того, «чтобы лидеры протеста ... снова не повели страну в какую-нибудь новую азиатчину» [О Европейском пути..., 2014, с. 6].

Противоречивые, утрированные и шаблонные оценки советской эпохи со стороны указанных политических партий далеки от объективных и беспристрастных. Собственно, наивно было бы ожидать в подобных случаях идеологической нейтральности (стремление к таковой) профессионального историка. Что дает основание причислить проанализированные исторические интерпретации советского периода к фикциям. Их отношение к истине и осознание произвольности оценок не имеет никакого значения. Скорее всего, любое указание на несоот-

ветствие надежно установленным исторической наукой фактам будет проигнорировано.

Объективные основания появления данной фикции обусловлены стремлением идеологически закрепить существующее положение социальных групп и обосновать их претензии в политической борьбе. Так, «Единая Россия» как представительницы правящей элиты не заинтересована в революционных трансформациях, и ее задача — прочно ассоциировать себя с тысячелетней традицией российского государства. Аналогичная задача у легальной оппозиции — КПРФ, СР и ЛДПР — как у групп, занявших свои политические ниши и претендующих на их расширение за счет конкурентов. Преимущественно положительная оценка СССР со стороны коммунистов обусловлена их ориентацией на те электоральные группы, в которых ностальгия по Советскому Союзу является устойчивым паттерном.

Что же касается «Яблока», то ее однозначная антисоветская позиция обусловлена тем, что она самая советская партия из всех, как бы парадоксально это ни звучало. Идеология партии — это во многом перевернутая с ног на голову официальная идеология СССР. Соответственно, демонизация советской эпохи «Яблоку» нужна для идейного разрыва с «материнским телом», для самоутверждения путем противопоставления, в котором «плюс» меняется на «минус». Возможно, неоправдавшиеся завышенные ожидания, порожденные интенсивной вертикальной социальной мобильностью в Советском Союзе, стали социально-психологическим базисом идейных построений этой либеральной партии.

Теперь попробуем проанализировать в качестве фикции отечественного идеологического дискурса понятие народ (народные массы, население).

Для «Единой России» характерно положительное отношение к населению (народу), что выражается в приписывании ему неиссякаемого творческого потенциала [Послание Президента РФ, 1996], отсутствии традиции пессимизма [Послание Президента РФ, 1999] и позиционировании его как главного источника развития страны [Послание Президента РФ, 2004]. Вместе с тем в других публикациях у населения отмечается дефицит взаимного доверия, подозрительность, слабая способность к самоорга-

низации и наплевательское отношение к интересам других [Русская политическая культура..., 2007, с. 33], инфантилизм, безответственность, завышенные амбиции и неумение адаптироваться к требованиям времени [Путин В.В., 2012d; Медведев Д.А., 2009; Сурков В.Ю., 2007; Медведев Д.А., 2013; Послание Президента РФ..., 2020; Путин В.В., 2012e], неадекватное восприятие действительности [Орлов Д.И., 2005, 2010].

При характеристике большинства населения лидером КПРФ отмечаются его положительные качества: миролюбивость, терпеливость, незлобивость, колоссальный творческий потенциал [Зюганов Г.А., 2023; Зюганов Г.А., 2012, с. 77]. Однако указывается, что общественное сознание российского народа было подвергнуто массовой пропаганде, воздействие которой только в последние годы теряет свою эффективность вследствие когнитивного сопротивления реципиентов [Зюганов Г.А., 2012, с. 93, 103; Зюганов Г.А., 2021]. Результатом как манипулирования сознанием, так и социально-экономических реформ стали растерянность, разочарования, отсутствие достойных идейно-нравственных идеалов у российских граждан. По каким-то причинам сами граждане сформировать или выбрать достойные идеалы не смогли [Зюганов Г.А., 2012, с. 57, 76, 88–89; Зюганов Г.А., 2009, Зюганов Г.А., 2017b].

В глазах представителей партии «Справедливая Россия» россияне патриотичны, терпеливы, сознательны, демократичны, активны и талантливы [Миронов С.М., 2016, с. 18–19; Левичев Н.В., 2016, с. 42; Миронов С.М., 2017с, с. 9–12; Миронов С.М., 2011, с. 106–107]. Но при этом имеются обвинения россиян в пассивности [Миронов С.М., 2011, с. 133], разобщенности и малограмотности [Миронов С.М., 2016, с. 4], а также чиновничества [Миронов С.М., 2011, с. 140]. Помимо указанного звучат скрытые упреки в легковерии, подверженности влиянию чужеродных идей и, соответственно, неспособности самостоятельно мыслить [Миронов С.М., 2017с, с. 87; Миронов С.М., 2024, с. 61].

Представителями ЛДПР народу приписываются рабское сознание, иррациональность, неспособность к адекватному оцениванию ситуации, политический инфантилизм [Жириновский В.В., Сидоров М.Н., 2007, с. 20, 65, 78;

Жириновский В.В., 2000, с. 9, 52, 65; Уроды, 2011, с. 111], нежелание идти на компромисс [Жириновский, Сидоров, 2007, с. 91–92], легкомыслие и равнодушие [ЛДПР..., 2011, с. 22]. Хотя, объективности ради, стоит привести и положительные характеристики населения. Так, народ в России отзывчивый, терпимый, толерантный, стойкий [Жириновский В.В., Сидоров М.Н., с. 44, 126], честный, порядочный и доверчивый [Уроды, 2011, с. 22, Жириновский В.В., Сидоров М.Н., с. 17–18].

Отношение к большей части населения России у «Яблока», как и в предыдущих случаях, двойственно. С одной стороны, можно наблюдать признание талантов русского народа [Явлинский Г.А., 2018, с. 54; Историческое знание как..., 2014, с. 41], гражданской активности населения [Либеральные ценности..., 2015, с. 113, 211], демократичности [Вишневский Б., 2018, с. 213–214]. С другой — российское общество рисуется прямо-таки эсхатологически мазками, т.е. граждане РФ разобщены, закрепошены, пошлы, недоверчивы, внушаемы, неспособны критически мыслить, подспудно поощряют политику войны и агрессии, коррупции и воровства, инфляции и полицейщины [Явлинский Г.А., 2018, с. 97; Историческое знание как..., 2014, с. 38; Вишневский Б., 2018, с. 169–170, 178, 231; Либеральные ценности..., 2015, с. 42; Коган-Ясный В.В., 2016, с. 27, 38, 50–51; О Европейском пути..., 2014, с. 25–26; Россия: история..., 2023, с. 44].

Фиктивным в данных описаниях народа является то, что такого субъекта с такими характеристиками (как положительными, так и отрицательными) попросту не существует. Российское общество разнородно, оно состоит из совершенно непохожих друг на друга социальных групп, качеств которых в анализируемых публикациях дается хоть и противоречивая, но однообразная оценка.

Оснований подозревать, что элитарные и контрэлитарные группы в силу своей якобы интеллектуальной неполноценности не в состоянии увидеть этот очевидный факт, у нас нет. Ведь эти группы обладают весьма высоким квалификационным капиталом, пускай даже он акцентирован на сфере политического производства. Следовательно, такая иллюзорная конструкция, существующая только в сознании, функционально нагружена стремлением элиты

и контрэлиты социально выделить себя и обосновать (оправдать) свое привилегированное положение. В конце концов, принятие непопулярных решений, притеснение и эксплуатация становятся психологически более легкими и этически допустимыми, если демонизировать объект подобного воздействия.

Заключение

Итак, в современном российском идеологическом дискурсе обнаруживаются две фикции (иллюзии): советская эпоха и массы (народ, население). Их объективным основанием является стремление к легитимизации и стабилизации социального пространства. Кроме того они выступают в качестве средства элитарной (контрэлитарной) самоидентификации и классовообразования. В первом случае конструируется прошлое, во втором — общность с идентичными чертами в неоднородном российском социуме.

Элитарные и контрэлитарные группы, представленные указанными партиями, занимают привилегированное положение в российском обществе. Поэтому советский революционный нарратив ими тем или иным образом отвергается, как несоответствующий стремлению сохранить, законсервировать существующую социальную структуру. Их положение на вершине социальной пирамиды стало объективным основанием появления описываемых идеологических конструктов. Помимо этого, социальная замкнутость, отсутствие систематических контактов с представителями иных социальных групп (оторванность от народа), концентрация их деятельности в сфере политического производства (профессионализация политики) становится дополнительной причиной «демонизации» населения. В этом смысле данные идеологические фантазмы становятся закономерным явлением общественного производства современной России.

Однако фикции могут вернуться (и возвращаются) в реальность через поступки власти предержавших. Так, стигматизация социально-психологических качеств большинства населения порождает стигматизацию мотивов их поведения. Упрощаются мысли, поступки и желания людей. Все это приводит к примитивизации государственного управления. Кроме того, восприятие населения России как однородной мас-

сы приводит к отказу учитывать в политическом действии уникальные социальные условия отдельных групп, в том числе весьма многочисленных.

Ощущения несправедливости и социовитальные депривации многих социальных агентов в нашей стране приводят к постоянному символическому возвращению в СССР, на которое элитарным группам придется реагировать. Однако пределы реакций последних заданы структурой идеологического дискурса (нельзя апеллировать к опыту неэффективных предателей большевиков, поправших естественные потребности человека). Любые попытки реинкарнировать практику советского публичного управления, в том числе в сфере духовного производства, будут наткнуться на обвинения в лицемерии, возрождении авторитаризма, репрессивной политики и иных грехах предшествующего социального порядка.

Список литературы

- Вишневский Б.* Невосторженный образ мыслей. Статьи, выступления, интервью 2015-2018 годов. М.: РОДП «Яблоко», 2018. 268 с.
- Владимир Жириновский:* Любая революция — это насилие. Лидер ЛДПР высказался о 100-летию Октябрьской революции // Комсомольская правда. 2017. 3 ноября. URL: <https://www.kp.ru/daily/26752/3782385/?ysclid=lqeu gtt5u514208615> (дата обращения: 14.06.2025).
- Владимир Жириновский:* Октябрьская революция поставила совершенно нереальные цели // Парламентская газета. 2014. 6 ноября. URL: <https://www.pnp.ru/opinions/2014/11/06/vladimir-zhirinovskiy-oktyabrskaya-revoluciya-postavila-sovershenno-nerealnye-celi.html?ysclid=lqf20483wff223766367> (дата обращения: 14.06.2025).
- Грызлов Б.В.* Две партии в одной // Независимая газета. 2007. URL: http://www.ng.ru/ideas/2007-07-20/7_2part.html (дата обращения: 14.06.2025).
- Жижек С.* 13 опытов о Ленине. М.: Ад Маргинем, 2003. 254 с.
- Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 235 с.
- Жириновский В.В.* Отомстим за Россию! М.: Издание Либерально-демократической партии России, 2000. 176 с.
- Жириновский В.В., Сидоров М.Н.* Политика и экономика для России. М.: Издание Либерально-демократической партии России, 2007. 160 с.
- Зюганов Г.А.* Выполнить волю народа — сменить курс (открытое письмо Президенту Российской Федерации В.В. Путину) // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2021. № 3(50). С.6–14. EDN: OYYNKT
- Зюганов Г.А.* Идеология предателей // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2016. № 2(29). С. 132–140. EDN: WZKVEN
- Зюганов Г.А.* Коммунисты 21. М.: Алгоритм, 2012. 254 с.
- Зюганов Г.А.* О задачах партии по борьбе с антисоветизмом и русофобией // Доклад на мартовском 2017 года Пленуме ЦК КПРФ. 2017а. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/163613.html?ysclid=lqdddp68ck433592923> (дата обращения: 14.06.2025). EDN: WXLWTU
- Зюганов Г.А.* О ситуации в отечественном образовании // Официальный сайт Коммунистической партии Российской Федерации. 2021. 9 декабря. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/207211.html?ysclid=m0puymb153p60454212> (дата обращения: 14.06.2025).
- Зюганов Г.А.* Правда и ложь в зеркале кризиса // Официальный сайт Коммунистической партии Российской Федерации. 2009. 6 февраля. URL: https://kprf.ru/rus_soc/63522.html (дата обращения: 14.06.25).
- Зюганов Г.А.* Сражаясь за русский мир // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2023. № 3-4(58-59). С. 19–42. EDN: FYLPSY
- Зюганов Г.А.* Подвиг социализма (к 100-летию великой октябрьской социалистической революции) // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2017б. № 2(33). С. 6–24. EDN: ZHDFQN
- Историческое знание как фактор развития / под ред. Г.М. Михалевой, В.Л. Шейниса. М.: РОДП «Яблоко», 2014. 160 с.
- Коган-Ясный В.В.* Частное мнение о России в трудном поиске смысла. М.: РОДП «Яблоко», 2016. 100 с.
- ЛДПР. Другой взгляд на историю / общ. ред. В.В. Жириновского. М.: Издание Либерально-демократической партии России, 2009. 112 с.
- УРОДЫ / Либерально-демократическая партия России; общ. ред. В.В. Жириновского. М.: Издание ЛДПР, 2011. 80 с.
- Левичев Н.В.* Политический дневник 2015: статьи, выступления, комментарии, интервью Председателя Совета Палаты депутатов партии Справедливая Россия. Москва: Ключ-С, 2016. 254 с.
- Либеральные ценности и консервативный тренд в европейской политике и обществе / под ред. Г.М. Михалевой. М.: РОДП «Яблоко», 2015. 232 с.

Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 414 с. EDN: SSWZKV

Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. Иерусалим: Малер, 1982. 217 с.

Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч.: В 9 т. Т. 7. М.: Политиздат, 1987. 811 с.

Матвиенко В.И. Вспоминаем в прошлое, чтобы лучше видеть будущее // Известия. 2017. 7 ноября. URL: <https://iz.ru/667716/vsmatrivaemsia-v-proshloe-chtoby-luchshe-videt-budushchee> (дата обращения: 14.06.2025).

Медведев Д.А. Время простых решений прошло // Ведомости. 2013. 26 сентября. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2013/09/27/vremya-prostyh-reshenij-proshlo> (дата обращения: 14.06.2025). EDN: RFYEJZ

Медведев Д.А. Россия, вперед! // Официальный сайт Президента России. 2009. 10 сентября. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/5413> (дата обращения: 14.06.2025).

Мединский В. Документ дня: Платформа национального примирения России // Lenta.ru. 2015. 20 мая. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/05/20/medinskyvoice/> (дата обращения: 19.12.2023).

Мединский В. Если дело доходит до революции, значит, все участвующие стороны что-то делают не так»: Владимир Мединский в интервью «Ъ FM» // Радио «Ъ FM». 2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3254527?ysclid=lqc3tkmkcu967383261> (дата обращения: 14.06.2025).

Миронов С.М. В интересах народа. Москва: Ключ-С, 2011. 440 с. ISBN: 978-5-93136-144-4 EDN: QPSLBN

Миронов С.М. В трудное время вместе с народом: избранные статьи, выступления, интервью председателя политической партии Справедливая Россия, (2015). Москва: Ключ-С, 2016. 320 с.

Миронов С.М. От февраля к октябрю 1917-го: уроки и выводы. Москва: Ключ-С, 2017. 72 с.

Миронов С.М. Только вперед: избранные статьи, выступления, интервью Председателя Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (2013). Москва: Ключ-С, 2014. 240 с.

Миронов С.М. Доклад на заседании Центрального совета партии «Справедливая Россия» // Официальный сайт Сергея Миронова. 2017. URL: <https://mironov.ru/vystupleniya/doklad-sergeya-mironova-na-zasedanii-tsentralnogo-soveta-partii-sr/?ysclid=lqdotbepty994683818> (дата обращения: 14.06.2025).

Миронов С.М. Наша цель создание сильного социального государства: по материалам выступ-

лений 2023 г. / С. М. Миронов; отв. ред. В. Н. Шевченко. Москва: Ключ-С, 2024. 168 с.

Миронов С.М. Социальная стратегия партии: проверено жизнью: избранные статьи, выступления, интервью Председателя Политической партии Справедливая Россия. Москва: Ключ-С, 2017. 312 с.

О Европейском пути России. (Под ред. Г.М. Михалевой). М.: РОДП «Яблоко», 2014. 56 с.

Орлов Д.И. Консервативная модернизация – 2010: конфигурация власти и новая политическая повестка дня // 2010. URL: <http://www.regnum.ru/news/1241073.html> (дата обращения: 14.06.2025).

Орлов Д.И. Легитимация итогов приватизации в России. Аналитический доклад // АПЭК. 2005. URL: http://www.apecom.ru/news_article.php?id=73_0_4_0 (дата обращения: 14.06.2025).

Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978/ (дата обращения: 14.06.2025).

Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 14.06.2025).

Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 23.02.1996. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=212270&rnd=235642.301634584#0> (дата обращения: 14.06.2025).

Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.05.2004. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=47851&rnd=235642.251522697#0> (дата обращения: 14.06.2025).

Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.03.1999. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=22536&rnd=235642.1011415193#0> (дата обращения: 14.06.2025).

Президент России Владимир Путин провел встречу с членами Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. 2017. 30 октября. URL: <http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/read/4223/> (дата обращения: 14.06.2025).

Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html> (дата обращения: 14.06.2025).

Путин В.В. Демократия и качество государства. Владимир Путин о развитии демократиче-

ских институтов в России // Газета «Коммерсантъ». 2012. 6. февраля. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753> (дата обращения: 14.06.2025).

Путин В.В. Путин обвинил большевиков в национальном предательстве // Известия. 2012. 27 июня. URL: <https://iz.ru/news/528739> (дата обращения: 14.06.2025).

Путин В.В. Россия сосредотачивается вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 2012. 16 января. URL: <http://izvestia.ru/news/511884#top> (дата обращения: 14.06.2025).

Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. 2012. 13 февраля. URL: <http://www.kp.ru/daily/3759/2807793/> (дата обращения: 14.06.2025).

Разинов Ю.А. Я как объективная ошибка. Самара: Изд-во Самарского университета, 2002. 260 с.

Россия: история и современность. Лекции в Партийном университете. Право, политические процессы, общество, образование и культура, внешняя и оборонная политика / под ред. Г.М. Михалевой. М.: РОДП «Яблоко», 2023. 304 с.

Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Лекция Владислава Суркова. Материалы обсуждения в «Независимой газете». М.: Независимая Газета, 2007. 96 с.

Сквозь пространство и время // За русский народ. 2023. № 1-2 (98-99). С. 18–19.

Слотердаик П. Критика цинического разума. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 584 с.

Сурков В.Ю. Основные тенденции и перспективы развития современной России. Полит.ру. 2007. 23 января. URL: <http://polit.ru/article/2007/01/23/surkov> (дата обращения: 14.06.2025). ISBN: 5-8323-0410-1 EDN: QPEUAJ

Сурков В.Ю. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. Росбалт. 2006. 09 марта. URL: <https://www.rosbalt.ru/main/2006/03/09/246302.html> (дата обращения: 14.06.2025). ISBN: 5-9710-0085-3 EDN: QOFLCB

Явлинский Г.А. Главное. Основные публикации Григория Явлинского в 2017–2018 годах. М.: РОДП «Яблоко», 2018. 176 с.

Явлинский Г.А. Ложь и легитимность // 2011. URL: <https://www.yavlinsky.ru/article/lozh-i-legitimnost/> (дата обращения: 21.09.2024).

Явлинский Г.А. ПРИЧИНЫ. Почему и как появилась политическая система, приведшая к 24 февраля 2022 года. М.: Медиум, 2022. 80 с.

References

Gryzlov, B.V. (2007). [Two political parties in one]. *Nezavisimaya gazeta*. Available at: http://www.ng.ru/ideas/2007-07-20/7_2part.html (accessed 14.06.25).

Kogan-Yasnyy, V.V. (2016). *Chastnoe mnenie o Rossii v trudnom poiske smysla* [Private opinion about Russia in a difficult search for meaning]. Moscow: RODP «Yabloko» Publ., 100 p.

Levichev, N.V. (2016). *Politicheskiy dnevnik 2015: stat'i, vystupleniya, kommentarii, interv'yu Predsedatelya Soveta Palaty deputatov partii Spravedlivaya Rossiya* [Political diary 2015: articles, speeches, comments, interviews of the Chairman of the Council of the Chamber of Deputies of the Fair Russia Party]. Moscow: Klyuch-S Publ., 254 p.

Mamardashvili, M.K. (1990). *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How do I understand philosophy]. Moscow: Progress Publ., 414 p.

Mamardashvili, M.K. and Pyatigorskiy, A.M. (1982). *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke* [Symbol and consciousness. Metaphysical discussions about consciousness, symbolism, and language]. Jerusalem: Maler Publ., 217 p.

Marx, K. (1987). [Capital]. *Marks K., Engel's F. Izbrannye sochineniya: v 9-ti t.* [Marx K., Engels F. Selected works: in 9 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 7, 811 p.

Matvienko, V.I. (2017). [We look into the past to see the future better]. *Izvestiya*. Nov. 7. Available at: <https://iz.ru/667716/vsmatrivaemsia-v-proshlo-chtoby-luchshe-videt-budushchee> (accessed 14.06.25).

Medinskiy, V. (2015). [Document of the day: The Platform for National Reconciliation of Russia]. *Lenta.ru*. May 20. Available at: <https://lenta.ru/articles/2015/05/20/medinskyvoice/> (accessed 19.12.2023).

Medinskiy, V. (2017). [If it comes to a revolution, it means that all the parties involved are doing something wrong": Vladimir Medinsky in an interview with Kommersant FM]. *Radio «Kommersant FM»*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3254527?ysclid=lqc3tkmkcu967383261> (accessed 14.06.25).

Medvedev, D.A. (2013). [The time for simple solutions has passed]. *Vedomosti*. Sept. 26. Available at: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2013/09/27/vremya-prostyh-reshenij-proshlo> (accessed 14.06.25).

Medvedev, D.A. (2009). [Russia, forward!]. *Ofitsial'nyy sayt Prezidenta Rossii* [Official website of the President of Russia]. Sept. 10. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/5413> (accessed 14.06.25).

- Mikhaleva, G.M. (ed.) (2015). *Liberal'nye tsennosti i konservativnyy trend v evropeyskoy politike i obschestve* [Liberal values and the conservative trend in European politics and society]. Moscow: RODP «Yabloko» Publ., 232 p.
- Mikhaleva, G.M. (ed.) (2014). *O Evropeyskom puti Rossii* [About Russia's European path]. Moscow: RODP «Yabloko» Publ., 56 p.
- Mikhaleva, G.M. (ed.) (2023). *Rossiya: istoriya i sovremennost'. Lektsii v Partiyenom universitete. Pravo, politicheskie protsessy, obschestvo, obrazovanie i kul'tura, vneshnyaya i oboronnaya politika* [Russia: history and modernity. Lectures at the Party University. Law, political processes, society, education and culture, foreign and defense policy]. Moscow: RODP «Yabloko» Publ., 304 p.
- Mikhaleva, G.M. and Sheynis, V.L. (2014). *Istoricheskoe znanie kak faktor razvitiya* [Historical knowledge as a factor of development]. Moscow: RODP «Yabloko» Publ., 160 p.
- Mironov, S.M. (2024). *Nasha tsel' sozdanie sil'nogo sotsial'nogo gosudarstva: po materialam vystupleniy 2023 g.* [Our goal is to create a strong welfare state: based on the materials of the speeches in 2023]. Moscow: Klyuch-S Publ., 168 p.
- Mironov, S.M. (2017). *Ot fevralya k oktyabryu 1917-go: uroki i vyvody* [From February to October 1917: lessons and conclusions]. Moscow: Klyuch-S Publ., 72 p.
- Mironov, S.M. (2017). [Report at the meeting of the Central Council of the Fair Russia Party]. *Ofitsial'nyy sayt Sergeya Mironova* [Official website of Sergey Mironov]. Available at: <https://mironov.ru/vystupleniya/doklad-sergeya-mironova-na-zasedanii-tsentralnogo-soveta-partii-sr/?ysclid=lqdot6epty994683818> (accessed 14.06.25).
- Mironov, S.M. (2017). *Sotsial'naya strategiya partii: provereno zhizn'yu: izbrannye stat'i, vystupleniya, interv'yu Predsedatelya Politicheskoy partii Spravedlivaya Rossiya* [The party's social strategy: tested by life: selected articles, speeches, interviews of the Chairman of the Just Russia Political Party]. Moscow: Klyuch-S Publ., 312 p.
- Mironov, S.M. (2014). *Tol'ko vpered: izbrannye stat'i, vystupleniya, interv'yu Predsedatelya Politicheskoy partii Spravedlivaya Rossiya (2013)* [Only forward: selected articles, speeches, interviews of the Chairman of the JUST RUSSIA Political Party]. Moscow: Klyuch-S Publ., 240 p.
- Mironov, S.M. (2011). *V interesakh naroda* [In the interests of the people]. Moscow: Klyuch-S Publ., 440 p.
- Mironov, S.M. (2016). *V trudnoe vremya vmeste s narodom: izbrannye stat'i, vystupleniya, interv'yu predsedatelya politicheskoy partii Spravedlivaya Rossiya (2015)* [In difficult times, together with the people: selected articles, speeches, interviews by the chairman of the Just Russia political party (2015)]. Moscow: Klyuch-S Publ., 320 p.
- Orlov, D.I. (2010). *Konservativnaya modernizatsiya - 2010: konfiguratsiya vlasti i novaya politicheskaya povestka dnya* [Conservative modernization - 2010: the configuration of power and the new political agenda]. Available at: <http://www.regnum.ru/news/1241073.html> (accessed 14.06.25).
- Orlov, D.I. (2005). *Legitimizatsiya itogov privatizatsii v Rossii. Analiticheskiy doklad* [Legitimization of the results of privatization in Russia. Analytical report]. Available at: http://www.apecom.ru/news_article.php?id=73_0_4_0 (accessed 14.06.25).
- Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 23.02.1996* [Presidential Address to the Federal Assembly dated February 02, 1996]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=212270&rnd=235642.301634584#0> (accessed 14.06.25).
- Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 30.03.1999* [Presidential Address to the Federal Assembly dated March 30, 1999]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=22536&rnd=235642.1011415193#0> (accessed 14.06.25).
- Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 26.05.2004* [Presidential Address to the Federal Assembly dated May 26, 2004]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=47851&rnd=235642.251522697#0> (accessed 14.06.25).
- Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 01.12.2016* [Presidential Address to the Federal Assembly dated December 01, 2016]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978/ (accessed 14.06.25).
- Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 15.01.2020* [Presidential Address to the Federal Assembly dated January 01, 2020]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (accessed 14.06.25).
- Prezident Rossii Vladimir Putin provel vstrechu s chlenami Soveta po razvitiyu grazhdanskogo obschestva i pravam cheloveka* (2017) [Russian President Vladimir Putin held a meeting with members of the Council for the Development of Civil Society and Human Rights]. *Sovet pri Prezidente Rossijskoy Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obschestva i pravam cheloveka* [Presidential Council for Civil Society and Human Rights]. Oct. 30. Available at: <http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/read/4223/> (accessed 14.06.2025).
- Putin, V.V. (2012). [Being strong: guarantees of national security for Russia]. *Rossiyskaya gazeta*. Feb. 20. Available at:

<http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>
(accessed 14.06.25).

Putin, V.V. (2012). [Building justice. Social policy for Russia]. *Komsomol'skaya pravda*. Feb. 13. Available at: <http://www.kp.ru/daily/3759/2807793/> (accessed 14.06.25).

Putin, V.V. (2012). [Democracy and the quality of the state. Vladimir Putin on the development of democratic institutions in Russia]. *Kommersant*. Feb. 6. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753> (accessed 14.06.25).

Putin, V.V. (2012). [Putin accused the Bolsheviks of national betrayal]. *Izvestiya*. June 27. Available at: <https://iz.ru/news/528739> (accessed 14.06.25).

Putin, V.V. (2012) [Russia is focusing on the challenges that we must respond to]. *Izvestiya*. Jan. 16. Available at: <http://izvestia.ru/news/511884#top> (accessed 14.06.25).

Razinov, Yu.A. (2002). *Ya kak ob'ektivnaya oshibka* [I'm like an objective mistake]. Samara: Samarskiy universitet Publ., 260 p.

Remchukov, K. (ed.) (2007). *Russkaya politicheskaya kul'tura. Vzglyad iz utopii. Lektsiya Vladislava Surkova. Materialy obsuzhdeniya v «Nezavisimoy gazete»* [Russian political culture. A view from utopia. Lecture by Vladislav Surkov. Materials of the discussion in Nezavisimaya Gazeta]. Moscow: Nezavisimaya Gazeta Publ., 2007. 96s.

Skvoz' prostranstvo i vremya (2023). [Through space and time]. *Za russkiy narod*. No. 1-2 (98-99), pp. 18-19.

Sloterdijk, P. (2001). *Kritika tsinicheskogo razuma* [Critique of Cynical Reason]. Yekaterinburg: UrFU Publ., 584 p.

Surkov, V.Yu. (2006). [Sovereignty is a political synonym for competitiveness]. *Rosbalt*. March 9. Available at: <https://www.rosbalt.ru/main/2006/03/09/246302.html> (accessed 14.06.25).

Surkov, V.Yu. (2007). [The main trends and prospects of modern development]. *Polit.ru*. Jan. 23. Available at: <http://polit.ru/article/2007/01/23/surkov> (accessed 14.06.25).

Vishnevskiy, B. (2018). *Nevostorzhenny obraz mysley. Stat'i, vystupleniya, interv'yu 2015-2018 godov* [An uncomplicated way of thinking. Articles, speeches, interviews 2015-2018]. Moscow: RODP «Yabloko» Publ., 268 p.

Yavlinskiy, G.A. (2008). *Glavnoe. Osnovnye publikatsii Grigoriya Yavlinskogo v 2017-2018 godakh* [The main thing. The main publications of Grigory Yavlinsky in 2017-2018]. Moscow: RODP «Yabloko» Publ., 176 p.

Yavlinskiy, G.A. (2011). *Lozh' i legitimnost'* [Lies and legitimacy]. Available at: <https://www.yavlinsky.ru/article/lozh-i-legitimnost/> (accessed 21.09.2024).

Yavlinskiy, G.A. (2022). *PRICHINY. Pochemu i kak poyavilas' politicheskaya sistema, privedshaya k 24 fevralya 2022 goda* [REASONS. Why and how the political system that led to February 24, 2022 appeared]. Moscow: Medium Publ., 80 p.

Zhirinovskiy, V.V. (2000). *Otomstim za Rossiyu!* [Let's take revenge for Russia!]. Moscow: LDPR Publ., 176 p.

Zhirinovskiy, V.V. (2014). [The October Revolution set completely unrealistic goals]. *Parlamentskaya gazeta*. Nov. 6. Available at: <https://www.pnp.ru/opinions/2014/11/06/vladimir-zhirinovskiy-oktyabrskaya-revolyuciya-postavila-sovershenno-nerealnye-celi.html?ysclid=lqf20483wf223766367> (accessed 14.06.25).

Zhirinovskiy, V.V. (2017). [Vladimir Zhirinovskiy: Any revolution is violence. The leader of the LDPR spoke about the 100th anniversary of the October Revolution]. *Komsomol'skaya pravda*. Nov. 3. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26752/3782385/?ysclid=lqeu-gtt5u514208615> (accessed 14.06.25).

Zhirinovskiy, V.V. and Sidorov, M.N. (2007). *Politika i ekonomika dlya Rossii* [Politics and economics for Russia]. Moscow: LDPR Publ., 160 p.

Zyuganov, G.A. (2021). [About the situation in Russian education]. *Ofitsial'nyy sayt KPRF* [Official website of the CPRF]. Dec. 9. Available at: <https://kprf.ru/party-live/cknews/207211.html?ysclid=m0puybl53p60454212> (accessed 14.06.25).

Zyuganov, G.A. (2023). [Fighting for the Russian world]. *Bereginya. 777. Sova: Obschestvo. Politika. Ekonomika* [Bereginya. 777. Sova: Society. Politics. Economy]. No. 3-4 (58-59), pp. 19-42.

Zyuganov, G.A. (2012). *Kommunisty 21* [Communists 21]. Moscow: Algoritm Publ., 254p.

Zyuganov, G.A. (2017). *O zadachakh partii po bor'be s antisovetizmom i rusofobiyey. Doklad na martovskom 2017 goda Plenum TsK KPRF* [About the tasks of the party in the fight against anti-Sovietism and Russophobia. Report at the March 2017 Plenum of the Central Committee of the Communist Party of the Russian Federation]. Available at: <https://kprf.ru/party-live/cknews/163613.html?ysclid=lqdddp68ck433592923> (accessed 14.06.25).

Zyuganov, G.A. (2017). [The feat of Socialism (dedicated to the 100th anniversary of the Great October Socialist Revolution)]. *Bereginya. 777. Sova: Obschestvo. Politika. Ekonomika* [Bereginya. 777. Sova: Society. Politics. Economy]. No. 2 (33), pp. 6-24.

Zyuganov, G.A. (2016). [The ideology of traitors]. *Bereginya. 777. Sova: Obschestvo. Politika. Ekonomika* [Bereginya. 777. Sova: Society. Politics. Economy]. No. 2 (29). pp. 132-140.

Zyuganov, G.A. (2021). [To fulfill the will of the people - to change course (open letter to President of the Russian Federation Vladimir Putin)]. *Bereginya. 777. Sova: Obschestvo. Politika. Ekonomika* [Bereginya. 777. Sova: Society. Politics. Economy]. No. 3(50), pp. 6-14.

Zyuganov, G.A. (2009). [Truth and lies in the mirror of crisis]. *Ofitsial'nyy sayt KPRF* [Official website of the CPRF]. Feb. 6. Available at: https://kprf.ru/rus_soc/63522.html (accessed 14.06.25).

Zhirinovskiy, V.V. (ed.) (2009). *LDPR. Drugoy vzglyad na istoriyu* [LDPR. Another look at history]. Moscow: LDPR Publ., 112p.

Zhirinovskiy, V.V. (ed.) (2011). *URODY* [THE FREAKS]. Moscow: LDPR Publ., 80 p.

Zizek, S. (2003). *13 opytov o Lenine* [Lenin: the day after the revolution]. Moscow: Ad Marginem Publ., 254 p.

Zizek, S. (1999). *Vozvyshenny ob'ekt ideologii* [The sublime object of ideology]. Moscow: Khudozhestvennyy zhurnal Publ., 235 p.

Об авторе

Козырев Максим Сергеевич

кандидат философских наук, доцент

доцент кафедры теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД России, 125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8;

доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 115054, Москва, Стремянный пер., 36;

e-mail: max-han@yandex.ru
ResearcherID: V-2034-2018

About the author

Maxim S. Kozyrev

Candidate of Philosophy, Docent

Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 8, Zoya and Alexander Kosmodemyansky st., Moscow, 125993, Russia;

Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, Plekhanov Russian Economic University, 36, Stremyanny ln., Moscow, 115054, Russia;

e-mail: max-han@yandex.ru
ResearcherID: V-2034-2018

УДК 111.1+165.0

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-272-279><https://elibrary.ru/hzoles>

Поступила: 01.07.2025

Принята: 15.11.2025

Опубликована: 03.07.2026

ОТРИЦАНИЕ КАК ИСТОЧНИК ТВОРЧЕСКОГО АКТА

Бичкина Алина Александровна

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (Самара)

Целью статьи является определение специфики и роли категории отрицания в контексте проблемы творчества. Для достижения цели, поставленной автором, конкретизируется категория отрицания в историко-философском дискурсе. Соответствующая проблематика анализируется в рамках онтологической парадигмы, которую предлагают различные философы. Выявляются две традиции интерпретации, критерием разграничения которых служит различное понимание специфики отрицания. Традиция, ориентированная на положительную онтологию (линия Парменида), нивелирует данную категорию. Альтернативный подход, связанный с рецепцией Гегеля, напротив, реабилитирует отрицание, делая его неотъемлемым компонентом онтологии и расширяя его понимание. Именно второй подход позволяет нам увидеть потенциал отрицания. При этом при выявлении роли отрицания в творческом акте формы, с которыми оно было соотнесено в первой традиции, сохраняются, однако они уже не исчерпывают проявления отрицания. На основе данного рассмотрения преодолевается бессмысленность негативного подхода, закрепившегося в философии, и выявляется продуктивный ракурс рассмотрения отрицания, формы которого впоследствии мы адаптируем к первому этапу творческого акта, связанного с генерацией идеи в воображении. Это позволяет нам определить онтологическое основание творчества, включающее в себя небытие. В данном соотношении раскрывается также психологическая сторона отрицания, которая становится неотъемлемой составляющей творческого акта. Теоретическая значимость статьи обусловлена обновлением проблематики творчества посредством включения в его рассмотрение категории отрицания, что способствует полноценному рассмотрению данного акта. Выбранный автором ракурс исследования отвечает современным тенденциям в философии, ориентированным на поиск и переосмысление негативных оснований каких-либо феноменов.

Ключевые слова: воображение, диалектика, небытие, новое, отрицание, процесс, творчество.

Для цитирования:

Бичкина А.А. Отрицание как источник творческого акта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 2. С. 272–279. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-272-279>. EDN: HZOLES

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-272-279>

Received: 01.07.2025

Accepted: 15.11.2025

Published: 03.07.2026

NEGATION AS A SOURCE OF A CREATIVE ACT

Alina A. Bichkina

Samara National Research University (Samara)

The purpose of the article is to determine the specificity and role of the category of negation in the context of the problem of creativity. In the article, the category of negation is put into a concrete form within the historical-philosophical discourse for further analysis under ontological paradigms proposed by different philosophers. The article identifies two traditions of interpretation, with the criterion for

distinguishing between them lying in different understanding of the specificity of negation. The tradition oriented toward positive ontology (the line of Parmenides) devalues this category. The alternative approach, associated with the reception of Hegel, on the contrary, rehabilitates negation, making it an integral component of ontology and expanding its understanding. It is this second approach that allows us to identify and appreciate the potential of negation. In specifying the role of negation within a creative act, the forms with which negation was correlated in the first tradition are preserved, but they no longer exhaust the manifestation of negation. It is on the basis of this consideration that we overcome the meaninglessness of the negative approach that has become solidified in philosophy and identify a productive angle for considering negation, the forms of which we subsequently adapt to the first stage of a creative act: the generation of an idea in imagination. This allows us to identify an ontological basis of creativity that incorporates nothingness. This correlation also reveals the psychological side of negation, which becomes an integral component of a creative act. The theoretical significance of the article lies in a renewed vision of the issues of creativity via the inclusion of the category of negation into the conceptualization of creativity, this contributing to a comprehensive consideration of a creative act. The research perspective chosen by the author corresponds to modern trends in philosophy that are oriented toward the search for and rethinking of negative foundations of any phenomena.

Keywords: imagination, dialectic, nothingness, the new, negation, process, creativity.

To cite:

Bichkina A.A. [Negation as a source of a creative act]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 2, pp. 272–279 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-272-279>, EDN: HZOLES

Введение

Творчество рассматривается в философии преимущественно как позитивный акт, как утверждение нового бытия. Включение в данный исследовательский дискурс проблемы отрицания, по мнению автора, может способствовать расширению понимания специфики творческого процесса. Однако, прежде чем приступить к рассмотрению непосредственно соотношения отрицания и творчества, необходимо конкретизировать первую категорию (отрицание), поскольку она выступает как самодостаточная проблема в философии.

Отрицание является объектом изучения многих наук. Оно фигурирует, например, в языкознании, психологии и, конечно же, в философии, как в виде конкретно обозначенной проблемы, так и в имплицитных формах в рамках других проблем и концептов.

Само отрицание присутствует во всех языках мира, что в совокупности со сказанным выше позволяет ей претендовать на статус универсальной категории, важной и продуктивной для исследования в любых областях.

В контексте философии мы можем обнаружить обращение к отрицанию и его формам также в любом разделе. В частности, оно занимает важное место в онтологии и гносеоло-

гии, начиная с самых ранних этапов их становления. Отрицание, как мы увидим, является неоднозначной философской категорией. Проблема отрицания заключается в трудности определения его сущности. Данная трудность обусловлена наличием нескольких подходов, один из которых доминирует не только в философской интерпретации, но и в обыденном восприятии, создавая иллюзию отсутствия проблемы в силу незначительности объекта изучения. Мы постараемся определить предпосылки данного видения, а также реконструировать альтернативное понимание, чтобы впоследствии адаптировать полученные в результате анализа данные к творческому акту.

Проблема отрицания. Онтологический статус категории

Отрицание в первую очередь представляет собой суждение, и с формальной точки зрения оно нуждается в предикате, который имеет форму скрытого утверждения и составляет положительно основание отрицания. «Грамматическая структура отрицания и то, что оно изменяет, предполагает, что отрицание подразумевает предшествующее присутствие того, что отрицается, но присутствие не требует отрицания. Неудивительно, что, учитывая влияние грамматики на наше мышление, отрицание, в

смысле отрицательного суждения, по всей видимости, с необходимостью производное, накладываясь на утверждения. В соответствии с этим очевидно вторичным статусом, отрицательное суждение обычно говорит намного меньше, чем утвердительное суждение. Прежде всего, если онтология должна помогать нам выяснить, что есть и что значит для чего-либо быть, то отрицание, по-видимому, является поразительно неуместным, поскольку отрицательные суждения функционируют, чтобы сказать нам, чего нет» [Dahlstrom D., 2010]. Согласно подобному видению, онтологическое значение отрицания нивелируется, поскольку оно ничего не может сообщить нам о бытии. В противовес этому альтернативный подход к роли отрицания восстанавливает значимость последнего: «И действительно, невозможно, как указал нам сам Гегель, даже утверждать что-либо, не привлекая закон противоречия, ибо каждое положительное утверждение имеет смысл лишь постольку, поскольку оно определено, и, следовательно, отрицательно. Если бы утверждение “Все люди смертны”, например, не исключало утверждения “Некоторые люди бессмертны”, оно было бы бессмысленным» [Laurence R., 1989].

Вместе с тем перед философией встает другой вопрос: возможно ли полноценное осмысление утверждения без отрицания и бытия без категории небытия?

В истории философии мы находим несколько вариантов ответа.

Сама дихотомическая категориальная пара бытие – небытие вводится в европейский философский дискурс древнегреческим философом Парменидом, которому принадлежит философия «бытие есть, небытия нет». Элейский философ провозглашает вместе с тем тождество бытия и мышления. Небытия нет, поскольку его нельзя помыслить — мыслимо только бытие. С этого же момента закладывается традиция «позитивной» онтологии, концентрирующейся вокруг категории бытия и обходящей вниманием небытие, которое оказывается лишено статуса «реального» и потому не играет значительной роли в понимании бытия.

Отрицание в данной парадигме соотносится в своей сути либо с ложным восприятием (посредством отрицания мы утверждаем, что ка-

кое-либо утверждение ложно), либо с заблуждением, обусловленным наличием субъективного фактора восприятия, т.к. само бытие лишено негативности, но посредством отрицания мы ее искусственно продуцируем, обманывая тем самым самих себя. Отрицание создает тем самым противоречие, которое является недопустимым в рамках подобного рассмотрения. Формулой данного онтологического подхода является тезис «Из ничего ничто не возникает» (лат. *Ex nihilo nihil fit*).

Данная онтологическая модель имеет определенное представление о бытии. Парменид, рассматривая бытие, говорит о нем как «о едином, неделимом, неизменном и неподвижном» [Лебедев А.В., 1989, с. 27]. Данное представление определяет бытие через статичность.

Иную интерпретацию отрицания мы можем увидеть, напротив, в системах, рассматривающих бытие посредством динамики. Ярким примером служит диалектика, переосмысляющая положение отрицания путем включения его в качестве неотъемлемого элемента бытия.

Так, Георг Вильгельм Фридрих Гегель рассматривает бытие процессуально, как борьбу противоположностей и их снятие (отрицание отрицания) [Гегель Г.В.Ф., 2000]. Именно противоречие, имеющее отрицание в своей основе, делает возможным движение: «Движение само есть противоречие; уже простое механическое перемещение может осуществиться лишь в силу того, что тело в один и тот же момент времени находится в данном месте и одновременно — в другом, что оно находится в одном и том же месте и не находится в нем. А постоянное возникновение и одновременное разрешение этого противоречия — и есть именно движение» [Энгельс Ф., 1988, с. 119]. Само противоречие, в отличие от прежней трактовки, перестает восприниматься как индикатор ошибки и становится неотъемлемым онтологическим элементом, соотносимым с сущностью бытия.

Немецкий философ настаивает на том, что подход, восходящий к элеатам, представляет собой абстрактное видение, в котором парадоксально «Бытие и небытие суть одно и то же» [Гегель Г.В.Ф., 1970, с. 142]. Ничто в такой рецепции есть «чистое ничто; оно простое равенство с самим собой, совершенная пустота, отсутствие определений и содержания; не-

различенность в самом себе» [Протопопов И.А., 2014, с. 92]. Философ проводит аналогию с «царством вневременных абстрактных сущностей, в сопоставлении с которыми эмпирически существующие вещи, их связи и процессы представлялись вторичным, неподлинным, лишь более или менее адекватным их проявлением» [Гегель Г.В.Ф., 2013]. В основе такого подхода лежит «стремление постичь устойчивое, непреходящее, не то, что возникает и исчезает, но лишь то, что пребывает всегда и неизменно» [Гегель Г.В.Ф., 2013]. Гегель говорит о необходимости наличия данного подхода, поскольку «Единое или бытие в учении элеатов мы должны рассматривать как первый шаг знания о мысли» [Гегель Г.В.Ф., 1970, с. 147], но не останавливается на данном философском достижении в своей системе.

Нам важно при рассмотрении данных категорий говорить уже не об абстрактном, а об определенном, не о покоящемся, а о движущемся. В данном контексте становления переосмысливается небытие: «Становление означает, что ничто не остается ничем, а переходит в свое иное, в бытие» [Гегель Г.В.Ф., 1970, с. 142]. Отрицание, таким образом, оказывается связанным с категорией иного.

Отрицание может быть реализовано как чистое отрицание, с одной стороны, и как определенное, с другой. Второй тип отрицания является продуктивным, поскольку способствует не просто разрушению, но и созиданию нового, предстоящего в форме иного.

Иное получается в результате отрицания отрицания, когда мы переходим на новый этап, который, тем не менее, не был бы возможен без учета прошлого. Так, Гегель пишет: «Aufheben имеет в немецком языке двоякий смысл: оно означает сохранить, удержать и в то же время прекратить, положить конец. Само сохранение уже включает в себе отрицательное в том смысле, что для того, чтобы удержать нечто, его лишают непосредственности и тем самым наличного бытия, открытого для внешних воздействий. Таким образом, снятое есть в то же время и сохраненное, которое лишь потеряло свою непосредственность, но от этого не уничтожено» [Гегель Г.В.Ф., 1970, с. 168].

Итак, классическое сопоставление отрицания с разрушением оказывается оправданным,

однако мы не ограничиваемся исключительно таким пониманием его сущности, потому что видим, что отрицание носит не только деструктивный, но и созидательный потенциал, выраженный в конституировании *иного*, что можно отчетливо наблюдать при рассмотрении творчества, о чем пойдет речь в следующем параграфе.

Категория отрицания как источник творческого акта

Творческий акт определяется атрибутом новизны своего изобретения, которое впоследствии становится частью действительности. Само творчество мы рассматриваем как процесс, выделяя в нем, вслед за Петром Климентьевичем Энгельмейером [Энгельмейер П.К., 2010], три акта: акт интуиции и желания, акт знания и рассуждения и акт умения. Несмотря на то, что отрицание имеет место на всех перечисленных этапах, мы в данной работе ограничимся рассмотрением первого.

Акт интуиции и желания рассматривает ситуацию зарождения замысла изобретения — это стадия, где доминирует воображение. Результатом реализации данного акта становится формулирование идеи. Осмысление творчества невозможно без рассмотрения проблемы воображения. Наиболее известную дефиницию последнего в истории философии предлагает Иммануил Кант, определяя его как «способность созерцаний и без предмета» [Кант И., 1966, с. 402].

Воображение имеет двойственный характер, в рамках которого мы можем выделить, снова вслед за Кантом, продуктивное и репродуктивное воображение. Их отличие заключается в позиции в отношении к опыту. Если репродуктивное воображение основывается на воспроизведении полученного в опыте созерцания, то продуктивное, напротив, генерирует образы, которые полностью не соответствуют опыту. В этом контексте Кант говорит о фантазии как об образах, которые не были даны в опыте.

Кант указывает на то, что воображение «доставляет рассудку материал, чтобы (для познания) дать его понятиям содержание, ввиду аналогии его (вымышленных) созерцаний с действительными восприятиями придает, как нам кажется, реальность этим созерцаниям»

[Кант И., 1966, с. 404]. Таким образом, воображение выполняет синтетическую функцию между понятиями рассудка и данными опыта, и занимает важное место в процессе познания, в контексте которого наше знание как совокупность представлений основывается на нашей способности воображения.

В контексте рассмотрения творчества нас интересует репродуктивный тип воображения. Согласно Рубинштейну, «“воображать — это преобразовать”». Специфичным для воображения является “сознание известной свободы” по отношению к прошлому опыту. Он определяет воображение в узком смысле как присущую только человеку способность преобразования действительности в сознании: “Всякое воображение порождает что-то новое, изменяет, преобразует то, что нам дано в восприятии”» [Нестеров А.Ю., Демина А.И., 2020, с. 85]. Воображение, таким образом, включает в себя процедуру пересборки имеющегося опыта, т.е. формирование нового порядка на основании обращения к уже существующему. Оно оказывается связанным со снятием, поскольку предполагает не только разрушение имеющегося порядка в виде внедрения того, чего в нем не было, но и положительную трансформацию действительности путем ее достраивания, чем и обуславливается реализация синтеза.

Чем же обусловлена деятельность творческого воображения? Другими словами, что мотивирует будущего творца преодолеть границы действительности? Отвечая на этот вопрос, мы обратимся к онтогносеологическому контексту.

Отрицание на первом этапе творческого процесса проявляется в конфликте, точно сформулированным Фридрихом Дессауэром следующим образом: «Изобретательская деятельность человека приводится в движение напряжением между действительностью, постоянно воспринимаемой в качестве неудовлетворительной, и лучшей возможностью, подразумеваемой в фантазии» [Дессауэр Ф., 2017, с. 142]. Таким образом, в онтологическом контексте мы можем говорить о возникновении противоречия между реальным миром и миром, сконструированным в фантазии.

Создатель сталкивается с проблемной ситуацией. «Однако понятие *проблемной ситуации*, широко используемое в гносеологической ли-

тературе, не имеет общепринятой трактовки. В большинстве случаев она характеризуется как обнаружение определенного незнания, фактов рассогласования и противоречий в наличном знании, что вызывает соответствующую направленность активности в научном сообществе. Проблема же является результатом отображения субъектом проблемной ситуации. Она всегда выражается в конкретной потребности узнать, понять, объяснить то, чего мы не знаем, не понимаем» [Дубровский Д.И., 2010, с. 55].

Данное противоречие осознается творящим, который видит «нереалистичность» объекта фантазии, что является необходимым условием для движения творческого процесса. Такое понимание сопряжено с осознанием кажущейся невозможности реализации желаемого, что психологически отсылает к состоянию отчаяния. Неоднозначность обусловлена тем, что в рамках первого акта идея предстает в форме гипотезы, которая сама по себе требует проверки и не гарантирует своей реализации.

Творческий субъект вынужден постоянно соотносить воображаемое и реальность, чтобы найти основания перехода первого во второе. Давид Израилевич Дубровский справедливо отмечал: «Особенный интерес представляет анализ процесса зарождения и оформления в сознании субъекта принципиально новой идеи, та его стадия, когда содержание этой новой идеи еще полностью не оформилось и ее подлинное значение еще не осознано самим творцом, не вербализировано адекватным образом — его знание о произведенном им новом знании еще смутно, граничит с незнанием. Все эти вопросы остаются пока крайне слабо исследованными, хотя имеют для гносеологии первостепенное значение, ибо выражают самый важный и интересный аспект познавательного процесса — акт творчества» [Дубровский Д.И., 2010, с. 56].

Деятельность воображения поддерживается скептической позицией в мыслительной ориентации, опирающейся на восприятие бытия как развивающегося, и потому допускающего изменения. Скептицизм распространяется не только на реальность, как было в начале, но и на бытие, возникающее в воображении.

Творческий акт, таким образом, подразумевает учетывание возможной нереализации

изобретения или допущение реализации в отличном от изначального замысла виде. Однако такая вероятность может иметь положительную сторону в случае, когда происходит анализ того, что именно ставит под вопрос реализацию творческого замысла, и последующее устранение этих факторов в целях приближения к успешной реализации, что будет составлять задачу второго творческого акта. Вместе с тем «невозможность» сопровождает творческий акт как вероятность прекращения развития идеи, если доля отчаяния превышает веру в творческий проект. Данный сценарий также может быть положительным, если в результате освободится потенциал для решения другой проблемы, или той же проблемы, но совершенно иными средствами.

Воображение соотносится с категорией отрицания постольку, поскольку продуцирует различные формы, которые мы можем соотнести с формами небытия. Данные формы еще лишены онтологического статуса «реального». Творческому изобретению, как реальному объекту, предшествует его замысел — проект, идея, который еще не есть само изобретение, а есть его идеальный образ, имеющий потенциал претвориться в реальность, или так и остаться на уровне идеи, либо трансформироваться в процессе материализации.

Так, французский психолог Теодюль Рибо, исследуя воображение, говорит о трех его формах — «намеченной, выясненной и воплощенной» [Рибо Т., 1901, с. 277]. В первой форме продукт воображения не выходит за границы грез, что мы можем соотнести с чистым отрицанием. Желание расширить реальность реализуется только в образе, неосуществимость которого признается автором. Это также служит критерием демаркации «больной» формы воображения, где последнее даже не воспринимается таковым, а рассматривается как истинная форма восприятия в виде тождества реальности и образа в воображении, который принимает форму факта. Поэтому именно внутренний разрыв, который присутствует в творческом воображении, и составляет его онтологическую и психологическую основу.

Во второй, «выясненной» форме «вымысел становится на одну доску с действительностью» [Рибо Т., 1901, с. 279], это этап осмыс-

ления вероятности реализации изобретения. Наконец, в третьей форме мы видим предметное исполнение. Анализируя данные типы, Рибо переходит от первой, субъективно замкнутой фазе, к объективности изобретения как акта передачи субъективного объективному.

Благодаря чему становится возможным генерирование идеи в сознании субъекта? Можно было предложить «положительный» ответ на данный вопрос, сказав, что творчество, изначально понимаемое как «мимесис», возможно именно благодаря наполненности бытия, которая воспринимается субъектом. Однако в таком случае творчество не вышло бы за рамки простого подражания. Требуется определенное негативное условие возможности творчества: «Субъектность выступает “пользователем пустот” как метаконтекст — источник, средство и результат смыслопорождения. Она сама является пробелом в бытии, как незаполненность, готовая к дополнениям и перезагрузкам незавершенность» [Тульчинский Г.Л., 2023, с. 8].

Схему продуктивного осмысления пустоты мы можем принять вслед за отечественным исследователем небытия Натальей Ряфиковой Саенко: «Потенциализм пустоты является одной из главных причин развития культуры вообще. Это развитие может быть представлено следующей схемой: пустота → потребность в заполнении → творение новых форм и смыслов → функционирование, расцвет → окостенение культурных форм, невозможность отвечать “вызовам” времени → опустошение форм культуры, обесмысливание ... и т.д. Именно пустоты, образующиеся в сознании и культуре, обуславливают творчество» [Саенко Н.Р., 2011, с. 231]. Таким образом, конструирование идеи обусловлено изначальной подвижностью субъективности, которая позволяет создавать новое на основе имеющегося материала. Данная подвижность сопровождается и с характером развития самого бытия.

По итогам рассмотрения можно заключить, что первый этап творческого акта включает следующие формы отрицания: лишенность, неудовлетворение, неопределенность, несоответствие, сомнение, незнание, пустота. Несмотря на свою негативную составляющую, выраженную в трудности переживания, они

играют важную роль в переходе к следующему этапу, т.е. не позволяют идее пребывать в самодостаточности, а требуют ее реализации для восполнения изначальной нехватки. В рамках этого этапа отрицание позволяет демаркировать вымысел как форму небытия и реальность как форму бытия, чтобы осознать имеющийся конфликт и разрешить его в дальнейшем.

Заключение

Подводя итог, мы можем заключить, что игнорирование отрицания как значимой философской категории и как призмы в исследовании других феноменов связано не только с его онтологическим и гносеологическим осмыслением, но и с самим переживанием опыта отрицания. Выявленные нами формы отрицания раскрывают негативную сторону творчества, в основе которого лежит психологическое напряжение и онтогносеологическое противоречие. Разрешение этих противоречий происходит в результате осознания и преодоления (отрицания отрицания) изначальных негативных ситуаций посредством сопоставления и адаптации идеального небытия фантазии и реального бытия, в результате чего происходит формулирование идеи, которая впоследствии при творческой реализации (перехода от идеи к реальности — от бытия к небытию и через него обратно) позволит достроить реальность. Таким образом, в психологическом плане чувства переживания разочарования и отчаяния, соотнесенные с небытием, сменяются чувством удовлетворения, связанного уже с бытием.

Резюмируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что творческий акт, включающий онтологический и психологический типы отрицания, невозможен без данной негативной составляющей, которая, сохраняя отрицательную направленность, обеспечивает в своем преодолении положительность в продуктивности творчества и способствует целостному анализу последнего. Сам же творческий акт в данном ракурсе воспринимается как процесс, как постоянный переход от одной формы к другой: от небытия к небытию, от субъективного к объективному, от абстрактного к конкретному, от идеального к материальному и т.д.

Выявленное рассмотрение соответствует современным тенденциям осмысления негативности в философском и научном дискурсах.

Список литературы

- Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. 2013. URL: <https://www.litres.ru/book/fridrih-gegel/lekcii-po-istorii-filosofii-17146135/chitat-onlayn/?page=85> (дата обращения: 10.05.2025).
- Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 501 с.
- Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
- Дессауэр Ф. Спор о технике / пер. с нем. А.Ю. Нестерова. Самара: Изв-во Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.
- Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. М.: Канон+; Реабилитация, 2010. 336 с.
- Кант И. Сочинения в шести томах / под общ. ред. В.Ф. Асмуса и др. Т. 6. М.: Мысль, 1966. 743 с.
- Лебедев А.В. Фрагменты ранних греческих философов (Часть I). От этических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. 576 с. ISBN: 5-02-008030-6 EDN: SHJSMP
- Нестеров А.Ю., Демина А.И. Воображение в семиотике творчества // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. С. 84–89. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/460/10> EDN: CMROKJ
- Протопопов И.А. Понятие ничто и принцип негативности в логике Гегеля // EINA: Проблемы философии и теологии. 2014. № 1. С. 84–137. EDN: XBNTKN
- Рибо Т. Творческое воображение. Санкт-Петербург: тип. Ю.Н. Эдлех, 1901. 318 с.
- Саенко Н.Р. Формы и образы небытия в культуре. Saarbrücken, 2011. 443 с. EDN: PZBGZH
- Тульчинский Г.Л. Лента Мебиуса прагматике смысла: от культуры через субъектность в ничто – и обратно // Слово.ру: Балтийский акцент. 2023. № 4. С. 8–30. DOI: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-4-1> EDN: BOOPKOë
- Энгельмейер П.К. Теория творчества / с предисл. Д.Н. Овсяннико-Куликовского, Э. Маха. Изд. 3-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 208 с.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М.: Политиздат, 1988. 500 с.

Dahlstrom D. Negation and being // Review of Metaphysics. 2010. Vol. 64(2). P. 247–271.

Laurence R. Horn a natural history of negation. Chicago: University of Chicago Press, 1989. 638 p.

References

Dahlstrom, D. (2010). Negation and being. *Review of Metaphysics* No. 64 (2), pp. 247-271.

Dessauer, F. (2017). *Spor o tekhnike* [Dispute about technology]. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya Publ., 266 p.

Dubrovskiy, D.I. (2010). *Obman. Filosofskopsikhologicheskiy analiz* [Deception. Philosophical and psychological analysis]. Moscow: «Kanon+» Publ., ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 336 p.

Engelmeyer, P.K. (2010). *Teoriya tvorchestva* [Theory of creativity]. Moscow: Librokom Publ., 208 p.

Engels, F. (1988). *Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedenniy gospodinom Evgeniem Dyuringom* [Anti-Dühring: Herr Eugen Dühring's revolution in science]. Moscow: Politizdat Publ., 500 p.

Hegel, G.W.F. (1970). *Nauka logiki: v 3-kh t.* [Science of logic: in 3 vols]. Moscow: Mysl' Publ, vol. 1, 501 p.

Hegel, G.W.F. (2000). *Fenomenologiya dukha* [The phenomenology of spirit]. Moscow: Nauka Publ., 495 p.

Hegel, G.W.F. (2013). *Lektsii po istorii filosofii* [Lectures on the History of Philosophy]. Available at: <https://www.litres.ru/book/fridrih-gegel/lektsii-po-istorii-filosofii-17146135/chitat-onlayn/?page=85> (accessed 10.05.2025).

Kant, I. (1966). *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 6, 743 p.

Laurence, R. (1989). *Horn a natural history of negation*. Chicago: University of Chicago Press, 638 p.

Lebedev, A.V. (1989). *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov (Chast' I). Ot epicheskikh teokosmogoniy do vozniknoveniya atomistiki* [Fragments of the early Greek philosophers. Part I. From the epic cosmogony to the emergence of atomistics]. Moscow: Nauka Publ., 576 p.

Nesterov, A.Yu. and Demina, A.I. (2020). [Imagination in the semiotics of creativity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. No. 460, pp. 84–89. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/460/10>

Protopopov, I.A. (2014). [The concept of nothing and the principle of negativity in the Logic of Hegel]. *EINAI: Problemy filosofii i teologii* [EINAI: The problems of philosophy and theology]. No. 1. pp. 84–137.

Ribo, T. (1901). *Tvorcheskoe voobrazhenie* [Essay on the creative imagination]. St. Petersburg: Yu.N. Edlikh Publ., 318 p.

Saenko, N.R. (2011). *Formy i obrazy nebytiya v culture* [Forms and images of non-being in culture]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Publ., 443 p.

Tulchinskiy, G.L. (2023). [The Mobius strip of the pragmasemantics of sense: from culture through subjectivity to nothingness and back]. *Slovo.ru: Baltiyskiy aktsent* [Slovo.ru: Baltic Accent]. Vol.14, no. 4, pp. 8-30. DOI: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-4-1>

Об авторе

Бичкина Алина Александровна

Аспирант кафедры философии

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, ул. Московское шоссе 34, 443086; e-mail: bichkina.99@mail.ru
ResearcherID: NPI-8711-2025

About the author

Alina A. Bichkina

Postgraduate Student at the Department of Philosophy

Samara National Research University, 34, Moskovskoe sh., Samara, 443086, Russia; e-mail: bichkina.99@mail.ru
ResearcherID: NPI-8711-2025

УДК 1:316+004.8

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-280-289><https://elibrary.ru/lwytpv>

Поступила: 12.04.2026

Принята: 21.04.2026

Опубликована: 03.07.2026

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ АКТИВНОСТЬ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ?¹

Внутских Александр Юрьевич

*Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь),
Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь)*

Кузнецов Андрей Геннадьевич

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)

Оконская Наталия Камильевна

*Когалымский филиал Пермского национального исследовательского
политехнического университета (Когалым)*

Штин Михаил Николаевич

ALAMICS Digital (Пермь)

В статье исследуются актуальные вопросы, порожденные влиянием быстрого развития больших языковых моделей (LLM) на понимание процесса творчества с применением искусственного интеллекта (ИИ), а также связанные с этим новые реалии в творческой и образовательной сферах. Авторы полагают, что следует различать творчество как формальное отличие продукта от уже существующего, творчество как модификацию системы ожиданий и, наконец, творчество как критическое и ответственное смыслопорождение. Представляется, что LLM способны самостоятельно порождать формальную новизну. Также, исключительно в составе синтетического интеллекта, во взаимодействии с человеком, они могут участвовать в изменении горизонтов понимания и модификации ожиданий, а также в смыслопорождении. Однако, в отличие от человека, LLM не способны к автономному творчеству второго и третьего уровня. Поэтому эффективность LLM связана с синергетическими эффектами человеко-машинного взаимодействия. Формулируются приоритетные направления трансформации системы образования в условиях динамичного развития новой цифровой реальности. Показано, что современная система образования слабо адаптирована к этой новой реальности: навыки «синтеллектуальной деятельности» как обучающихся, так и преподавателей формируются в основном стихийно. Необходимо сознательное формирование и повсеместное применение системы принципов использования технологий LLM в образовательном процессе. Важнейшим из этих принципов должен стать принцип симбиоза и коэволюции человека и LLM, поддерживающих свою определенность как естественного и искусственного начал.

Ключевые слова: искусственный интеллект, большие языковые модели (LLM), симбиоз и коэволюция человека и AI, философия образования.

Для цитирования:

Внутских А.Ю., Кузнецов А.Г., Оконская Н.К., Штин М.Н. Является ли активность больших языковых моделей творческой деятельностью? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 2. С. 280–289. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-280-289>. EDN: LWYTPV

¹ Статья подготовлена на основе совместного доклада авторов на III Всероссийской конференции с международным участием «Свет и тени цифровой реальности: образ инженера XXI века» (Пермь, 28–29 марта 2025 г.)

CAN THE ACTIVITY OF LARGE LANGUAGE MODELS BE CONSIDERED CREATIVE WORK?

Alexander Yu. Vnutskikh

Perm State University (Perm),

Perm National Research Polytechnic University (Perm)

Andrey G. Kuzhetsov

Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm)

Natalia K. Okonskaya

Kogalym Branch of Perm National Research

Polytechnic University (Kogalym)

Mikhail N. Shtin

ALAMICS Digital (Perm)

The article deals with implications of the rapid advancement of Large Language Models (LLM) for the understanding of the creative process using artificial intelligence (AI) and also discusses the new realities in the creative and educational spheres associated with it. The authors propose distinguishing creativity as a formal difference of a product from the already existing one, creativity as a modification of the system of expectations, and finally, creativity as critical and responsible generation of meaning. It seems that LLM are capable of generating formal novelty on their own. In addition, strictly as part of synthetic intelligence and in collaboration with humans, they can participate in changing the horizons of understanding and modifying expectations, as well as in the generation of meaning. However, unlike human, LLM are not capable of autonomous creativity of the second and third levels. Therefore, the effectiveness of LLM is associated with the synergistic effects of human-machine interaction. The authors formulate priority principles of the education system's transformation in the context of the new digital reality. The current education system is poorly adapted to this new reality, and the skills necessary for "syntellectual activity" of humans and AI in the field of education are mainly formed in students and teachers spontaneously. It is necessary to consciously form and implement a system of principles for using LLM technologies in the educational process. The most important of these principles should be the principle of symbiosis and coevolution of humans and LLM, maintaining their distinctiveness as natural and artificial entities.

Keywords: artificial intelligence, large language models, human–AI symbiosis and coevolution, philosophy of education.

To cite:

Vnutskikh A. Yu., Kuzhetsov A. G., Okonskaya N. K., Shtin M. N. [Can the activity of large language models be considered creative work]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 2, pp. 280–289 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-280-289>, EDN: LWYTPV

Введение

Английский писатель Эдуард Форстер заявил: «Сначала думать, потом говорить» — девиз критики; «сначала говорить, а потом думать» — девиз творчества». Но зададимся во-

просом — а можно ли считать творчеством «говoreние», не связанное с мыслью — по крайней мере, с мыслью человеческой? Проблема нашего исследования состоит в вопросе: можно ли считать активность так называемых «искусственных интеллектуальных агентов»,

в т.ч. больших языковых моделей (LLM), деятельностью *творческой*?

Чрезвычайно быстрое развитие LLM делает этот вопрос весьма актуальным. Действительно, судя по опросам 71 новостной организации из 32 стран, уже в 2019 году AI был «существенной частью журналистики» в отношении формирования контента [Beckett C., 2019]; с начала 2020-х годов нейронные сети пишут стихи, которые большинство читающих поэзию не может отличить от поэзии выдающихся авторов-людей [Yalalov D., 2022]; они создают изображения на основании текста, независимо от того, насколько необычным было его содержание, что для людей-художников нередко оказывается серьезным препятствием [OpenAI. DALL-E, 2021], создают академические эссе на уровне, достаточном для зачета в университете [Sparrow J., 2022]. Наконец, в 2025 году только система GPT-5 от OpenAI сумела решить все 12 задач в финале Мирового чемпионата по программированию ICPC в Баку. Официальному победителю — команде СПбГУ, состоящей из людей — удалось решить только 11 задач [Nuñez M., 2025].

На волне этих успехов Сэм Альтман в своем известном эссе о наступлении «мягкой» технологической сингулярности, заявил, что «в 2026 году, вероятно, появятся системы, которые смогут находить новые идеи» («2026 will likely see the arrival of systems that can figure out novel insights») [Altma S., 2025]. Очень похоже на заявление о наличии творческой функции уже у современных систем искусственного интеллекта (ИИ)!

Впрочем, вопрос состоит в том, насколько велика эта «вероятность», что значит «находить», и достаточным ли признаком творчества является «новизна» идеи. Исследователи ИИ уже давно отметили наличие четко выраженных *волн интереса* исследователей, широкой общественности, инвесторов и государства к проблематике, связанной с ИИ: до сих пор за подъемом всегда следовал спад — «зима искусственного интеллекта». К настоящему времени таких «зим» было уже две (1974–1980 гг. и 1987–1994 гг.) И если учесть, что в наши дни 60–80 % проектов в области ИИ терпят неудачу, поскольку не приводят к реальному повышению производительности, то, возможно, следует серьезно отнестись к мнению Род-

ни Брукса, бывшего директора лаборатории компьютерных наук и искусственного интеллекта MIT, о том, что развитие ИИ «следует за избитым циклом ажиотажа, который мы наблюдаем снова и снова на протяжении более чем 60-летней истории ИИ» и «есть первые признаки того, что пик ажиотажа вокруг LLM... уже прошел» [Brooks R., 2024].

Таким образом, налицо наличие двух диаметрально противоположных исследовательских точек зрения на перспективы развития LLM. Наш тезис состоит в том, что *третья «зима» ИИ не наступит только в том случае, если вместо погони за автономным «сверхразумом» общество, наука и система образования сосредоточатся на формировании эффективного человеко-машинного симбиоза («синтеллекта»)*. Только в этом случае возможна реализация усиливающей обратной связи и «вертикали технологической сингулярности», о которой говорил С. Альтман, однако с существенной поправкой: в эту вертикаль «творческие машины» смогут войти лишь *вместе* с человеком.

В статье мы сначала сосредоточимся на определении понятия «творчество»; затем попробуем ответить на вопрос — можно ли считать деятельность LLM творческой и почему; в заключении попробуем понять, что наши выводы о наличии/отсутствии творческого начала в деятельности LLM означают для системы образования, — системы, от которой в очень существенной мере зависит будущее как человека, так и любых технологий, в т.ч. и технологий ИИ.

Что такое творчество?

В Новой философской энциклопедии констатируется, что «относительно общепринятым является определение творчества как того, что некоторой группой, с точки зрения системы ее ожиданий, воспринимается как новое и тем самым модифицирует эту систему» [Бескова И.А., Касавин И.Т., 2010]. Итак, ключевой характеристикой творчества считается *создание нового*. Однако, как отмечает Е.В. Кочегарова, отождествление творчества и процесса создания оригинального и уникального продукта является ограниченным ввиду проблематичности принципа пресловутой новизны [Кочегарова Е.В., 2023].

Например, постоянной, неизменной среды не бывает: в каждый момент времени в ней возникают все новые флуктуации, — случайные отклонения значений макропараметров от равновесного состояния. Флуктуации постоянно возникают и в материальной системе человеческого мозга, что даже интерпретируется как необходимая материальная основа для свободных человеческих решений [Коркотян Э., 2014, с. 69, 70]. Это действительно *новое*, поскольку, в силу колоссального количества молекул или элементарных частиц, вероятность того, что эти флуктуации повторяют предшествующие настолько мала, что ею можно пренебречь. Однако едва ли кому-то придет в голову назвать эти флуктуации как таковые творчеством. Это — *незначимая* новизна, и колоссальные объемы информации, связанные с этими флуктуациями, человеческие органы чувств и психика просто «гасят», нивелируют, частично игнорируя их как «белый шум», тем самым формируя образ стабильной внутренней и внешней среды. Причем это только способствует успешной реализации онтогенеза человеческих индивидов. Получается, что новизна — необходимое, но недостаточное условие творчества. Именно в этом смысле можно согласиться с прогнозом Л. Флориди и М. Чирятти о том, что уже скоро потребители текстов перестанут обращать внимание на вопрос о происхождении этих текстов точно так же, как сегодня нам неважно знать, кто подстриг газон или помыл посуду: человек или робот [Floridi L., Chiriatti M., 2020, p. 685].

Вероятно, важнее то, что творчество подразумевает *новизну создаваемых смыслов*. Как отмечали в этой связи ныне, к сожалению, покойный В.И. Аршинов и его коллеги, исходить следует из того, что «нейросеть не имеет фиксированной сущности, — она есть процесс непрерывной индивидуации, разрешения внутренних напряжений, кристаллизации смыслов из поля возможностей», в связи с чем приходится говорить о формировании «новых форм коллективного познания — познания, которое не противопоставляет субъект объекту, но создает общее пространство смыслопорождения...» [Аршинов В.И. и др., 2025, с. 319–320]. Выражаясь языком М. Бубера, и в случае взаимодействия людей смысл рождается не толь-

ко во внутреннем «Я»; он рождается в живом *отношении* между «Я» и «Ты», в обоюдной попытке понять друг друга, в усилении взаимного перевода с различных языков. Нейросеть встраивается в это пространство не как вещь, но и не как полноценное человеческое «Ты». Она выступает, скорее, как катализатор, как «семиотический агент», интенсифицирующий динамику этого «Между». Ее симулятивные ответы становятся фактом *человеческой* коммуникации, ибо нейросеть провоцирует *нас* на «герменевтический труд», который переопределяет уже собственно *человеческие* позиции. Таким образом, возникает новая ситуация, при которой смыслы могут выступать в качестве эмерджентных феноменов диалога в пространстве «Между» человеком и искусственным интеллектом как коэволюционирующими началами [Киященко Л.П. и др., 2025, с. 334, 336–337, 339–340].

Но если нейросеть выступает именно как катализатор и соучастник смыслопорождения совместно с человеком, то едва ли можно надеяться найти *непосредственно в ней* то, что отсутствует в потребляемой ею готовой информации. Человек — необходимый компонент этой новой формы смыслопорождения, и он играет в нем главную, определяющую роль. Действительно, люди и самостоятельно, и в коммуникации с себе подобными способны генерировать новые смыслы без «сотворчества» с LLM: смысловое развитие не алгоритмизировано, оно перестраивает и расширяет пространство возможного, а не только перебирает уже существующие. И хотя в силу экспоненциально быстрого роста объема информации обеспечивать такое развитие без помощи LLM становится для человека все более затруднительным, LLM вне диалога с человеком на это также неспособна. В отсутствие последнего она не может расширять возможности, не может эффективно реализовывать критическую функцию в отношении формируемого ею нового содержания и его соответствующим образом интегрировать — например, с легкостью «проваливаются» в «эхо-камеру» монокультуры, характерной для части западного общества, осуществляя тем самым дрейф от поиска истины к формированию «убедительности» [Zhang L.H. et al., 2025].

Итак, LLM можно рассматривать как чрезвычайно эффективный инструмент, как «*семiotический агент*» *сотворчества с человеком*, но нельзя говорить о ее способности к самостоятельному творчеству в человеческом смысле. Точнее говоря, необходимо различать несколько уровней того, что может пониматься под творчеством: (1) новизну как формальное отличие продукта от уже существующего; (2) значимую новизну, модифицирующую систему ожиданий; (3) автономное творческое действие субъекта — критическое и ответственное смыслопорождение. Представляется, что LLM способны самостоятельно генерировать формальную новизну и — в составе интеллекта, совместно с человеком — участвовать в производстве значимой новизны и в смыслопорождении. Однако самостоятельно LLM не могут реализовывать второй и третий уровни творчества, а человек — способен реализовывать эти уровни также и в автономном режиме, хотя и встречается при этом с затруднениями в связи с экспоненциально быстрым ростом объема информации. Все преимущества LLM связаны с синергетическими эффектами человеко-машинного взаимодействия.

Теперь попробуем понять, что этот вывод может означать для ориентиров развития системы образования, которая в последние годы на всех своих уровнях столкнулась с беспрецедентно быстрым вторжением искусственных интеллектуальных агентов.

LLM и ориентиры развития системы образования

Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин, выступая на пленарной сессии IX конференции «Цифровая индустрия промышленной России», напомнил, что к числу национальных целей развития, утвержденных Президентом В.В. Путиным, относится цифровая трансформация государственного управления, экономики и социальной сферы. Соответственно, одна из ключевых задач — это подготовка кадров для такой трансформации: «Надо уже в ближайшее время нарастить... выпуск инженеров по автоматизации и роботизации производства. Активнее привлекать компании к участию в обучении по ИТ-направлениям в вузах. Это должно стать обязательным условием для предоставления им

соответствующих льгот» [Михаил Мишустин..., 2024].

Показательно, впрочем, что премьер-министр говорил об этом в той части своего выступления, в которой характеризовал «барьеры», затрудняющие реализацию этой цели, а подготовку кадров для цифровой трансформации обозначил лишь как «задачу на перспективу». Почему? Официальный выход России из болонской системы стал не только отражением новых геополитических реалий, но и признанием глубокого кризиса высшего образования. Разрыв между сложившейся в стране системой высшего образования и актуальными потребностями общества в результатах его работы стал очевидным. Это значит, что решения, направленные на обеспечение цифровой трансформации со стороны вузов, должны быть весьма глубокими, структурными, но именно поэтому выверенными и продуманными. И, очевидно, одна из важных тем мышления по этому поводу — вопрос о роли LLM в системе образования, в частности о соотношении человеческого и искусственного интеллектов основных акторов педагогического процесса.

Тем соавторам данной статьи, которые по долгу службы коммуницируют со студентами старших курсов и аспирантами вузов, приходится в их рефератах и выступлениях все чаще встречать тезис о том, что в современных условиях единственной возможностью для эффективной познавательной и педагогической деятельности (и даже для простого выживания человеческих индивидов) является «сращивание» с искусственными интеллектуальными агентами — в том числе, реализующими функции ИИ. Насколько они правы, и если правы, то что конкретно это значит для образования?

Сначала зафиксируем основные особенности человека, общества, образования в эпоху глобального информационного общества.

Во-первых, изменилась скорость развития молодых поколений, при этом разнонаправленно:

- физиологическое развитие продолжает ускоряться (акселерация) [Лях В.И. и др., 2021];

- психологическое и социальное развитие замедлилось (инфантилизация) [Илларионов А.А. и др., 2025];

- уровень интеллектуального и эмоционального развития характеризуется все большим разбросом (дисперсией).

Во-вторых, поколение «зет» сменяет поколение «альфа». Причем темп смены поколений также ускоряется, постепенно сравниваясь с продолжительностью обучения.

В-третьих, в условиях быстрого научно-технического прогресса знания устаревают все быстрее — фактически еще до того, как преподаватель вуза появляется с соответствующим материалом в аудитории.

В-четвертых, регламент допустимого применения LLM в образовательном процессе еще только формируется, а реальное их применение обучающимися и педагогами давно опередило формирование этих правил.

В-пятых, LLM как инструмент и, одновременно, как источник новых знаний неизбежно приводит к избирательной атрофии некоторых функций мышления и познания современного человека и переформатированию других. Так, с одной стороны, можно говорить о подчиненности цифровой инфраструктуре человеческого восприятия пространства и времени, человеческой креативности, в целом — человеческой субъективности. С другой — появляются приобретающие способность говорить цифровые устройства, язык которых начинает определять собственно человеческие языковые практики [Vnutsikh A., Komarov S., 2024].

В-шестых, человеко-машинное взаимодействие, в том числе взаимодействие студентов и преподавателей с LLM, в настоящее время складывается стихийно, и его формирующее в отношении человеческого интеллекта воздействие, как и вопросы повышения эффективности человеко-машинного взаимодействия, исследованы пока явно недостаточно.

Что делать?

Рамочное решение видится в необходимости:

- 1) широкой фундаментальной подготовки на первом этапе образования как основы профессии и путеводителя в мире знаний; особую роль в этой подготовке должны сыграть наименее «актуальные» в расхожем смысле слова, но потому и наиболее «человеческие»

по содержанию, дисциплины, в первую очередь — философские;

- 2) сокращения срока обучения до 1,5–2,0 лет;

- 3) непрерывного обучения в процессе производственной деятельности, постоянной актуализации профессиональных знаний и умений будущих специалистов;

- 4) опережающего или одновременного развития образования с внедрением новых технологий в производство;

- 5) широкой вариативности и гибкости образовательных программ;

- 6) выработки системы принципов применения технологий ИИ в образовательном процессе, важную роль в создании которой также должны сыграть представители философии и других гуманитарных наук.

На взгляд авторов, свой вклад в формирование принципов применения ИИ в образовании могут внести результаты исследования К. Ридла и Б. Вайдманна «Quantifying Human-AI Synergy», а также концепция «новых законов робототехники» Ф. Паскуале.

К. Ридл и Б. Вайдманн приходят к выводу о существенных различиях и слабой корреляции человеческого навыка самостоятельного решения задач, с одной стороны, и навыка решения их в формате «синтеллекта» (с помощью ИИ) — с другой. Действительно, основу второго навыка составляют способности предвосхищения заблуждений ИИ, заполнения пробелов в контексте, уточнения целей, выстраивания партнерских отношений [Riedl C., Weidmann B., 2025]. По-видимому, современное образование должно прицельно формировать эти навыки как два существенно различающихся режима, избегая стихийно складывающегося в настоящее время дисбаланса в пользу развития «синтеллектуального» навыка, а фактически — имитирующего учебную деятельность машинного псевдотворчества.

Этический же каркас упомянутой системы принципов применения ИИ в образовании могут составить второй и четвертый законы робототехники, сформулированные Ф. Паскуале: «Роботизированные системы и ИИ не должны притворяться людьми» и «всегда должны содержать указание на идентичность своего создателя, оператора и собственника» [Паскуале Ф., 2022, с. 23, 34]. Роль человека в творческом взаимодействии с LLM должна

зафиксироваться как новая этическая и правовая норма.

Человек и роботы (в широком смысле этого слова), ИИ во имя лучшего будущего, конечно, должны коэволюционировать — но в этом со-развитии *поддерживать свою определенность* как естественного и искусственного начала. Только в этом случае упомянутый выше синтетический интеллект с его синергетическими эффектами вообще возможен. В свете всего сказанного ошибочным представляется целевой показатель разработчиков технологий ИИ, которые исходят из желательности максимального «приближения» ИИ к человеческому. Поскольку именно *различие* этих интеллектов позволит данной «экосистеме» быть стабильной и успешно развиваться. Нам нужна кардинальная трансформация системы образования («цифровая» опущено осознанно): за счет развития творческого мышления и воспитательной функции *нужно делать человеческое сознание и познавательный аппарат не технизированными, а, напротив, максимально человеческим, и в этом смысле «непохожими» на ИИ.*

Заключение

На самостоятельное творчество в человеческом смысле LLM не способны. Однако из-за наличия у людей как познающих субъектов «идола рода» (в смысле Ф. Бэкона, который считал этот идол неустранимым) люди с легкостью антропоморфизируют деятельность искусственных интеллектуальных агентов. Раньше мы, меряя их «по себе», верили в духовную составляющую природных объектов; позже — приписывали человеческие качества творцу; теперь приписываем сознание и творчество в человеческом смысле искусственным интеллектуальным агентам.

Впрочем, сила LLM проявляется в ходе формирования совместного синтетического интеллекта (синтеллекта) с человеком. Именно в этой системе — «между» человеком, роль которого является неустранимой и определяющей, и искусственным интеллектуальным агентом — возникают синергетические эффекты, кратно повышающие эффективность и творческий потенциал этой системы в целом.

Следует принять как факт то обстоятельство, что дальнейшее развитие человека, в том

числе реализация им его творческих функций, будет неразрывно связана не только с навыками самостоятельного мышления, но и с его способностью успешно взаимодействовать с искусственными интеллектуальными агентами. Невозможно продолжать ходить исключительно на своих собственных ногах, когда уже изобретено колесо.

Современная система образования до сих пор слабо адаптирована к этой новой реальности, в результате чего навыки «синтеллектуальной деятельности» как обучающихся, так и преподавателей формируются в основном стихийно. Необходимо сознательное формирование и повсеместное применение системы принципов использования технологий LLM в образовательном процессе. Только это может предотвратить деформации сознания и познавательного аппарата человека, который должен сохранять свою уникальность и автономию как в интересах собственного развития, так и в интересах развития синтеллекта. Нежелательной альтернативой такой коэволюции может стать, с одной стороны, интеллектуальная деградация человека, а с другой — очередная «зима» искусственного интеллекта.

Список литературы

Аришинов В.И., Янукович М.Ф., Гарашко Ю.Н. Онтология в диалоге: рождение языка и смысла на пересечении человеческого и искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 3. С. 317–328. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-3-317-328> EDN: AYNKYE

Бескова И.А., Касавин И.Т. Творчество // Новая философская энциклопедия. 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01089445249fc349f1553108> (дата обращения: 07.04.2026).

Илларионов А.А., Макарова Е.А., Макарова Е.Л. Инфантилизм взрослого поколения как неизбежная реальность современности // Russian Journal of Education and Psychology. 2025. Т. 16, вып. 2. С. 352–374. DOI: <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-2-692> EDN: LBYOVQ

Киященко Л.П., Жуков Л.Б., Карнеев Р.Р., Сабанина Н.Р. Онтология нейросети в трансдисциплинарном диалоге: опыт коллективного фило-

софского исследования // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 3. С. 329–343. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-3-329-343> EDN: FPMDCJ

Коркотян Э. Квантовый переход в нейробиологии и проблема детерминизма // Новые идеи в философии. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2014. Вып. 2 (22). С. 61–71. EDN: SUFZDN

Кочегарова Е.А. К вопросу о понимании творчества в современности // Философия творчества. Ежегодник. Философско-методологический анализ творческих процессов / Ред.: Смирнова Н.М., Бескова И.А. Вып. 9. М.: Голос, 2023. С. 361–375.

Лях В.И., Левушкин С.П., Сонькин В.Д., Скоблина Н.А. Тенденции изменений показателей физического развития детей, подростков и молодежи в конце XX века и начале XXI века (обзор) // Теория и практика физической культуры. 2021. Вып. 11. С. 56–59. EDN: QСJОСР

Михаил Мишустин принял участие в IX конференции «Цифровая индустрия промышленной России» // Правительство России. 2024. URL: <http://government.ru/news/51640/> (дата обращения: 01.03.2025).

Паскуале Ф. Новые законы робототехники: апология человеческих знаний в эпоху искусственного интеллекта. М.: Дело, 2022. 448 с.

Altman S. The Gentle Singularity // blog.samaltman.com. 2025. URL: <https://blog.samaltman.com/the-gentle-singularity> (дата обращения: 07.04.2026).

Beckett C. New powers, new responsibilities. A global survey of journalism and artificial intelligence // London School of Economics and Political Science. 2019. URL: <https://www.lse.ac.uk/media-and-communications/polis/JournalismAI/The-report> (дата обращения: 07.04.2026).

Brooks R. Predictions Scorecard, 2024 January 01 // rodnebrooks.com. 2024. URL: <https://rodnebrooks.com/predictions-scorecard-2024-january-01/> (дата обращения: 07.04.2026).

Floridi L., Chiriatti M. GPT-3: Its nature, scope, limits, and consequences // Minds and Machines. 2020. Vol. 30, № 4. P. 681–694. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11023-020-09548-1> EDN: UULULA

Nuñez M. Google and OpenAI's coding wins at university competition show enterprise AI tools can take on unsolved algorithmic challenges // VentureBeat. 2025. URL: [https://venturebeat.com/ai/google-](https://venturebeat.com/ai/google-and-openais-coding-wins-at-university-competition-show-enterprise-ai)

[and-openais-coding-wins-at-university-competition-show-enterprise-ai](https://venturebeat.com/ai/google-and-openais-coding-wins-at-university-competition-show-enterprise-ai) (дата обращения: 07.04.2026).

OpenAI. DALL-E: Creating Images from Text // openai.com. 2021. URL: <https://openai.com/index/dall-e/> (дата обращения: 07.04.2026).

Riedl C., Weidmann B. Quantifying Human-AI Synergy // OSF Preprints. 2025. URL: https://osf.io/preprints/psyarxiv/vbkmt_v1 (дата обращения: 07.04.2026). DOI: https://doi.org/10.31234/osf.io/vbkmt_v1

Sparrow J. Full on robot writing: the artificial intelligence challenge facing universities // The Guardian. 2022. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2022/nov/19/full-on-robot-writing-the-artificial-intelligence-challenge-facing-universities> (дата обращения: 07.04.2026).

Vnatskikh A., Komarov S. Lebenswelt, Digital Phenomenology, and the Modification of Human Intelligence // Technology and Language. 2024. Vol. 5, № 2. P. 67–79. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2024.02.06> EDN: SGDMKO

Yalalov D. GPT-3's first steps into the art of poetry // mpost.io. 2022. URL: <https://mpost.io/gpt-3s-first-steps-into-the-art-of-poetry/> (дата обращения: 07.04.2026).

Zhang L.H., Milli S., Jusko K., Smith J., Amos B., Bouaziz W., Revel M., Kussman J., Titus L., Radharapu B., Yu J., Sarma V., Rose K., Nickel M. Cultivating Pluralism In Algorithmic Monoculture: The Community Alignment Dataset // arXiv. 2025. URL: <https://arxiv.org/abs/2507.09650v1> (дата обращения: 07.04.2026).

References

Altman, S. (2025). The gentle singularity. *blog.samaltman.com*. Available at: <https://blog.samaltman.com/the-gentle-singularity> (accessed 07.04.2026).

Arshinov, V.I., Yanukovich, M.F. and Garashko, Yu.N. (2025) [Ontology in dialogue: the birth of language and meaning at the intersection of human and artificial intelligence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 317–328. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-3-317-328>

Beckett, C. (2019). New powers, new responsibilities. A global survey of journalism and artificial intelligence. *London School of Economics and Political Science*. Available at: [https://www.lse.ac.uk/media-and-](https://www.lse.ac.uk/media-and-communications/polis/JournalismAI/The-report)

communications/polis/JournalismAI/The-report (accessed 07.04.2026).

Beskova, I.A. and Kasavin, I.T. (2010). [Creativity]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01089445249fc349f1553108> (accessed 07.04.2026).

Brooks, R. (2024). Predictions scorecard, 2024 January 01. *rodnebrooks.com*. Available at: <https://rodnebrooks.com/predictions-scorecard-2024-january-01/> (accessed 07.04.2026).

Floridi, L. and Chiriatti, M. (2020). GPT-3: Its nature, scope, limits, and consequences. *Minds and Machines*. Vol. 30, no. 4, pp. 681–694. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11023-020-09548-1>

Illarionov, A.A., Makarova, E.A. and Makarova, E.L. (2025). [Infantilism of the adult generation as an inevitable modern reality]. *Russian Journal of Education and Psychology*. Vol. 16, iss. 2, pp. 352–374. DOI: <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-2-692>

Kiyaschenko, L.P., Zhukov, L.B., Karneev, R.R. and Sabanina, N.R. (2025). [Ontology of the neural network in a transdisciplinary dialogue: an experience of collective philosophical research]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 329–343. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-3-329-343>

Kochegarova, E.A. (2023). [On the question of understanding creativity in modernity]. *Filosofiya tvorchestva. Ezhegodnik. Filosofskometodologicheskii analiz tvorcheskikh protsessov, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [Smirnova N.M., Beskova I.A. (eds.) Philosophy of Creativity. Yearbook. Philosophical and Methodological Analysis of Creative Processes]. Iss. 9. Moscow: Golos Publ., pp. 361–375.

Korkotyan, E. (2014) [Quantum transition in neurobiology and the problem of determinism]. *Novyye idei v filosofii* [New ideas in philosophy]. Iss. 2(22), pp. 61–71.

Lyakh, V.I., Levushkin, S.P., Son'kin, V.D. and Skoblina, N.A. (2021). [World young population's physical development progress analysis for late XX to early XXI century]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and Practice of Physical Culture]. Iss. 11, pp. 56–59.

[Mikhail Mishustin takes part in the IX conference "Digital Industry of Industrial Russia" (2024).

Об авторах

Внутских Александр Юрьевич
доктор философских наук, доцент

профессор кафедры философии,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,

Pravitel'stvo Rossii [Government of Russia]. Available at: <http://government.ru/news/51640/> (accessed 01.03.2025).

Núñez, M. (2025). Google and OpenAI's coding wins at university competition show enterprise AI tools can take on unsolved algorithmic challenges. *VentureBeat*. Available at: <https://venturebeat.com/ai/google-and-openais-coding-wins-at-university-competition-show-enterprise-ai/> (accessed 07.04.2026).

OpenAI (2021). 'DALL-E: Creating images from text. *openai.com*. Available at: <https://openai.com/index/dall-e/> (accessed 07.04.2026).

Pasquale, F. (2022). *Novye zakony robototekhniki: apologiya chelovecheskikh znaniy v epokhu iskusstvennogo intellekta* [New laws of robotics: defending human expertise in the age of AI]. Moscow: Delo Publ., 448 p.

Riedl, C. and Weidmann, B. (2025). Quantifying human-AI synergy. *OSF Preprints*. Available at: https://osf.io/preprints/psyarxiv/vbkmt_v1 (accessed 07.04.2026). DOI: https://doi.org/10.31234/osf.io/vbkmt_v1

Sparrow, J. (2022). Full on robot writing: the artificial intelligence challenge facing universities. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/australia-news/2022/nov/19/full-on-robot-writing-the-artificial-intelligence-challenge-facing-universities> (accessed 07.04.2026).

Vnutskikh, A. and Komarov, S. (2024). Lebenswelt, digital phenomenology, and the modification of human intelligence. *Technology and Language*. Vol. 5, no. 2, pp. 67–79. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolog.2024.02.06>

Yalalov, D. (2022). GPT-3's first steps into the art of poetry. *mpost.io*. Available at: <https://mpost.io/gpt-3s-first-steps-into-the-art-of-poetry/> (accessed 07.04.2026).

Zhang, L.H., Milli, S., Jusko, K., Smith, J., Amos, B., Bouaziz, W., Revel, M., Kussman, J., Titus, L., Radharapu, B., Yu, J., Sarma, V., Rose, K. and Nickel, M. (2025). Cultivating pluralism in algorithmic monoculture: the community alignment dataset. *arXiv*. Available at: <https://arxiv.org/abs/2507.09650v1> (accessed 07.04.2026).

About the authors

Alexander Yu. Vnutskikh
Doctor of Philosophy, Docent

Professor of the Department of Philosophy,
Perm State University,

614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
заведующий кафедрой философии и права,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;

e-mail: avnut@inbox.ru
ResearcherID: R-3075-2017

Кузнецов Андрей Геннадьевич
кандидат технических наук, доцент
доцент кафедры экономики

Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;

e-mail: papasha9914@mail.ru
ResearcherID: OFM-5351-2025

Оконская Наталия Камильевна
доктор философских наук, профессор
профессор кафедры фундаментальных и гумани-
тарных дисциплин

Когалымский филиал Пермского национального
исследовательского политехнического университе-
та,
628482, Ханты-Мансийский автономный округ –
Югра, Когалым, ул. Береговая, 100;

e-mail: nataokonskaya@rambler.ru
ResearcherID: AAS-2052-2021

Штин Михаил Николаевич
генеральный директор

ALAMICS Digital,
614002, Пермь, ул. Чернышевского, 28;

15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;

Head of the Department of Philosophy and Law,
Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;

e-mail: avnut@inbox.ru
ResearcherID: R-3075-2017

Andrey G. Kuznetsov
Candidate of Technical Science,
Associate Professor of the Department of Economics

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;

e-mail: papasha9914@mail.ru
ResearcherID: OFM-5351-2025

Natalia K. Okonskaya
Doctor of Philosophy, Professor

Professor of the Department of Fundamental and Hu-
manities Disciplines,
Kogalym Branch of Perm National Research
Polytechnic University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;

100, Beregovaya st., Kogalym, Khanty-Mansiysk
Autonomous Okrug – Yugra, 628482, Russia;

e-mail: nataokonskaya@rambler.ru
ResearcherID: AAS-2052-2021

Mikhail N. Shtin
General Director

ALAMICS Digital,
28, Chernyshevskogo st., Perm, 614002, Russia;

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.07
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-290-304>
<https://elibrary.ru/crkqzo>

Поступила: 02.11.2025
Принята: 21.12.2025
Опубликована: 03.07.2026

ЧАТ-БОТ DEEPSEEK КАК ИНСТРУМЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЗНАЧИМЫХ СОБЫТИЙ

Фрейманис Инга Федоровна, Бергфельд Александра Юрьевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Статья посвящена пилотажному исследованию эффективности использования чат-бота DeepSeek в качестве инструмента психологического сопровождения при переживании значимых жизненных событий. Актуальность исследования обусловлена растущей потребностью в доступных инструментах психологической помощи. В исследовании приняли участие 64 респондента, распределенных на экспериментальную (39 чел.) и контрольную (25 чел.) группы. Использовался квазиэкспериментальный план с измерениями до и после 4-недельного вмешательства. Участники экспериментальной группы взаимодействовали с чат-ботом DeepSeek. Участники контрольной группы получали психологическое информирование. Для оценки эффективности вмешательства использовались стандартизированные методики: шкала оценки пережитых значимых событий (SRRS); шкала депрессии, тревоги, стресса (DASS-21); шкала удовлетворенности жизнью (SWLS); шкала субъективного одиночества (UCLA). Результаты анализа значимых жизненных событий, пережитых участниками исследования за последний год, продемонстрировали сходство структуры доминирующих стрессоров в экспериментальной и контрольной группах. Для обработки данных количественного исследования использовались методы описательной статистики, тест Шапиро – Уилка, критерий Левене, t-критерий Стьюдента. Субъективный опыт пользователей чат-бота DeepSeek исследовался с помощью качественного анализа рефлексивных отчетов. Результаты количественного анализа подтвердили положительную динамику исследуемых показателей в экспериментальной группе, включая снижение депрессивной симптоматики ($p = 0.041$), показателей стресса ($p < 0.001$), уровня тревожности ($p = 0.025$) и субъективного одиночества ($p < 0.001$), повышение уровня удовлетворенности жизнью ($p < 0.001$). Качественный анализ выявил основные причины обращений за психологической поддержкой, подтвердил, что чат-бот эффективен как инструмент ситуативной поддержки. Однако его возможности ограничены при работе с интенсивными аффективными состояниями. Сделан вывод о том, что чат-бот DeepSeek может рассматриваться как дополнительный инструмент в системе психологического сопровождения, особенно в условиях ограниченной доступности услуг специалиста. Сформулированы ограничения данного исследования. Определены перспективы дальнейших исследований, связанные с изучением долгосрочных эффектов и оптимизацией диалоговых алгоритмов.

Ключевые слова: чат-бот DeepSeek, искусственный интеллект, психологическая поддержка посредством чат-бота, значимые жизненные события, депрессия, стресс, тревога, удовлетворенность жизнью, субъективное одиночество, когнитивно-поведенческая терапия.

Для цитирования:

Фрейманис И.Ф., Бергфельд А.Ю. Чат-бот DeepSeek как инструмент психологического сопровождения переживания значимых событий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 2. С. 290–304. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-290-304>. EDN: CRKQZO

THE DEEPSEEK CHATBOT AS A TOOL FOR PSYCHOLOGICAL SUPPORT IN PROCESSING SIGNIFICANT LIFE EVENTS

Inga F. Freimanis, Alexandra Yu. Bergfeld

Perm State University (Perm)

This article presents a pilot study investigating the effectiveness of DeepSeek chatbot as a tool for psychological support during significant life events. The relevance of this research is underscored by the increasing demand for accessible mental health resources. The study involved 64 participants, divided into two groups: an experimental group (n=39) and a control group (n=25). A quasi-experimental pre-test/post-test design was implemented over a four-week intervention period. Participants in the experimental group engaged in interactions with DeepSeek chatbot, while those in the control group received psychoeducational materials. To assess the intervention's effectiveness, standardized instruments were used: the Social Readjustment Rating Scale (SRRS), the Depression, Anxiety, and Stress Scale (DASS-21), the Satisfaction with Life Scale (SWLS), and the UCLA Loneliness Scale. A content analysis of significant life events experienced by the participants in the past year revealed a similar structure of dominant stressors across both groups. Quantitative data analysis employed descriptive statistics, the Shapiro-Wilk test, Levene's test, and Student's test. The subjective experience of DeepSeek chatbot users was examined through a qualitative analysis of structured reflective reports. Quantitative results demonstrated positive dynamics within the experimental group, including reductions in depressive symptoms ($p = .041$), stress ($p < .001$), anxiety ($p = .025$), and subjective loneliness ($p < .001$), alongside a significant increase in life satisfaction ($p < .001$). Qualitative analysis identified the primary reasons for seeking psychological support (emotion regulation, general support, self-discovery) and confirmed the chatbot's efficacy as a tool for situational support and structuring experiences. However, its utility was found to be limited in managing intense affective states. It is concluded that DeepSeek chatbot can be considered a supplementary tool within psychological support systems, particularly where access to specialist services is constrained. The article delineates the study's limitations and proposes future research directions focusing on investigating long-term effects and optimizing conversational algorithms.

Keywords: DeepSeek chatbot, artificial intelligence, chatbot-based psychological support, significant life events, depression, stress, anxiety, life satisfaction, subjective loneliness, cognitive-behavioral therapy.

To cite:

Freimanis I.F., Bergfeld A.Yu. [The DeepSeek chatbot as a tool for psychological support in processing significant life events]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 2, pp. 290–304 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-290-304>, EDN: CRKQZO

Введение

В современных условиях наблюдается устойчивый рост психоэмоционального напряжения среди различных социальных групп, напрямую связанный с переживанием критических жизненных событий [Monroe S.M. et al., 2007; Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А., 2020]. Классические исследования в психологической науке убедительно демонстрируют, что события, воспринимаемые как значимые и требующие ре-

сурсозатратной адаптации (утрата, развод, потеря работы и т.д.), являются мощными стресс-факторами. Их переживание коррелирует с развитием депрессии, тревожных расстройств [Monroe S.M. et al., 2007], чувства одиночества [Shankar R., 2023] и снижением общей удовлетворенности жизнью [Cohen S. et al., 2019; Schaan V.K., Vögele C., 2016]. Особую остроту эта проблема приобрела в период пандемии COVID-19, усугубившей уровень глобального

психологического неблагополучия [Pfefferbaum B., North C.S., 2020].

Указанные тенденции закономерно увеличивают спрос на профессиональную психологическую помощь. Однако традиционная система очного консультирования не всегда способна удовлетворить растущие запросы в полной мере из-за барьеров доступности, стоимости и кадрового дефицита. Это актуализирует поиск инновационных, масштабируемых и доступных решений, способных обеспечить поддержку для широких слоев населения.

Одним из перспективных направлений является активная цифровизация сферы психического здоровья [Zhang A. et al., 2021; Russell S., Norvig P., 2020]. Среди цифровых инструментов особый интерес представляют ИИ чат-боты (чат-боты со встроенным искусственным интеллектом) — программы, использующие искусственный интеллект для имитации осмысленной беседы. Современные ИИ чат-боты демонстрируют потенциал в оказании поддержки, способны в ограниченной степени имитировать эмпатическое слушание, распознавать эмоциональные триггеры и предоставлять ответы, основанные на принципах доказательных терапевтических подходов, например как когнитивно-поведенческая терапия [Fitzpatrick K.K. et al., 2017]. Их внедрение способно существенно повысить доступность и снизить стоимость психологической помощи.

Важным преимуществом ИИ чат-ботов является способность создавать условия для более откровенной коммуникации. Данный эффект проявляется в том, что пользователи демонстрируют более высокий уровень самораскрытия при описании симптомов депрессии чат-боту «психологу» [Lucas R.E., 2007]. Пользователи также отмечают, что общение с чат-ботом воспринимается как анонимное и конфиденциальное, что способствует свободному выражению мыслей без опасения осуждения [Lucas R.E. et al., 2014]. Практическим достоинством является круглосуточная доступность данной технологии, повышающая удобство и оперативность обращения за помощью [Brandtzæg P.B. et al., 2021].

Ряд исследований указывает, что ИИ чат-боты способствуют большему самораскрытию, чем межличностная коммуникация в социальных сетях, особенно в контексте негативных

самооценок и депрессивной симптоматики [Chin H. et al., 2023]. Эмпирически установлено, что использование ИИ чат-ботов ведет к статистически значимому снижению потребности пользователей в поиске эмоциональной поддержки в реальном социальном окружении [Choudhury M. et al., 2017].

Самораскрытие в общении с ИИ чат-ботом оказывает положительное влияние на психологическое самочувствие. Вербализация негативных эмоций пользователей способствует улучшению их психологического состояния. Люди, обеспокоенные социальной стигмой, с большей вероятностью раскрывают конфиденциальную информацию о своем настроении в общении с технологией, обсуждая свои проблемы, не опасаясь осуждения [Lachmar E.M. et al., 2017]. Понимание того, что собеседник является машиной, а не человеком, повышает комфорт и доверие пользователей, что приводит к большему самораскрытию [Ta V. et al., 2020].

Исследование показало, что пользователи охотнее делятся личной информацией с ИИ чат-ботом, чем с человеком в беседе онлайн. Для того, чтобы рассказать о своем стрессе или тревоге, люди чаще предпочитают чат-бота, чем человека-собеседника [Shores R., 2020].

В сфере прикладной психологии чат-боты могут предоставлять информацию по стратегиям преодоления трудностей, упражнениям на осознанность, методам коррекции психологических проблем, а также связывать пользователей с профессионалами для получения кризисной помощи, предлагать доступ к информации о системах кризисной поддержки и контактах экстренной помощи [Фрейманис И.Ф., 2024].

Несмотря на растущий объем международных исследований, посвященных оценке эффективности ИИ чат-ботов как инструмента психологического сопровождения [Feng Y. et al., 2025], существующие работы носят зачастую фрагментарный характер. В литературе отмечается значительный дефицит качественных исследований, посвященных именно процессу психологического сопровождения в контексте переживания значимых жизненных событий. Особенно выражена нехватка таких исследований в русскоязычном научном сегменте, с учетом российской социокультурной специфики.

Организация исследования

Целью данного исследования является изучение возможностей чат-бота DeepSeek в качестве инструмента психологического сопровождения для широкой аудитории, переживающей значимые жизненные события.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что использование чат-бота DeepSeek для психологического сопровождения в ситуации переживания значимых событий может статистически значимо улучшить показатели психологического состояния пользователей, а именно: снизить уровень стресса, тревоги, субъективное одиночество и повысить удовлетворенность жизнью.

Для достижения цели исследования поставлен ряд ключевых задач. Был проведен квази-эксперимент с пред- и посттестированием для оценки динамики психоэмоциональных показателей и сравнения групп, а также осуществлен качественный анализ рефлексивных отчетов для изучения субъективного опыта участников.

Для обеспечения целенаправленного и методологически корректного взаимодействия с чат-ботом в исследовании использовалась техника структурированных промптов (от англ. prompt — подсказка, стимул). В контексте взаимодействия с ИИ промпт представляет собой специально составленный запрос, инструкцию или набор директив, который передается модели для выполнения конкретной задачи. Качество и релевантность ответа нейросети напрямую зависят от точности и детализации промпта, т.к. он задает контекст, рамки и роль, в которой должен действовать алгоритм.

Для стандартизации процедуры психологического сопровождения и повышения ее эффективности, участникам исследования было рекомендовано использовать промпты, основанные на принципах ролевого моделирования. В рамках данного подхода чат-боту присваивалась роль когнитивно-поведенческого терапевта (КПТ).

Выбор этой конкретной терапевтической парадигмы был не случаен. Когнитивно-поведенческая терапия представляет собой научно обоснованное направление психологической коррекции для решения текущих проблем и улучшения психического самочувствия за счет работы с дезадаптивными мыслями и

поведенческими паттернами [Риллаэр Ж.В., 2010]. КПТ техники отличаются структурностью, протоколированностью и высокой степенью алгоритмизации, что делает их совместимыми с логикой работы языковых моделей.

Пример одного из промптов, предложенных пользователям в качестве рекомендаций:

«Ты — опытный когнитивно-поведенческий терапевт. Я — твой клиент. Я постоянно испытываю высокую тревогу и меня преследуют негативные мысли, которые мешают мне в повседневной жизни. Помогите мне проанализировать возможные причины такого состояния и предложите конкретные практические стратегии, чтобы научиться управлять этими эмоциями».

Участникам было рекомендовано использовать данную структуру в качестве шаблона, адаптируя содержание под свои индивидуальные запросы при сохранении ключевого элемента — четкого определения для чат-бота роли специалиста в рамках когнитивно-поведенческого подхода. Это обеспечивало стандартизацию базового терапевтического формата при сохранении персонализированного характера запроса.

Такой формат взаимодействия позволяет:

- задавать профессиональный контекст, фокусируя модель на решении психологических, а не абстрактно-информационных задач;
- структурировать диалог в русле доказательного подхода, ориентированного на идентификацию когнитивных искажений и выработку навыков совладания;
- повышать релевантность и безопасность ответов, минимизируя риск генерации нейросетью непрофессиональных или потенциально вредных рекомендаций.

Использование структурированных промптов с элементами ролевого моделирования выступило ключевым методологическим приемом, позволившим трансформировать универсальный чат-бот DeepSeek в специализированный инструмент психологического сопровождения, имитирующий работу психотерапевта в рамках когнитивно-поведенческого подхода.

В качестве инструмента сопровождения был выбран чат-бот DeepSeek. Данный выбор обусловлен совокупностью преимуществ, делающих модель оптимальным инструментом для задач психологического сопровождения.

Во-первых, высокий уровень генерации текста и эмпатийной подстройки. DeepSeek демонстрирует способность создавать не только грамотные и содержательно развернутые, но и стилистически адаптированные ответы. В контексте психологической поддержки это выражается в подборе лексики, соответствующей эмоциональному тону запроса пользователя, что является ключевым для установления коммуникации и создания ощущения понимания.

Во-вторых, эффективная кросс-культурная адаптация, включающая качественную русификацию. В отличие от некоторых аналогов, чьи ответы на русском языке могут носить механистический характер или содержать стилистические ошибки, DeepSeek показывает высокую степень естественности в общении на русском языке. Это исключает дополнительный когнитивный барьер и коммуникационные искажения для русскоязычной аудитории, что особенно значимо для психологической поддержки.

В-третьих, контекстуальная осведомленность и способность к поддержанию длительной связной беседы. Модель эффективно учитывает контекст диалога, обращаясь к предыдущим репликам пользователя. Эта функция является технологическим аналогом навыка психолога «держат нить беседы», что абсолютно необходимо для процесса психологического сопровождения.

В-четвертых, выраженный аналитический потенциал. Способность модели к обработке и осмыслению сложных, комплексных пользовательских запросов позволяет ей не только давать эмпатийные ответы, но и помогать пользователю в структурировании мыслей, анализе причинно-следственных связей и рефлексии — ключевых процессах при переживании кризиса.

Наконец, в-пятых, открытая доступность и политика регулярного развития. Бесплатный доступ к функционалу модели для конечных пользователей снимает экономический барьер, что полностью соответствует заявленной цели повышения доступности психологической помощи. Кроме того, постоянные обновления алгоритма обеспечивают актуальность инструмента.

Таким образом, совокупность технических характеристик, лингвистических качеств и организационных условий делает чат-бот DeepSeek релевантным и перспективным объ-

ектом для изучения его потенциала в качестве инструмента психологического сопровождения в русскоязычной среде.

Исследование проходило с февраля по апрель 2025 года. Участники отбирались случайным образом с помощью метода «снежный ком». Анкета была разослана с помощью онлайн-формы студентам ПГНИУ очного и заочного отделения.

Описание выборки. В исследовании приняли участие 64 испытуемых. Из них 39 человек использовали в качестве психологического сопровождения чат-бот DeepSeek со встроенным искусственным интеллектом (*экспериментальная группа*), 25 человек получали психологическое информирование об особенностях стресса, тревоги, депрессии (*контрольная группа*). Взаимодействие с чат-ботом и психологическое информирование происходило на протяжении 4 недель.

В число пользователей, взаимодействующих с чат-ботом DeepSeek, вошли 18 мужчин и 21 женщина, в возрасте от 18 до 43 лет ($M = 22$; $SD = 6,91$). По условиям исследования, участники *экспериментальной группы* ежедневно взаимодействовали с чат-ботом DeepSeek, обсуждая с ним свое эмоциональное состояние.

В число участников, получавших психологическое информирование, вошли 9 мужчин и 16 женщин, в возрасте от 21 до 37 лет ($M = 21$; $SD = 3,15$). Участники *контрольной группы* проходили программу информирования в течение 4 недель. Респонденты состояли в чате в сети Вконтакте, где ежедневно публиковались материалы психологической направленности.

Основным критерием, по которому отбирались наши участники, стал высокий уровень стрессового напряжения (не менее 150 баллов), согласно методике (SRRS). Это значит, что в течение последнего года участники пережили много значимых событий. Согласно шкале пережитых стрессовых событий SRRS, если полученный балл находится в диапазоне от 150 баллов, существует 50 % вероятность того, что у данного лица возникнут проблемы в психоэмоциональной сфере [Водопьянова Н.Е., 2009]. Многочисленные исследования показывают, что переживание значимых жизненных событий значительно увеличивает риск развития депрессии, тревожных расстройств, снижает психологическое благополучие личности

[Усик Д.А., Каминский В.В., 2026; Diez-Canseco F. et al., 2024; Yarrington J.S. et al., 2023].

Участие в исследовании было добровольным.

Исследование базируется на смешанном методологическом дизайне, интегрирующем количественный и качественный подходы.

Количественная часть реализуется в рамках квазиэкспериментального плана с предварительным и итоговым тестированием. Для объективной оценки динамики психоэмоционального состояния участников применялась батарея стандартизированных психодиагностических инструментов:

– шкала оценки стрессовых событий (SRRS), использование которой позволило оценить количество значимых жизненных событий, с которыми испытуемые встретились в течении последнего года [Водопьянова Н.Е., 2009];

– шкала депрессии, тревоги, стресса (DASS-21). Указанный опросник был применен в качестве основного инструмента для измерения уровня психоэмоционального неблагополучия, позволяя дифференцированно оценить симптоматику, связанную с депрессивными проявлениями, тревогой и хроническим стрессом [Золотарева А.А., 2021];

– шкала удовлетворенности жизнью (SWLS). Методика была использована для оценки компонента субъективного благополучия, отражающего общую удовлетворенность респондента своей жизнью в ретроспективном аспекте [Осин Е.Н., Леонтьев Д.А., 2020];

– шкала одиночества (UCLA). Данный инструмент применялся для измерения субъективного переживания одиночества и степени социальной изоляции, что является значимым параметром при анализе последствий переживания значимых жизненных событий [Ишмухаметов И.Н., 2006].

Выбор указанного диагностического комплекса позволил осуществить многомерную оценку ключевых параметров, релевантных целям исследования: от объективной стрессовой нагрузки вследствие переживания значимых событий, до субъективных переживаний депрессии, тревоги, удовлетворенности жизнью и одиночества. Замеры производились на 2 контрольных точках: до начала интервенции и по завершению.

Перед началом экспериментального вмешательства была проведена оценка исходного психологического состояния участников с целью проверки эквивалентности сформированных групп. Для сравнения исходных показателей по всем зависимым переменным применялся t-критерий Стьюдента для независимых выборок. Предварительно были проверены необходимые статистические предпосылки его применения: распределение данных в обеих группах соответствовало нормальному закону согласно результатам теста Шапиро – Уилка ($p > 0,05$ для всех показателей), а гомогенность дисперсий была подтверждена критерием Левене ($p > 0,05$). Полученные результаты не выявили статистически значимых межгрупповых различий на начальном этапе ($p > 0,05$), что свидетельствует об исходной эквивалентности групп и обеспечивает валидность последующего сравнения эффектов интервенции.

Качественная составляющая исследования ориентирована на глубинное изучение субъективного пользовательского опыта. Источником данных выступали рефлексивные отчеты участников экспериментальной группы.

Полученные результаты сопоставлялись с теоретическими выводами и эмпирическими данными других авторов.

Результаты

Анализ жизненных событий, пережитых участниками исследования. В рамках исследования был проведен анализ значимых жизненных событий, пережитых респондентами в течении последнего года. Сравнительный анализ перечней событий в экспериментальной ($n = 39$) и контрольной группах ($n = 25$) показал сходную структуру доминирующих стрессоров, что свидетельствует о репрезентативности выборки.

В экспериментальной группе, использовавшей чат-бот DeepSeek, наиболее частотными категориями значимых событий стали: «травма или серьезное заболевание» ($n = 18$), «изменение финансового положения» ($n = 16$), «реорганизация на работе/учебе» ($n = 12$). В контрольной группе, участники которой получали психологическое информирование, наблюдалась аналогичная иерархия ключевых стресс-факторов: «изменение финансового положения» ($n = 12$), «травма или серьезное заболева-

ние» (n=10), «реорганизация на работе/учебе» (n = 7).

Таким образом, для обеих групп респондентов основными значимыми событиями стали переживание проблем со здоровьем, нестабильность материального положения и повышенные требования в профессиональной и образовательной сферах. Данное сходство профилей значимых событий позволяет минимизировать влияние данного

фактора на последующий сравнительный анализ эффективности применяемых методов психологического сопровождения.

Оценка исходной эквивалентности экспериментальной и контрольной групп. Результаты сравнения исходных показателей между группой, использовавшей чат-бот DeepSeek (n = 39) и группой, получавшей информирование (n = 25), представлены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнение исходных психологических показателей в экспериментальной (группа 1) и контрольной (группа 2), до вмешательства

Table 1. Comparison of initial psychological indicators in the experimental group (1) and control group (2) before the intervention

Переменная	Ср. значения в группе 1	Ср. значения в группе 2	t-критерий Стьюдента	Уровень значимости (p)
Депрессия (DASS-21)	6,82	8,92	-1,68	0,10
Стресс (DASS-21)	10,64	11,80	-1,00	0,32
Тревога (DASS-21)	7,26	7,80	-0,48	0,63
Удовлетворенность жизнью (SWLS)	18,36	19,64	-0,66	0,51
Субъективное ощущение одиночества (UCLA)	37,95	39,36	-0,59	0,56

Как следует из данных таблицы 1, статистически значимых различий между группами на исходном этапе по всем исследуемым показателям (депрессия, стресс, тревога, удовлетворенность жизнью, субъективное одиночество) обнаружено не было (p >0,05 для всех t-критериев). Этот результат свидетельствует об исходной эквивалентности экспериментальной и контрольной групп до начала применения программ психологического сопровождения.

Анализ динамики психологических показателей в экспериментальной группе до и после взаимодействия с чат-ботом DeepSeek. Для оценки эффективности вмешательства в экспериментальной группе был проведен анализ динамики психологических показателей по методике «до – после» с использованием t-критерия Стьюдента для зависимых выборок. Результаты анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2. Динамика психологических показателей в экспериментальной группе (n=39) до и после взаимодействия с чат-ботом DeepSeek

Table 2. Dynamics of psychological indicators in the experimental group (n=39) before and after interaction with the DeepSeek chatbot

Переменная	Ср. значения в группе «До»	Ср. значения в группе «После»	t-критерий Стьюдента	Уровень значимости (p)
Депрессии (DASS-21)	6,82	4,74	143,5	0,041
Стресса (DASS-21)	10,64	7,85	108,5	0,000
Тревога (DASS-21)	7,26	5,62	133,5	0,025
Удовлетворенность жизнью (SWLS)	18,36	23,85	42,0	0,000
Субъективное ощущение одиночества (UCLA)	37,95	32,90	104,5	0,000

Показатели демонстрируют статистически значимую положительную динамику по всем исследуемым параметрам в группе, использовавшей чат-бот DeepSeek.

Снижение депрессивной симптоматики (с 6.82 до 4.74; $p = 0.041$). Полученные результаты согласуются с данными современных исследований цифровых психологических интервенций. В частности, в рандомизированном контролируемом исследовании чат-бота «Woebot» было зафиксировано значимое снижение симптомов депрессии по сравнению с контрольной группой [Fitzpatrick K.K. et al., 2017]. Мета-анализы также подтверждают, что чат-боты, основанные на принципах КПТ, могут демонстрировать эффективность, сопоставимую с поддержкой со стороны человека, при легкой и умеренной депрессии [Gaffney H. et al., 2019].

Динамика уровня стресса. Значительное снижение показателей стресса (с 10.64 до 7.85; $p < 0.001$) может быть объяснено предоставлением пользователям безопасной среды для вербализации переживаний и, вероятно, освоением техник эмоциональной саморегуляции. Этот результат коррелирует с данными об эффективности таких чат-ботов, как «Woebot» [Fitzpatrick K.K. et al., 2017], «Wysa» [Inkster B. et al., 2018] и «Tess» [Fulmer R. et al., 2018], которые целенаправленно работают со стрессом и тревогой, предлагая пользователям психообразовательные материалы и упражнения (например, техники релаксации и дыхательные практики).

Снижение тревожности. Умеренное, но статистически значимое снижение уровня тревоги (с 7.26 до 5.62; $p = 0.025$) может быть связано со способностью чат-бота помогать пользователям в структурировании мыслей и снижении когнитивной неопределенности — ключевого фактора тревожных расстройств. Это согласуется с результатами исследования, в котором 2-недельное использование чат-бота «Woebot» привело к значимому снижению тревоги у участников [Fitzpatrick K.K. et al., 2017].

Рост удовлетворенности жизнью. Достоверное повышение показателей по шкале удовлетворенности жизнью (с 18.36 до 23.85; $p < 0.001$) соотносится с теорией субъективного благополучия [Dohrenwend B.P., 2006], постулирующей, что снижение интенсивности негативных аффективных состояний

(депрессии, стресса, тревоги) вносит вклад в общее повышение удовлетворенности жизнью.

Снижение субъективного ощущения одиночества. Здесь была зафиксирована наиболее выраженная положительная динамика (с 37.95 до 32.90; $p < 0.001$). Этот эффект может быть обусловлен тем, что чат-бот, выполняя роль виртуального «компаньона», обеспечивает пользователям постоянную доступность и эмоциональную обратную связь, тем самым компенсируя дефицит социальных контактов. Подобные результаты были описаны в зарубежном исследовании со студентами университета, где 4-недельное взаимодействие с ИИ чат-ботом привело к значимому снижению чувства одиночества и социальной тревожности [Kim M. et al., 2025], а также в российском исследовании, результаты которого показали, что ежедневное 4-недельное общение с ИИ чат-ботами привело к статистически значимому снижению уровня одиночества [Фрейманс И.Ф., 2025].

Полученные результаты свидетельствуют о том, что использование чат-бота DeepSeek в течение 4 недель способствовало улучшению психологического состояния участников экспериментальной группы. Было выявлено достоверное снижение показателей депрессии, стресса, тревоги и субъективного одиночества, а также рост удовлетворенности жизнью.

Ключевые механизмы позитивного воздействия, на наш взгляд, включают следующие компоненты:

- создание безопасного пространства: возможность вербализации и структурирования негативных переживаний в неосуждающей среде;
- обеспечение поддержки: формирование ощущения постоянной социальной связи, что снижает переживание одиночества;
- использование доказательных методов: интеграция в диалоговый алгоритм элементов научно обоснованных подходов, таких как техники КПТ, психообразование и релаксационные упражнения.

Таким образом, результаты исследования позволяют рассматривать чат-бот DeepSeek как перспективный инструмент для оказания психологической поддержки в контексте переживания значимых жизненных событий.

Анализ динамики психологических показателей в контрольной группе до и после получения психологического информирования. Для оценки эффекта контрольного вмешательства был про-

веден анализ динамики показателей в группе, получавшей психологическое информирование. Результаты сравнения показателей «до» и «после» представлены в таблице 3.

Таблица 3. Динамика психологических показателей в контрольной группе (n = 25) до и после получения психологического информирования

Table 3. Dynamics of psychological indicators in the control group (n=25) before and after receiving psychological information

Переменная	Ср. значения в группе «До»	Ср. значения в группе «После»	t-критерий Стьюдента	Уровень значимости (p)
Депрессии (DASS-21)	8,92	8,2	50,0	0,122
Стресса (DASS-21)	11,8	11,48	125,5	0,704
Тревога (DASS-21)	7,8	7,52	117,5	0,533
Удовлетворенность жизнью (SWLS)	19,64	23,24	30,5	0,002
Субъективное ощущение одиночества (UCLA)	39,36	41	99,5	0,381

Анализ данных контрольной группы выявил статистически значимые изменения только по одному параметру из пяти. Зафиксирован достоверный рост показателей по шкале удовлетворенности жизнью (SWLS) (с 19.64 до 23.24; $p = 0.002$). Данный результат может быть объяснен тем, что психообразование повышает информированность участников о доступных ресурсах и копинг-стратегиях, что, в свою очередь, способствует росту субъективного благополучия и ощущению контроля над ситуацией [Орлова Д.Г., 2015].

В отличие от экспериментальной группы, в контрольной группе не наблюдалось значимых изменений по показателям депрессии ($p = 0.122$), стресса ($p = 0.704$), тревоги ($p = 0.533$) и субъективного одиночества ($p = 0.381$). Отсутствие положительной динамики, а также тенденция к увеличению показателя одиночества, несмотря на рост удовлетворенности жизнью, подчеркивают ограниченность воздействия информационного подхода на эмоциональное состояние.

Сравнительный анализ эффективности двух видов вмешательства — взаимодействия с чат-ботом DeepSeek и получения психологического информирования — позволяет сделать следующие выводы.

1. Подтверждена эффективность чат-бота DeepSeek. В экспериментальной группе зафиксирована статистически значимая положительная динамика по всем пяти исследуемым пока-

зателям: снижение депрессии, стресса, тревоги, субъективного одиночества и повышение удовлетворенности жизнью.

2. Выявлена ограниченная эффективность психологического информирования. В контрольной группе значимые изменения произошли лишь в сфере удовлетворенности жизнью, в то время как ключевые параметры психологического неблагополучия (депрессия, стресс, тревога, субъективное одиночество) остались без существенных изменений.

3. Установлены специфические эффекты вмешательства. Полученные данные позволяют утверждать, что чат-бот DeepSeek оказывает комплексное воздействие, затрагивая как когнитивно-оценочную составляющую (удовлетворенность жизнью), так и аффективную сферу (негативные эмоциональные состояния). В то же время психообразование демонстрирует эффект преимущественно в когнитивной области, не оказывая прямого значимого влияния на эмоциональное состояние пользователей.

Качественный анализ рефлексивных отчетов пользователей. Для углубленного понимания субъективного опыта взаимодействия с чат-ботом DeepSeek был проведен качественный анализ ежедневных рефлексивных отчетов участников экспериментальной группы (n = 39). В процессе анализа были выделены пять ключевых категорий, раскрывающих различные аспекты взаимодействия пользователей с ИИ чат-ботом. Результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4. Категории качественного анализа рефлексивных самоотчетов
 Table 4. Categories of qualitative analysis of reflective self-reports

Категория	Ключевые индикаторы	Примеры из отчетов
1. Причины обращений	Регуляция эмоций, потребность в поддержке, самопознание	«...помог справиться с сильной тревогой»; «...не с кем обсудить радость от рождения котят»; «...научиться определять свои эмоции»
2. Исходное состояние	Контекстная обусловленность эмоций, трудности вербализации	«...Не могла различить, что именно чувствую»; «...Злость, возникающая в транспорте»
3. Оценка эффективности	Зависимость от интенсивности переживаний, полярность оценок	«...Техника помогла мне заснуть»; «...Советы были шаблонными»
4. Соответствие ожиданиям	Ожидание эмпатии или практических техник	«...слова чат-бота расстроили меня»; «...дыхательные упражнения мне помогли»
5. Динамика переживаний	Катарсис, фрустрация, облегчение, усиление негатива	«...высказала злость в технике»; «...бот не поддержал мое недовольство»; «...тревога снизилась»

Анализ выявил сложную картину восприятия чат-бота DeepSeek пользователями.

С одной стороны, технология демонстрирует эффективность в качестве инструмента ситуативной поддержки, особенно при работе с умеренной тревогой и потребностью в структурировании переживаний. Чат-бот DeepSeek успешно выполняет функцию «катализатора рефлексии», помогая пользователям вербализовать и осмыслить свое эмоциональное состояние.

С другой стороны, выявлены значимые ограничения. Эффективность помощи существенно снижается при работе с интенсивными переживаниями (сильная злость, глубокая тревога). Полярность оценок пользователей (помогло / не помогло) часто связана с несопадением ожиданий: пользователи, ожидавшие эмпатического диалога, выражали разочарование шаблонностью ответов, в то время как те, кто был ориентирован на получение конкретных техник саморегуляции, отмечали позитивный эффект.

Динамика переживаний в процессе взаимодействия демонстрирует нелинейный характер: от первоначального напряжения и неопределенности через возможные фрустрации к конечному облегчению при успешной регуляции. В случаях неудачи отмечалось усиление негативных переживаний.

Качественный анализ подтвердил и углубил количественные данные исследования. Чат-бот

DeepSeek представляет собой эффективный инструмент для развития рефлексивной привычки и ситуативной саморегуляции, особенно при четко сформулированных запросах умеренной интенсивности. Однако технология имеет естественные ограничения, связанные с невозможностью обеспечения подлинной эмпатии и сложностью работы с интенсивными эмоциональными состояниями.

Обсуждение

Проведенное исследование демонстрирует, что использование чат-бота DeepSeek в качестве инструмента психологического сопровождения является значительно более эффективным для снижения уровня депрессии, стресса, тревоги и субъективного одиночества по сравнению с предоставлением только информационных материалов. Таким образом, гипотеза нашего исследования подтвердилась.

Эти данные открывают перспективы для интеграции ИИ-консультантов в существующие системы психологической помощи. Важно подчеркнуть, что чат-бот не заменяет традиционную психотерапию при работе с тяжелыми расстройствами, но может служить эффективным дополнительным инструментом, а также средством поддержки в ситуациях ограниченного доступа к помощи специалиста.

Перспективными направлениями для дальнейших исследований являются: изучение долгосрочных эффектов такого вмешательства, оп-

тимизация диалоговых алгоритмов под специфические запросы пользователей, а также исследование комбинированных форматов, где чат-бот выступает в роли помощника между сессиями с терапевтом.

Результаты качественного анализа подчеркивают необходимость четкого позиционирования роли чат-бота в системе психологической помощи как дополнительного инструмента поддержки, а не замены профессиональной психотерапии. Перспективным направлением развития представляется оптимизация алгоритмов для более точного распознавания интенсивности переживаний и дифференциации ответов в зависимости от типа запроса пользователя.

Ограничения исследования

Ограничения, связанные с выборкой. Общий объем выборки (N=64), разделенной на две группы, снижает статистическую мощность и обобщаемость результатов. Дополнительным фактором, требующим учета при интерпретации, является гендерный дисбаланс в составе выборки (37 женщин и 27 мужчин).

Методологический дизайн. Использованный квазиэкспериментальный план, несмотря на подтвержденную исходную эквивалентность групп, не позволяет в полной мере контролировать все внешние переменные.

Краткосрочность наблюдения. Исследование оценивало только непосредственные эффекты четырехнедельного вмешательства. Отсутствие данных не позволяет судить об устойчивости полученных позитивных изменений в психоэмоциональном состоянии пользователей в течение длительного периода.

Субъективность качественных данных. Качественный анализ опирался на рефлексивные отчеты участников, что сопряжено с рисками, присущими данному методу: возможными искажениями вследствие социальной желательности, ретроспективной переоценки событий или трудностей вербализации внутреннего опыта.

Контекстуальная ограниченность. В исследовании не стандартизировались и не учитывались в качестве контрольных переменных клю-

чевые индивидуально-личностные (например, уровень рефлексии, стиль совладания) и социально-демографические (образование, социально-экономический статус) факторы, которые могли модулировать эффективность взаимодействия с чат-ботом.

Специфика технологического инструмента. Результаты получены в рамках взаимодействия с конкретным чат-ботом DeepSeek на определенном этапе развития его алгоритмов. Эффективность и характер опыта пользования могут существенно варьироваться в зависимости от архитектуры ИИ, базы знаний и диалоговой модели иного аналогичного инструмента.

Список литературы

Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. Москва: Питер, 2009. 336 с. ISBN: 978-5-388-00542-7 EDN: QXVSDN

Золотарева А.А. Психометрическая оценка русскоязычной версии шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS-21) // Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 5. С. 80–88. URL: <https://psy.jes.su/S020595920017077-0-1> (дата обращения: 02.08.2025). DOI: 10.31857/S020595920017077-0 EDN: KXHQAУ

Ишимухаматов И.Н. Психометрические характеристики шкалы одиночества UCLA: изучение студентов вуза // Computer Modelling and New Technologies. 2006. Vol. 10, № 3. С. 89–95. URL: https://www.tsi.lv/sites/default/files/editor/science/Research_journals/Computer/2006/V3/9.pdf (дата обращения: 02.08.2025).

Орлова Д.Г. Психологическое и субъективное благополучие: определение, структура, исследования (обзор современных источников) // Вестник ПГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2015. № 1. С. 28–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-i-subektivnye-blagopoluchie-opredelenie-struktura-issledovaniya-obzor-sovremennyh-istochnikov> (дата обращения: 02.08.2025).

Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06> EDN: FLYPFH

Риллаэр Ж.В. Когнитивно-поведенческие терапии: научная психология на службе человеку // Логос. 2010. № 3(76). С. 178–195. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-terapii>

povedencheskie-terapii-nauchnaya-psihologiya-na-sluzhbe-cheloveku (дата обращения: 21.05.2025). EDN: TPFIRP

Усик Д.А., Каминский В.В. Жизненные события как факторы, провоцирующие рецидивы психических и соматических расстройств // Вестник психотерапии. 2026. № 97. С. 119-129. DOI: <https://doi.org/10.25016/2782-652X-2026-097-119-129>

Фрейманис И.Ф. Чат-бот, как инструмент психологической поддержки: обзор исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 250–259. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-250-259> EDN OKMZWX

Фрейманис И.Ф. Психологическое сопровождение посредством искусственного интеллекта: могут ли ИИ чат-боты спасти от одиночества? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 3. С. 406–416. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-3-406-416> EDN: QCCOXE

Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А. Психологические последствия влияния стрессоров высокой интенсивности разного типа // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5(116). С. 110–120. DOI: <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-5-116-110-120> EDN: CAZOVO

Brandtzæg P.B., Skjuve M., Dysthe K.K., FØlstad A. When the social becomes non-human: young people's perception of social support in chatbots // Proceedings of the 2021 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems; CHI '21; May 8–13, 2021. Japan: Yokohama, 2021. Art. 257. DOI: <https://doi.org/10.1145/3411764.3445318>

Chin H., Song H., Baek G., Shin M., Jung C., Cha M., Choi J., Cha C. The Potential of Chatbots for Emotional Support and Promoting Mental Well-Being in Different Cultures: Mixed Methods Study // J Med Internet Res. 2023. Vol. 25. Art. e51712. DOI: <https://doi.org/10.2196/51712> EDN: WYLCHS

Choudhury M., Sharma S.S., Logar T., Eekhout W., Nielsen R.C. Gender and cross-cultural differences in social media disclosures of mental illness. // Proceedings of the 2017 ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work and Social Computing; CSCW '17; February 25 – March 1, 2017. New York: Association for Computing Machinery, 2017. P. 353–69. DOI: <https://doi.org/10.1145/2998181.2998220>

Cohen S., Murphy M.L.M., Prather A.A. Ten surprising facts about stressful life events and disease risk // Annual Review of Psychology. 2019. Vol. 70. P. 577–597. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010418-102857>

Diez-Canseco F., Carbonel A., Bernabe-Ortiz A., Olivar N., Gómez-Restrepo C., Toyama M., Uribe-Restrepo J.M., Brusco L.I., Hidalgo-Padilla L.,

Ramirez-Meneses D., Carbonetti F.L., Ariza-Salazar K., Sureshkumar D.S., Fung C., Priebe S. Association between stressful life events and depression, anxiety, and quality of life among urban adolescents and young adults in Latin America // Front. Psychol. Vol. 15, art. 1466378. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1466378>

Dohrenwend B.P. Inventorying stressful life events as risk factors for psychopathology: toward resolution of the problem of intracategory variability // Psychological Bulletin. 2006. Vol. 132, № 3. P. 477–495. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.132.3.477>

Feng Y., Hang Y., Wu W., Song X., Xiao X., Dong F., Qiao Z. Effectiveness of AI-Driven Conversational Agents in Improving Mental Health Among Young People: Systematic Review and Meta-Analysis // Journal of Medical Internet Research. 2025. Vol. 27. Art. e69639. URL: <https://www.jmir.org/2025/1/e69639> (дата обращения: 21.05.2025). DOI: <https://doi.org/10.2196/69639> EDN: POECMX

Fitzpatrick K.K., Darcy A., Vierhile M. Delivering cognitive behavior therapy to young adults with symptoms of depression and anxiety using a fully automated conversational agent (Woebot): a randomized controlled trial // JMIR Mental Health. 2017. Vol. 4, iss. 2. Art. e19. URL: <https://mental.jmir.org/2017/2/e19/> (дата обращения: 21.05.2025). DOI: <https://doi.org/10.2196/mental.7785>

Fulmer R., Joerin A., Gentile B., Lakerink L., Rauws M. Using psychological artificial intelligence (Tess) to relieve symptoms of depression and anxiety: randomized controlled trial // JMIR Mental Health. 2018. Vol. 5, iss. 4. Art. e64. URL: <https://mental.jmir.org/2018/4/e64/> (дата обращения: 21.05.2025). DOI: <https://doi.org/10.2196/mental.9782>

Gaffney H., Mansell W., Tai S. Conversational agents in the treatment of mental health problems: Mixed-method systematic review // JMIR Mental Health. 2019. Vol. 6, iss. 10. Art. e14166. DOI: <https://doi.org/10.2196/14166>

Inkster B., Sarda S., Subramanian V. An empathy-driven, conversational artificial intelligence agent (Wysa) for digital mental well-being: real-world data evaluation mixed-methods study // JMIR mHealth and uHealth. 2018. Vol. 6, iss. 11. Art. e12106. DOI: <https://doi.org/10.2196/12106>

Kim M., Lee S., Kim S. et al. Therapeutic Potential of Social Chatbots in Alleviating Loneliness and Social Anxiety: Quasi-Experimental Mixed Methods Study // Journal of Medical Internet Research. 2025. Vol. 27. Art. e65589. DOI: <https://doi.org/10.2196/65589> EDN: HOHZAJ

Lachmar E.M., Wittenborn A.K., Bogen K.W., McCauley H.L. #MyDepressionLooksLike: Examin-

ing Public Discourse About Depression on Twitter // JMIR Ment Health 2017. Vol. 4(4). Art. e43. DOI: <https://doi.org/10.2196/mental.8141>

Lucas R.E. Long-term disability is associated with lasting changes in subjective well-being: evidence from two nationally representative longitudinal studies // J. Pers. Soc. Psychol. 2007. Vol. 92. P. 717–730. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.92.4.717>

Lucas G.M., Gratch J., King A., Morency L.P. It's only a computer: virtual humans increase willingness to disclose // Comput Human Behav. 2014. Vol. 37. P. 94–100. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0747563214002647> (дата обращения: 02.08.2025). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.04.043>

Monroe S.M., Slavich G.M., Torres L.D., Gotlib I.H. Major life events and major chronic difficulties are differentially associated with history of major depressive episodes // Journal of Abnormal Psychology. 2007. Vol. 116, № 1. P. 116–124. DOI: <https://doi.org/10.1037/0021-843x.116.1.116>

Pfefferbaum B., North C.S. Mental Health and the Covid-19 Pandemic // New England Journal of Medicine. 2020. Vol. 383. P. 510–512. DOI: <https://doi.org/10.1056/NEJMp2008017> EDN: WQWTIY

Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. 4th ed. Pearson, 2020. 1136 p.

Schaan V.K., Vögele C. Resilience and rejection sensitivity mediate long-term outcomes of parental divorce // European Child & Adolescent Psychiatry. 2016. Vol. 25. P. 1267–1269. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-016-0893-7> EDN: PZXNQD

Shores R. Global study: 82% of people believe robots can support their mental health better than humans // Oracle. 2020. URL: <https://www.oracle.com/emea/news/announcement/artificial-intelligence-supports-mental-health-2020-10-07/> (дата обращения: 21.05.2025).

Shankar R. Loneliness, Social Isolation, and its Effects on Physical and Mental Health // Missouri Medicine. 2023. Vol. 120, № 2. P. 106–108.

Ta V., Griffith C., Boatfield C., Wang X., Civitello M., Bader H., DeCero E., Loggarakis A. User Experiences of Social Support From Companion Chatbots in Everyday Contexts: Thematic Analysis // J. Med Internet Res. 2020. Vol. 22(3). Art. e16235. DOI: <https://doi.org/10.2196/16235> EDN: MSNGSC

Yarrington J.S., Metts A.V., Zinbarg R.E., Nusslock R., Wolitzky-Taylor K., Hammen C.L., Kelley N.J., Bookheimer S., Craske M.G. The Role of Positive and Negative Aspects of Life Events in Depressive and Anxiety Symptoms // Clin Psychol Sci. 2023. Vol. 11, iss. 5, pp. 910–920. DOI: <https://doi.org/10.1177/21677026221141654>

Zhang A., Lipton Z.C., Li M., Smola A.J. Dive into Deep Learning // 2021. URL: <https://d21.ai/> (дата обращения: 02.08.2025). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2106.11342>

References

Brandtzæg, P.B., Skjuve, M., Dysthe, K.K. and Følstad, A. (2021). When the social becomes non-human: young people's perception of social support in chatbots. *Proceedings of the Conference on Human Factors in Computing Systems; CHI '21; May 8–13, 2021*. Japan: Yokohama, art. 257. DOI: <https://dl.acm.org/doi/abs/10.1145/3411764.3445318>

Chin, H., Song, H., Baek, G., Shin, M., Jung, C., Cha, M., Choi, J. and Cha, C. (2023). The potential of chatbots for emotional support and promoting mental well-being in different cultures: mixed methods study. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 25, art. e51712. DOI: <https://doi.org/10.2196/51712>

Choudhury, M. de, Sharma, S.S., Logar, T., Eekhout, W. and Nielsen, R.C. (2017). Gender and cross-cultural differences in social media disclosures of mental illness. *Proceedings of the Conference on Computer Supported Cooperative Work and Social Computing (CSCW '17)*. New York: Association for Computing Machinery, pp. 353–69. DOI: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/2998181.2998220>

Cohen, S., Murphy, M.L.M. and Prather, A.A. (2019). Ten surprising facts about stressful life events and disease risk. *Annual Review of Psychology*. Vol. 70, pp. 577–597. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010418-102857>

Diez-Canseco, F., Carbonel, A., Bernabe-Ortiz, A., Olivar, N., Gómez-Restrepo, C., Toyama, M., Uribe-Restrepo, J.M., Brusco, L.I., Hidalgo-Padilla, L., Ramirez-Meneses, D., Carbonetti, F.L., Ariza-Salazar, K., Sureshkumar, D.S., Fung, C. and Priebe, S. (2024). Association between stressful life events and depression, anxiety, and quality of life among urban adolescents and young adults in Latin America. *Front. Psychol.* Vol. 15, art. 1466378. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1466378>

Dohrenwend, B.P. (2006). Inventorying stressful life events as risk factors for psychopathology: toward resolution of the problem of intracategory variability. *Psychological Bulletin*. Vol. 132, no. 3, pp. 477–495. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.132.3.477>

Feng, Y., Hang, Y., Wu, W., Song, X., Xiao, X., Dong, F. and Qiao, Z. (2025). Effectiveness of AI-driven conversational agents in improving mental health among young people: systematic review and meta-analysis. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 27, art. e69639. Available at:

- <https://www.jmir.org/2025/1/e69639> (accessed 21.05.2025). DOI: <https://doi.org/10.2196/69639>
- Fitzpatrick, K.K., Darcy, A. and Vierhile, M. (2017). Delivering cognitive behavior therapy to young adults with symptoms of depression and anxiety using a fully automated conversational agent (Woebot): a randomized controlled trial. *JMIR Mental Health*. Vol. 4, iss. 2, art. e19. Available at: <https://mental.jmir.org/2017/2/e19/> (accessed 21.05.2025). DOI: <https://doi.org/10.2196/mental.7785>
- Freimanis, I.F. (2024). [Chatbot as a psychological support tool: research review]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 250-259. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-250-259>
- Freimanis, I.F. (2025). [Psychological support through artificial intelligence: Can AI chatbots save from loneliness?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 406-416. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-3-406-416>
- Fulmer, R., Joerin, A., Gentile, B., Lakerink, L. and Rauws, M. (2018). Using psychological artificial intelligence (Tess) to relieve symptoms of depression and anxiety: randomized controlled trial. *JMIR Mental Health*. Vol. 5, iss. 4, art. e64. Available at: <https://mental.jmir.org/2018/4/e64/> (accessed 21.05.2025). DOI: <https://doi.org/10.2196/mental.9782>
- Gaffney, H., Mansell, W. and Tai, S. (2019). Conversational agents in the treatment of mental health problems: Mixed-method systematic review. *JMIR Mental Health*. Vol. 6, iss. 10, art. e14166. DOI: <https://doi.org/10.2196/14166>
- Inkster, B., Sarda, S. and Subramanian, V. (2018). An empathy-driven, conversational artificial intelligence agent (Wysa) for digital mental well-being: real-world data evaluation mixed-methods study. *JMIR mHealth and uHealth*. Vol. 6, iss. 11, art. e12106. DOI: <https://doi.org/10.2196/12106>
- Ishmukhametov, I.N. (2006). [Psychometric characteristics of the UCLA Loneliness Scale: a study of university students]. *Computer Modelling and New Technologies*. Vol. 10, no. 3, pp. 89-95. Available at: https://www.tsi.lv/sites/default/files/editor/science/Research_journals/Computer/2006/V3/9.pdf (accessed 02.08.2025).
- Kharlamenkova, N.E. and Nikitina, D.A. (2020). [Psychological consequences of exposure to high-intensity stressors of different types]. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. No. 5, pp. 110-120. DOI: <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-5-116-110-120>
- Kim, M., Lee, S., Kim, S., et al. (2025). Therapeutic potential of social chatbots in alleviating loneliness and social anxiety: quasi-experimental mixed methods study. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 27, art. e65589. DOI: <https://doi.org/10.2196/65589>
- Lachmar E.M., Wittenborn, A.K., Bogen, K.W. and McCauley, H.L. (2017). #MyDepressionLooks-Like: examining public discourse about depression on twitter. *JMIR Mental Health*. Vol. 4(4), art. e43. DOI: <https://doi.org/10.2196/mental.8141>
- Lucas, R.E. (2007). Long-term disability is associated with lasting changes in subjective well-being: evidence from two nationally representative longitudinal studies. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 92, pp. 717-730. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0747563214002647> (accessed 02.08.2025). DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.92.4.717>
- Lucas, G.M., Gratch, J., King, A. and Morency, L.P. (2014). It's only a computer: virtual humans increase willingness to disclose. *Computers in Human Behavior*. Vol. 37, pp. 94-100. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.04.043>
- Monroe, S.M., Slavich, G.M., Torres, L.D. and Gotlib, I.H. (2007). Major life events and major chronic difficulties are differentially associated with history of major depressive episodes. *Journal of Abnormal Psychology*. Vol. 116, no. 1, pp. 116-124. DOI: <https://doi.org/10.1037/0021-843X.116.1.116>
- Orlova, D.G. (2015). [Psychological and subjective well-being: definition, structure, research (review of modern sources)]. *Vestnik PGGPU. Seriya № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki* [Perm State Humanitarian Pedagogical University Bulletin. Series №1. Psychological and Pedagogical Sciences]. No. 1, pp. 121-129. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-i-subektivnoe-blagopoluchie-opredelenie-struktura-issledovaniya-obzor-sovremennyh-istochnikov> (accessed 02.08.2025).
- Osin, E.N. and Leont'ev, D.A. (2020). [Brief Russian-language instruments to measure subjective well-being: psychometric properties and comparative analysis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1, pp. 117-142. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>
- Pfefferbaum, B. and North, C.S. (2020). Mental health and the Covid-19 pandemic. *New England Journal of Medicine*. Vol. 383, pp. 510-512. DOI: <https://doi.org/10.1056/NEJMp2008017>
- Rillaer, Zh. van (2010). [Cognitive-behavioral therapies: scientific psychology in the service of man]. *Logos*. No. 3(76), pp. 178-195. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno>

povedencheskie-terapii-nauchnaya-psihologiya-na-sluzhbe-cheloveku (accessed 21.05.2025).

Schaan, V.K. and Vögele, C. (2016). Resilience and rejection sensitivity mediate long-term outcomes of parental divorce. *European Child & Adolescent Psychiatry*. Vol. 25, pp. 1267–1269. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-016-0893-7>

Shankar, R. (2023). Loneliness, social isolation, and its effects on physical and mental health. *Missouri Medicine*. Vol. 120, no. 2, pp. 106–108.

Shores, R. (2020). Global study: 82% of people believe robots can support their mental health better than humans. *Oracle*. Available at: <https://www.oracle.com/emea/news/announcement/artificial-intelligence-supports-mental-health-2020-10-07/> (accessed 21.05.2025).

Ta, V., Griffith, C., Boatfield, C., Wang, X., Civitello, M., Bader, H., DeCero, E. and Loggarakis, A. (2020). User experiences of social support from companion chatbots in everyday contexts: thematic analysis. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22(3), art. e16235. DOI: <https://doi.org/10.2196/16235>

Usik, D.A. and Kaminsky, V.V. (2026). [The role of life events in the recurrence of mental and somatic disorders]. *Vestnik psikhoterapii* [Bulletin of Psychotherapy]. No. 97, pp. 119-129. DOI:

<https://doi.org/10.25016/2782-652X-2026-0-97-119-129>

Vodop'yava, N. E. (2009). *Psikhodiagnostika stressa* [Psychodiagnostics of stress]. Moscow: Piter Publ., 336 p.

Yarrington, J.S., Metts, A.V., Zinbarg, R.E., Nusslock, R., Wolitzky-Taylor, K., Hammen, C.L., Kelley, N.J., Bookheimer, S., Craske, M.G. (2023). The role of positive and negative aspects of life events in depressive and anxiety symptoms. *Clin Psychol Sci*. Vol. 11, iss. 5, pp. 910-920. DOI: <https://doi.org/10.1177/21677026221141654>

Zhang, A., Lipton, Z.C., Li, M. and Smola, A.J. (2021). Dive into deep learning. *arXiv e-prints*. Available at: <https://d2l.ai/> (accessed 02.08.2025). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2106.11342>

Zolotareva, A.A. (2021). [Psychometric evaluation of the Russian version of the Depression, Anxiety and Stress Scale (DASS-21)]. *Psichologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 42, no. 5, pp. 80–88. Available at: <https://psy.jes.su/S020595920017077-0-1> (accessed 02.08.2025). DOI:

<https://doi.org/10.31857/S020595920017077-0>

Об авторах

Фрейманис Инга Федоровна

преподаватель кафедры общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: inga73-08@mail.ru
ResearcherID: KSL-6854-2024

Бергфельд Александра Юрьевна

кандидат психологических наук, доцент
доцент кафедры общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: abergfeld@yandex.ru
ResearcherID: HSG-6859-2023

About the authors

Inga F. Freimanis

Lecturer of the Department of General and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: inga73-08@mail.ru
ResearcherID: KSL-6854-2024

Alexandra Yu. Bergfeld

Candidate of Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: abergfeld@yandex.ru
ResearcherID: HSG-6859-2023

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-305-314><https://elibrary.ru/edmlih>

Поступила: 19.07.2025

Принята: 24.12.2025

Опубликована: 03.07.2026

**ЦЕРКОВЬ КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛИЗАЦИИ:
РОЛЬ ЗНАЧИМОГО ДРУГОГО В ПРОСТРАНСТВЕННО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «ЖИВЕМ ДЛЯ РОССИИ»)**

Кудасова Юлия Александровна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

В статье анализируется роль Русской Православной Церкви как современного института социализации личности в условиях пространственно-демографического развития сельских территорий. Актуальность исследования определяется необходимостью поиска эффективных форм межинституционального взаимодействия семьи и церкви в процессе социализации, что особенно важно для современной России с ее демографическими и миграционными вызовами. В центре внимания находится группа «эффективных практик», выделенная в ходе реализации церковного проекта «Живем для России» (2020–2025 гг.), инициированного Городецкой епархией под руководством епископа Августина (Анисимова). Эти агенты социализации характеризуются устойчивыми жизненными стратегиями, высоким уровнем образования, крепкими семейными связями и выраженными духовно-нравственными ценностями. В исследовании применялись системный, структурно-функциональный и социокультурный подходы, а также методы опросов, интервью, наблюдения и анализа первичных данных. Особое внимание уделено механизму формирования субъектной позиции и мотивации к укоренению на селе, а также роли значимого другого в социализации. В рамках проекта апробированы две модели социализации: поверхностная (визуально-когнитивная) и глубинная (личностное включение), проведен сравнительный анализ их эффективности. Практическая значимость работы заключается в возможности масштабирования полученного опыта и интеграции результатов в государственные и национальные программы, направленные на развитие сельских территорий и воспитание молодежи на основе традиционных ценностей. Результаты исследования подтверждают потенциал церкви и семьи как ключевых социальных институтов, способных к эффективному взаимодействию в целях пространственно-демографического развития и формирования гражданской идентичности.

Ключевые слова: социализация, церковь, семья, агенты социализации, эффективные практики, традиционные ценности, демография, сельские территории, межинституциональное взаимодействие, патриотическое воспитание, семейные ценности, духовно-нравственное развитие, пространственно-демографическая политика, государственные программы, молодежь.

Для цитирования:

Кудасова Ю.А. Церковь как институт социализации: роль значимого другого в пространственно-демографическом развитии (на примере проекта «Живем для России») // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 2. С. 305–314. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-305-314>. EDN: EDMLIH

**THE CHURCH AS AN INSTITUTION OF SOCIALIZATION:
THE ROLE OF THE SIGNIFICANT OTHER
IN SPATIAL AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT
(CASE STUDY OF THE “WE LIVE FOR RUSSIA” PROJECT)**

Yulia A. Kudasova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhni Novgorod)

The article analyzes the role of the Russian Orthodox Church as a contemporary institution of socialization in the context of spatial and demographic development of rural areas. The relevance of the study is determined by the need to identify effective forms of inter-institutional cooperation between the family and the Church in the process of socialization, which is particularly important for modern Russia with its demographic and migration challenges. The focus is on a group of “effective practices” identified during the implementation of the church project “We Live for Russia” (2020–2025), initiated by the Gorodets Diocese under the guidance of Bishop Augustine (Anisimov). These agents of socialization are characterized by stable life strategies, a high level of education, strong family ties, and pronounced spiritual and moral values. The study employed systemic, structural-functional, and sociocultural approaches as well as surveys, interviews, observation, and primary data analysis. Special attention is paid to the mechanisms for forming a subject position and motivation for “rooting” in rural areas as well as to the role of the significant other in socialization. The project tested two models of socialization: superficial (visual-cognitive) and deep (personal involvement); a comparative analysis of their effectiveness was conducted. The practical significance of the work lies in the possibility of expanding the acquired experience and integrating the results into state and national programs aimed at the development of rural areas and the upbringing of youth on the basis of traditional values. The results confirm the potential of the Church and the family as key social institutions capable of effective cooperation for spatial and demographic development and the formation of civic identity.

Keywords: socialization, church, family, socialization agents, effective practices, traditional values, demography, rural areas, inter-institutional cooperation, patriotic education, family values, spiritual and moral development, spatial and demographic policy, state programs, youth.

To cite:

Kudasova Yu.A. [The church as an institution of socialization: the role of the significant other in spatial and demographic development (case study of the “We live for Russia” Project)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 2, pp. 305–314 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-305-314>, EDN: EDMLIH

Введение

Актуальность исследования обусловлена острыми демографическими и пространственными вызовами, стоящими перед современной Россией. Согласно данным Стратегии развития Благотворительного фонда Тимченко на 2023–2032 гг. [Стратегия Благотворительного фонда..., 2023], к 2030 г. 4,6 млн человек перейдут в категорию пожилых, а 12 % территории страны имеют плотность населения менее 5 человек.

Это ставит перед обществом и государством вопрос: кто будет заселять малонаселенные территории в ближайшие десятилетия?

Государство реализует ряд национальных проектов, среди которых особое значение имеют проекты «Демография» [Национальный проект «Демография», 2024] (реализовывался до 2024 года) и «Семья» [Национальный проект «Семья», 2025] (введен в 2025 году, частично включив в себя задачи нацпроекта «Демогра-

фия»). Однако анализ паспортов этих программ показывает, что в них недостаточно внимания уделяется вопросам качественного изменения внутрисемейного поведения, а также консультативной, психологической и духовно-нравственной поддержке, в том числе со стороны религиозных организаций. Между тем именно взаимодействие ключевых социальных институтов — семьи и церкви — способно существенно повысить эффективность процессов социализации и пространственно-демографического развития.

Проект «Живем для России» представляет собой уникальный социокультурный феномен, инициированный и реализуемый Городецкой епархией Русской Православной Церкви под авторством епископа Августина (Анисимова) [Игумен Августин (Анисимов), 2003], при непосредственном участии автора статьи в команде разработчиков и организаторов исследования. В рамках проекта духовно-нравственная мотивация выступает основой для формирования устойчивого образа жизни в сельской местности. Проект направлен на выявление, поддержку и тиражирование примеров успешной социализации и укоренения, а также на разрушение стереотипа о селе как о «зоне социального вымирания».

В ходе реализации проекта была выявлена и изучена группа «эффективных практик» — агентов социализации, обладающих устойчивыми жизненными стратегиями, высоким уровнем образования, крепкими семейными связями и выраженными духовно-нравственными ценностями. Важным элементом концепции выступает роль «значимого другого» — личного ориентира, носителя ценностных установок, действующего в конкретной социокультурной среде. Церковь и ее представители становятся такими ориентирами, формируя у молодежи и взрослых патриотическое сознание, мотивацию к труду и семейным отношениям.

Социализация личности при участии института церкви всегда была актуальна, поскольку задачи совершенствования человеческой жизни, закрепленные в Библии [Библия, 2022] и Основах социальной концепции Русской Пра-

вославной Церкви [Основы социальной концепции..., 2000], находят отражение и в государственных стратегических документах [Конституция РФ, 2022; Указ Президента РФ № 809, 2022; Указ Президента РФ № 400, 2021]. Важность духовно-нравственных ценностей, поддержки семьи и вовлечения религиозных организаций закреплена на законодательном уровне.

Гипотеза исследования состоит в том, что православный проект, основанный на межинституциональном взаимодействии церкви и семьи, может способствовать воссозданию и укреплению морально-нравственных и духовно-патриотических качеств личности, что, в свою очередь, положительно влияет на процессы укоренения населения в сельской местности и на пространственно-демографическое развитие.

Цель исследования состоит в изучении механизмов социализации личности и пространственно-демографического развития на примере православного проекта «Живем для России».

Задачи исследования:

- Выявить и описать характеристики референтной группы «эффективных практик» — агентов социализации, объединенных общими ценностями и жизненными стратегиями.
- Разработать и апробировать две модели социализации личности (поверхностную и глубинную) с акцентом на морально-нравственных и духовно-патриотических качествах.
- Провести сравнительный анализ эффективности поверхностной и глубинной моделей социализации.
- Раскрыть взаимосвязь между процессами социализации личности и пространственно-демографическим развитием на примере «эффективных практик».

Теоретическая рамка

В рамках исследования социализации личности и пространственно-демографического развития использована интеграция классических и современных теоретических подходов. Основополагающими являются положения Э. Дюркгейма о социализации как процессе

усвоения индивидом норм, ценностей и культурных практик, необходимых для функционирования в обществе [Дюркгейм Э., 1995, с. 89–102]. Эффективность процесса социализации также раскрывается через концепцию Т. Парсонса о передаче и усвоении социальных ролей, норм и ценностей в рамках общественных институтов [Парсонс Т., 1998, с. 45–67].

Особое внимание уделяется символическому интеракционизму Дж. Мида, в частности понятию «обобщенного другого» (*generalized other*), а также идее «значимого другого» как ключевого агента социализации, формирующего ценностные ориентиры и поведенческие стратегии индивида [Mead G.H., 1934, p. 154–164]. В рамках теорий референтных групп Р. Мертона и Т. Шибутани значимый другой определяется как социально одобряемый индивид или группа, с которыми субъект соотносит свои ценности, нормы и поведенческие стратегии [Merton R.K., 1968; Shibutani T., 1955]. Российские исследователи, такие как А.А. Анохин и Р.Э. Бараш, подчеркивают, что образ значимого другого не только активизирует процессы идентификации, но и становится внутренним регулятором морального выбора и самооценки [Анохин А.А., 2022; Бараш Р.Э., 2012]. Современные исследования также подтверждают значение этой фигуры в контексте социальных трансформаций.

Традиционно в религиозной среде функцию значимого другого выполняет духовный наставник или священнослужитель. Однако в контексте данного исследования понятие «значимого другого» расширяется: такими ориентирами выступают люди, демонстрирующие так называемые «эффективные практики» — устойчивые поведенческие модели, основанные на традиционных ценностях. Эти агенты социализации — реальные люди, воплощающие в своей жизненной траектории ценности самостоятельного выбора, субъектности и социальной ответственности. Подробное описание этих агентов, их характеристик и жизненных стратегий представлено ниже в разделе «Методология исследования».

Исследования также опираются на работы М. Вебера о значимости религиозных и идейно-нравственных ориентиров для поведения людей, а также на концепцию П.А. Сорокина о ценностных характеристиках интегрированной

личности [Вебер М., 2003; Сорокин П.А., 1992]. Важным для анализа является теория социального научения А. Бандуры, акцентирующая взаимное влияние поведенческих, когнитивных и средовых факторов, а также выводы П. Бергера и Т. Лукмана об интересубъективности и социальном конструировании реальности [Бандура А., 2000; Бергер П., Лукман Т., 1995, с. 210–262]. С точки зрения развития нравственности, значимы исследования Л. Колберга о формировании морально-нравственных качеств индивида в процессе социализации [Бровкина А.Р., 2012].

В исследовании особое внимание уделяется роли Церкви как института, обеспечивающего воспроизводство традиционных ценностей и формирующего устойчивую идентичность в условиях пространственно-демографических изменений [Лункин Р.Н., 2003].

Таким образом, теоретическая рамка исследования сочетает концепции микросоциологии, теории социализации и социологии религии, дополняя их расширенным представлением о значимом другом как о реальном агенте изменений в пространственно-демографическом развитии сельских территорий [Frederiks M.Th., 2015; Voccacin L., Lombi L., 2020; Freudenberg M., Reuter A., 2024].

Методология исследования

В контексте данного исследования под «эффективными практиками» понимаются люди — агенты социализации, демонстрирующие устойчивые жизненные стратегии, высокий уровень образования, крепкие семейные связи и выраженные духовно-нравственные ценности. Эти люди воплощают в своей повседневной деятельности поведенческие модели, способствующие укоренению в сельской местности и пространственно-демографическому развитию. Таким образом, термин «эффективные практики» обозначает не абстрактные действия, а конкретных носителей успешного опыта, выступающих ориентирами и значимыми другими для участников проекта.

Теоретико-методологическая основа исследования

В работе применялись системный, структурно-функциональный и социокультурный подходы, позволяющие комплексно анализировать взаи-

мосвязь между социокультурными факторами, институтами церкви и семьи, а также поведенческими стратегиями людей, переехавших в сельскую местность и ставших агентами пространственно-демографического развития.

Эмпирическая часть исследования проведена в 10 из 13 муниципальных округов северной части Нижегородской области и была направлена на выявление субъектов сельских сообществ с потенциалом агентности в межинституциональном взаимодействии церкви и семьи. Исходная база формировалась в ходе полевых экспедиций, что позволило отказаться от предзаданной выборки и перейти к поиску референтных групп через институциональные и горизонтальные связи.

На первом этапе организаторы проекта (священнослужители) взаимодействовали с администрациями округов, запрашивая сведения о жителях, мигрировавших из городов и ставших центрами локальной активности. Администрации предоставляли ограниченный список

из 5–10 человек, однако дальнейшее изучение горизонтальных коммуникаций и применение метода «снежного кома» позволили выявить до 50 потенциальных агентов социализации в каждом округе. Это показало, что только непосредственная работа с сообществами позволяет выявить значимые для развития территории фигуры.

На втором этапе с помощью опросов, полужформализованных интервью и наблюдения была отобрана референтная группа из 220 человек на основе следующих приоритетных характеристик: единственный брак, двое и более детей, крепкое здоровье (отсутствие обращений к врачам за последние 5–10 лет), высшее образование, работоспособный возраст, отсутствие зависимостей. Не все респонденты в равной степени соответствовали всем критериям, однако большинство демонстрировали высокую степень соответствия (см. табл. 1).

Таблица 1. Социально-демографический портрет референтной группы)

Table 1. Socio-demographic profile of the reference group

Показатель	Значение (%)
Высшее образование	93,6
Два и более высших образования	27,3
Состоят в одном браке	91,4
Имеют двоих и более детей	76,1
Не обращались к врачам более 5 лет	84,1
Не имеют вредных привычек	96,4
Крещенные православные, посещают храм	95
Имели опыт жизни на селе в детстве	78,2
Пользуются господдержкой	23,6
Начали свое дело с нуля	100
Готовы обучать других	100
Довольны деятельностью	100
Возрастной диапазон	25–65 лет

Методы сбора социологических данных

В исследовании применялся комплекс качественных и количественных методов.

Включенное и невключенное наблюдение — применялось на протяжении всех этапов исследования (2020–2025 гг.) в качественной традиции. Проведено более 150 наблюдений за жизнедеятельностью представителей референтной группы в естественных условиях их проживания

и профессиональной деятельности, а также в ходе мероприятий проекта (выездов, встреч, обсуждений).

Полужформализованное интервью — проведено на втором этапе исследования (2021–2022 гг.). Всего взято 85 интервью: с представителями референтной группы «эффективных практик» (45 интервью), священнослужителями — организаторами проекта (15 интервью), представителями муниципальных администра-

ций (10 интервью), участниками проекта из числа молодежи и взрослых (15 интервью). Интервью были направлены на выявление ценностных ориентаций, мотивации к переезду и укоренению, а также на оценку роли церкви и семьи в процессе социализации.

Анкетирование — проведено на третьем и четвертом этапах исследования (2022–2024 гг.). Всего опрошено 13 950 человек:

- 13 670 человек — участники поверхностной модели социализации (школьники, студенты, представители администраций, предприниматели, паломники, туристы);
- 280 человек — участники глубинной модели социализации.

Анкетирование проводилось комбинированным способом: раздаточное анкетирование (в ходе очных мероприятий) и онлайн-опросы (посредством Google Forms). Анкеты включали закрытые и открытые вопросы, направленные на оценку эффективности моделей социализации, мотивации к переезду в сельскую местность, изменения ценностных ориентаций.

Методы анализа данных

Для обработки и интерпретации эмпирических данных использовались:

- кейс-анализ жизненных траекторий представителей референтной группы;
- качественный контент-анализ текстов интервью и открытых ответов в анкетах;
- количественная обработка данных анкетирования (расчет процентных распределений, выявление статистических закономерностей);
- сравнительный анализ эффективности поверхностной и глубинной моделей социализации на основе данных опросов, отзывов и мониторинга мотивации к дальнейшему взаимодействию.

Модели социализации в проекте

В проекте апробированы две модели социализации.

- Поверхностная (визуально-когнитивная) — просмотр короткометражных фильмов о 12 представителях «эффективных практик» (отобранных из 220 респондентов), обсуждения с организаторами, участие 13 670 человек (школьники, студенты, представители администраций, предприниматели, паломники, туристы).

- Глубинная (личностное включение) — личное знакомство с героями в их социокультурной среде, погружение в повседневную жизнь, участие в хозяйственной и профессиональной деятельности. В этой модели участвовали 280 человек.

Эффективность оценивалась через опросы, отзывы и мониторинг мотивации к дальнейшему взаимодействию.

Анализ и обсуждение результатов

Сравнительный анализ двух моделей выявил существенные различия в глубине воздействия. Поверхностная модель способствовала формированию интереса к сельскому образу жизни, эмоциональному отклику и мотивации к дальнейшему знакомству с героями. По итогам опроса 98,9 % отметили пользу фильмов, 73,5 % выразили желание поехать в деревню или на природу, 96,7 % сообщили о чувстве гордости за страну, 87,6 % захотели познакомиться с героями лично, 86,3 % — помогать или учиться у них, 26,4 % выразили готовность к переезду в сельскую местность.

Глубинная модель обеспечивала формирование субъектной позиции, чувства сопричастности и готовности к укоренению. Участники отмечали, что личное взаимодействие, погружение в уклад и совместная деятельность способствовали пересмотру ценностей, развитию уважения к традициям, формированию ответственности и мотивации к созидательному труду. Особенно значимым этот опыт оказался для молодежи, впервые увидевшей реальные альтернативы урбанистическим сценариям и получившей практические навыки.

Анализ по возрастным когортам выявил дифференцированное восприятие моделей социализации. Участники до 18 лет демонстрировали наибольшую чувствительность к практической деятельности и эмоциональному включению. Молодежь в возрасте 18–35 лет воспринимала опыт представителей «эффективных практик» как ценностную альтернативу урбанистической модели жизненного пути. Респонденты старше 35 лет фокусировались на прикладных аспектах переезда и адаптации к сельскому образу жизни.

Таким образом, поверхностная социализация эффективна для мотивационного импульса, но не приводит к устойчивым изменениям без личного включения. Глубинная модель способ-

ствуется освоению ценностей, формированию компетенций и устойчивой идентичности, что подтверждается отзывами и дальнейшей активностью участников.

Результаты демонстрируют, что для устойчивой демографической и пространственной мотивации необходима не только ценностная репрезентация, но и наличие фигуры значимого другого — наставника, проводника, консультанта, живущего в соответствии с декларируемыми ценностями. Церковь выступает не только источником легитимации традиционных ценностей, но и институтом, обеспечивающим условия для их практического освоения через социальные формы: общины, подворья, миссионерские центры, обучающие практики.

Эффективность подтверждается отзывами, изменениями в установках и готовностью к жизни в селе. Фигура значимого другого становится навигатором в условиях неопределенности, а церковная среда — точкой опоры для жизненного выбора, особенно для молодежи.

Заключение

Проведенное с 2020 г. и продолжающееся в настоящее время масштабное эмпирическое исследование в рамках православного проекта «Живем для России» позволило выявить механизмы и условия, при которых фигура значимого другого, социокультурная среда и религиозные ориентиры способствуют формированию субъектной позиции, жизненных стратегий и готовности к укоренению в сельских территориях. В процессе работы был разработан собственный инструментарий для полуструктурированных интервью, что обеспечило получение уникального практического опыта выявления агентов социализации с необходимыми личностными и ценностными характеристиками.

В проекте апробированы две модели социализации: поверхностная (визуально-когнитивная) и глубинная (основанная на личностном включении и взаимодействии). В рамках реализации созданы 12 документальных фильмов о представителях «эффективных практик», организованы выезды, встречи и обсуждения, способствующие формированию мотивации к духовному и территориальному укоренению. Масштаб проекта подтверждается тем, что в поверхностной социализации приняли

участие 13 670 человек, а в глубинной — 280 человек. Результаты показали, что глубинная модель обладает большей результативностью, способствуя не только мотивации, но и развитию компетенций и устойчивой идентичности.

Особое значение имеет принципиальная безвозмездность участия: все мероприятия, фильмы, лекции и выезды осуществлялись на добровольной основе, что подчеркивает социальную миссию проекта. Масштабирование модели возможно с участием государственных, частных и церковных инициатив, а также в рамках межинституционального и междисциплинарного взаимодействия.

Проект получил признание на федеральном уровне (победа во втором конкурсе Президентского фонда культурных инициатив 2022 г.), а также поддержку муниципалитетов и образовательных учреждений. Администрации районов проявили инициативу по внедрению фильмов в образовательный процесс, в том числе в рамках уроков «Разговоры о важном», однако ограничены в ресурсах для организации выездов учащихся к героям проекта — представителям «эффективных практик». Важно отметить, что молодежь, принявшая участие в проекте, демонстрирует рост стремления оставаться и развиваться в родных местах.

В перспективе на базе Архиерейского подворья Собора Святой Живоначальной Троицы в с. Белбаж планируется создание Миссионерского православного центра — площадки для апробации методик социализации, разработки новых форм формирования гражданской и демографической ответственности, а также расширения участия Церкви в реализации стратегических задач государства в духе Евангельского служения.

Особое значение приобретает тот факт, что стратегические государственные документы — Конституция Российской Федерации (ст. 67.1, ред. 2022 г.), Указ Президента РФ от 02.11.2022 № 809 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2030 года», Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», — а также паспорта национальных проектов «Демография» и «Семья» подчеркивают необходимость активного участия тради-

ционных религиозных организаций, в том числе Русской Православной Церкви, в реализации программ демографического и пространственного развития, воспитания молодежи, поддержки семьи и формирования патриотической идентичности [Конституция РФ, 2022; Указ Президента РФ № 809, 2022; Указ Президента РФ № 400, 2021; Национальный проект «Демография», 2024; Национальный проект «Семья», 2025]. Опыт проекта «Живем для России» демонстрирует востребованность и эффективность такого межинституционального взаимодействия.

Таким образом, проект «Живем для России» показывает, что эффективная социализация и пространственно-демографическое развитие значительно усиливаются при прямом взаимодействии с референтными группами, обладающими реальным опытом успешной адаптации и укоренения в сельской местности. Продолжение исследования и масштабирование моделей представляются перспективными для дальнейшего развития теории и практики социализации личности в современных условиях и отвечают актуальному государственному запросу на интеграцию духовно-нравственных ценностей в стратегию развития страны.

Список литературы

- Анохин А.А.* Мотивация человека как апелляция к значимому другому // Актуальные проблемы экономики и управления. 2022. № 1. С. 17–22.
- Бандура А.* Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с. URL: <https://www.twirpx.com/file/1297982/> (дата обращения: 02.07.2025).
- Бараш Р.Э. Фигура «другого» как значимая составляющая российской/русской идентичности // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 1 (107). С. 90–99.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Московская Патриархия, 2022. 1376 с.
- Бровкина А.Р.* Теория развития морального субъекта Л. Колберга // Система ценностей современного общества. 2012. № 25. С. 19–23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-razvitiya-moralnogo-subekta-l-kolberga> (дата обращения: 05.07.2025). EDN: RQRLRL
- Вебер М.* Класс, сословие, партии // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5, вып. 1–2. С. 139–156. URL: <https://gtmarket.ru/library/person/weber-m> (дата обращения: 02.07.2025).
- Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 416 с. URL: <https://www.twirpx.com/file/174557/> (дата обращения: 02.07.2025).
- Игумен Августин (Анисимов). Записки миссионера. Н. Новгород: Изд. Ю.А. Николаев, 2003. С. 115–116.
- Конституция Российской Федерации (ред. 2022 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 05.07.2025).
- Лункин Р.Н.* Социальное служение Русской Православной Церкви в постсоветском обществе // Orthodox Christianity and Contemporary Europe / Ed. by J. Sutton, W. van den Bercken. Leuven : Peeters. 2003. С. 271–287.
- Национальный проект «Демография». 2024. URL: <https://nationalprojects.ru/projects/demografiya> (дата обращения: 02.07.2025).
- Национальный проект «Семья». 2025. URL: <https://xn--80aараремсчфмо7а3с9еhj.xn--p1ai/new-projects/semya/> (дата обращения: 02.07.2025).
- Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Приняты Архиерейским Собором РПЦ 13–16 августа 2000 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 05.07.2025).
- Парсонс Т.* Система современных обществ. Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
- Сорокин П.А.* Моя философия – интегрализм // Социс. 1992. № 10. С. 134–139. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/129491/> (дата обращения: 28.06.2025).
- Стратегия Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко 2023–2032. URL: https://fondtimchenko.ru/upload/ft_strategy.pdf (дата обращения: 24.06.2025).
- Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46663> (дата обращения: 05.07.2025).
- Указ Президента РФ от 02.11.2022 № 809 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2030 года».

URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48433> (дата обращения: 05.07.2025).

Boccacin L., Lombi L. Religious persecution, migrations and practices in Faith-Based Organisations: some recommendations from a qualitative study // *Migrants and Religion: Paths, Issues, and Lenses* / ed. by L. Zanfrini. Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 464–503. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004429604_015

Frederiks M.Th. Religion, Migration and Identity: A Conceptual and Theoretical Exploration // *Mission Studies*. 2015. Vol. 32, № 2. P. 181–202. URL: <https://dspace.library.uu.nl/handle/1874/314139> (дата обращения: 24.06.2025).

Freudenberg M., Reuter A. Social forms of religion: European and American Christianity in past and present. Bielefeld: Transcript Verlag, 2024. Available at: <https://www.transcript-verlag.de/media/pdf/oa9783839468265.pdf> (accessed 24.06.2025). DOI: <https://doi.org/10.1515/9783839468265>

Mead G.H. Mind, Self, and Society. Chicago: University of Chicago Press, 1934. 400 p. URL: <https://archive.org/details/mindselfsocietyf00mead> (дата обращения: 05.07.2025).

Merton R.K. Social Theory and Social Structure. New York: Free Press, 1968. 702 p.

Shibutani T. Reference Groups as Perspectives // *American Journal of Sociology*. 1955. Vol. 60, № 6. P. 562–569. URL: <https://www.jstor.org/stable/2772026> (дата обращения: 28.06.2025).

References

Abbot Augustine (Anisimov) (2003). *Zapiski missionera* [Notes of a missionary]. N. Novgorod: Yu.A. Nikolaev Publ., pp. 115-116.

Anokhin, A.A. (2022). [Human motivation as an appeal to a “significant other”]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i upravleniya* [Management and planning in the economy]. No. 1, pp. 63-74.

Bandura, A. (2000). *Teoriya sotsial'nogo naucheniya* [Theory of social learning]. St. Petersburg: Evraziya Publ., 320 p. Available at: <https://www.twirpx.com/file/1297982/> (accessed 07.02.2025).

Barash, R.E. (2012). [The figure of the "other" as a significant component of Russian/Russian identity]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2012. No. 1 (107), pp. 90-99.

Berger, P. and Lukman, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium Publ., 323 p.

Bibliya. Knigi Svyaschennogo Pisaniya Vekhnogo i Novogo Zaveta (2022) [The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow: Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 1376 p.

Boccacin, L. and Lombi, L. (2020). Religious persecution, migrations and practices in Faith-Based Organisations: some recommendations from a qualitative study. *Zanfrini L. (ed.) Migrants and religion: Paths, issues, and lenses*. Leiden; Boston: Brill Publ., pp. 464-503. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004429604>

Frederiks, M.Th. (2015). Religion, migration and identity: a conceptual and theoretical exploration. *Mission Studies*. Vol. 32, no. 2, pp. 181–202. DOI: <https://doi.org/10.1163/15733831-12341400>

Freudenberg, M. and Reuter, A. (eds.) (2024). *Social forms of religion: European and American Christianity in past and present*. Bielefeld: Transcript Verlag, 325 p. Available at: <https://www.transcript-verlag.de/media/pdf/oa9783839468265.pdf> (accessed 24.06.2025). DOI: <https://doi.org/10.1515/9783839468265>

A.R. (2012). [L. Kolberg's theory of the development of the moral subject]. *Sistema tsennostey sovremennogo obschestva* [Value system of modern society]. No. 25, pp. 19-23. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-razvitiya-moralnogo-subekta-l-kolberga> (accessed 07.05.2025).

Durkheim, E. (1995). *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, and purpose]. Moscow: Kanon Publ., 416 p. Available at: <https://www.twirpx.com/file/174557/> (accessed 07.02.2025).

Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (red. 2022) [Constitution of the Russian Federation (as amended in 2022)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_

Lunkin, R.N. (2003). [Public opinion of the Russian Orthodox Church in the educational community]. *Sutton J. and Bercken W. van den (eds.) Orthodox Christianity and contemporary Europe*. Leuven: Peters Publ., pp. 271-287.

Mead, G.H. (1934). *Mind, self, and society*. Chicago: University of Chicago Press, 400 p. Available at: <https://archive.org/details/mindselfsocietyf00mead> (accessed 05.07.2025).

Merton, R.K. (1968). *Social theory and social structure*. New York: Free Press, 702 p.

Natsional'nyy proekt "Demografiya" (2024) [National project "Demography"]. Available at: <https://nationalprojects.ru/projects/demografiya> (accessed 07.02.2025).

Natsional'nyy proekt "Sem'ya" (2025) [National project "Family"]. Available at: <https://xn--80aapampemchfmo7a3c9ehj.xn--plai/new-projects/semya/> (accessed 07.02.2025).

Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi (2000) [The foundations of the social concept of the Russian Orthodox Church]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (accessed 07.05.2025).

Parsons, T. (1998). *Sistema sovremennykh obschestv* [The system of modern societies]. Moscow: Aspekt Press, 270 p.

Shibutani, T. (1955). Reference groups as perspectives. *American Journal of Sociology*. Vol. 60, no. 6, pp. 562–569. DOI: <https://doi.org/10.1086/221630>

Sorokin, P.A. (1992). [My philosophy is integralism]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies]. No. 10, pp. 134-139.

Strategiya Blagotvoritel'nogo fonda Eleny i Gennadiya Timchenko 2023–2032 (2022) [The strategy of the Elena and Gennady Timchenko Charitable Foundation 2023-2032]. Available at: https://fondtimchenko.ru/upload/ft_strategy.pdf (accessed 06.24.2025).

Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 «O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda» [Decree of the President of the Russian Federation No. 400 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030" dated 02.07.2021]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46663> (accessed 07.05.2025).

Ukaz Prezidenta RF ot 02.11.2022 № 809 «O Strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda» (2022) [Decree of the President of the Russian Federation No. 809 "On the strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2030" dated 02.11.2022]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48433> (accessed 07.05.2025).

Weber, M. (2003). [Class, estate, parties]. *Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo* [Personality. Culture. Society]. Vol.5, iss. 1-2, pp. 140.

Об авторе

Кудасова Юлия Александровна
аспирант кафедры общей социологии
и социальной работы

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23;
e-mail: yukudasova@yandex.ru
ResearcherID: QNZ-8159-2026

About the author

Yulia A. Kudasova
Postgraduate Student of the Department
of General Sociology and Social Work

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
7, Universitetskiy In., Nizhny Novgorod,
603000, Russia;
e-mail: yukudasova@yandex.ru
ResearcherID: QNZ-8159-2026

УДК 316.3, 314.7

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-315-329><https://elibrary.ru/erzzbp>

Поступила: 27.09.2025

Принята: 12.11.2025

Опубликована: 03.07.2026

ОЖИДАНИЯ КАК ФАКТОР СТУДЕНЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ

Стоянов Александр Сергеевич

Академия гражданской защиты МЧС России (Москва)

Изучение проблематики процессов студенческой миграции обусловлено их важностью в социально-экономическом развитии многих регионов и влиянием ожиданий студентов касательно данного процесса. Актуальность темы исследования определена значительным ростом количества мигрантов-абитуриентов, имеющих определенные ожидания, которые являются решающими в намерении будущих студентов мигрировать в другой регион. В ходе теоретического анализа изучены исследования на тему студенческой миграции с целью выявления важных ожиданий от процесса миграции. На основе анализа данных, полученных методом анкетирования (выборка стихийная, критериальная, $N = 604$), выявлены следующие научные результаты. Определены основные ожидания при студенческой миграции (ожидания $\Delta_{\text{ср}}$, %; их совпадение с реальностью $\Delta_{\text{ср}}$, %): развитая инфраструктура (+17,5; +12,0), множество исторических и культурных ценностей (+14,4; +14,9), возможность завести полезные знакомства для карьерного роста (+13,8; +6,7). В то же время факторы, которые автору данной статьи казались значимыми, для студентов оказались наименее ожидаемыми: наличие общежития (-20,1; -23,9), более благоприятный климат (-17,1; -8,8), студенческие льготы (-15,5; -15,8). В результате факторного анализа миграционных ожиданий были определены три основных компонента, влияющие на студенческую миграцию: улучшенные возможности для благоприятных социальных контактов, увеличенные расходы на благоприятные инфраструктуру и климат, социальная поддержка ВУЗа. Делается вывод, что студенты больше ожидают реализации внешних социальных факторов при миграции, нежели внутренних, что подтверждается и другими исследователями. Полученные данные могут быть полезны в реализации миграционной молодежной политики органов государственного и регионального управления, а также дальнейшего развития образовательных учреждений и формирования их политики.

Ключевые слова: студенческая миграция, ожидания, реальность, образовательная миграция, факторы миграции, регион, образование, переезд.

Для цитирования:

Стоянов А.С. Ожидания как фактор студенческой миграции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 2. С. 315–329. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-315-329>. EDN: ERZZBP

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-315-329>

Received: 27.09.2025

Accepted: 12.11.2025

Published: 03.07.2026

EXPECTATIONS AS A FACTOR OF STUDENT MIGRATION

Alexander S. Stoyanov

EMERCOM Academy of Civil Defense (Moscow)

The issues of student migration deserve research attention due to the importance of such migration in the socio-economic development of many regions and the influence of students' expectations regarding this process. The relevance of the research is determined by a significant increase in the number of migrant

applicants, who have certain expectations that are decisive in their intention to migrate to another region. In the course of theoretical analysis, the author reviewed domestic and foreign studies on student migration in order to identify important expectations from the migration process. Based on the analysis of data obtained through the questionnaire method (accidental sampling, criterion sampling, N = 604), the following scientific results were obtained. The main expectations in student migration were determined (expectations Δ_{av} , %; their correspondence with reality Δ_{av} , %): developed infrastructure (+17.5; +12.0); a wealth of historical and cultural heritage (+14.4; +14.9); opportunities for career-oriented networking (+13.8; +6.7). At the same time, the factors that the authors considered significant turned out to be the least expected by students: the availability of student accommodation (-20.1; -23.9); a more favorable climate (-7.1; -8.8); student benefits (-15.5; -15.8). Factor analysis of migration expectations identified three main components influencing student migration: broader opportunities for social networking; higher living costs due to developed infrastructure and a favorable climate; social support provided by the university. The article concludes that students tend to expect the implementation of external social factors during migration more than of internal ones, which is confirmed by other researchers. The data obtained can be useful in the implementation of youth migration policy of state and regional government bodies, as well as for further development of educational institutions and the formation of their policies.

Keywords: student migration, expectations, reality, educational migration, migration factors, region, education, relocation.

To cite:

Stoyanov A.S. [Expectations as a factor of student migration]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 2, pp. 315–329 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-315-329>, EDN: ERZZBP

Введение

Студенческая миграция занимает важное место в социально-экономическом развитии многих регионов, увеличивая численность трудоспособного населения. Ежегодно в российские вузы поступает более 1,2 млн человек, из них около 0,5 млн мигрируют из других регионов¹. Основные скопления образовательных учреждений располагаются в Москве — 21 % всех вузов России, и в Санкт-Петербурге — 8%. Молодые люди более мобильны, ориентированы на самореализацию, жаждут построить карьеру, с помощью которой достигнут финансового благополучия благодаря внутренней субъективной мотивации, где главную роль играют ожидания молодежи [Стоянов А.С., 2023, с. 20].

Оканчивая школу, молодежь сталкивается с выбором вуза, в котором они получают необхо-

димые знания и навыки для дальнейшей карьеры и жизни. На этом этапе у них формируются (в том числе благодаря воздействиям извне) ожидания касательно своего будущего: поступить в престижный вуз, после выпуска которого смогут трудоустроиться в более благоприятном регионе [Стоянов А.С., 2022, с. 27].

Актуальность исследования обусловлена значительным ростом количества мигрантов-студентов, имеющих определенные ожидания, которые являются решающими в намерении студента мигрировать в другой регион. Исследование направлено на то, чтобы выяснить, как ожидания влияют на студенческую миграцию, какова их роль в этом процессе. После совершения процесса миграции студенты сталкиваются с реальностью не только в учебе [Стоянов А.С., 2024а], но и во всех сферах жизнедеятельности, где их ожидания либо совпадают с реальностью и основные проблемы студентов решаются, либо же, наоборот, ожидания не реализуются, что приводит к разочарованиям и стрессу.

Объект исследования — миграция студентов.

¹ Миграционный прирост населения по полу, возрасту и потокам передвижения // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 08.12.2024).

Предмет исследования — ожидания как фактор миграции студентов.

Цель исследования — выявление конкретных ожиданий, влияющих на решение студентов мигрировать.

Обзор литературы

Ожидания как субъект влияния указывают на наиболее вероятное поведение участников социальных взаимодействий [Стоянов А.С., Ермолаева А.В., 2022, с. 67], ориентированных на наиболее вероятное будущее состояние среды (объекта) возможного взаимодействия [Стоянов А.С., 2022], эффективность которых подтверждена опытом совпадения ожиданий [Стоянов А.С., Адаева Е.С., 2021]. В то же время как объект влияния ожидания формируются социальной средой, где необходима предсказуемость посредством деформирования социальной реальности исходя из господствующей идеологии и достигается путем выработки и синхронизации взаимных ожиданий [Стоянов А.С., 2024b, с. 54].

Учитывая предмет исследования, следует рассмотреть и студенческие (образовательные) ожидания — это выстроенное заранее обучающимся предположение, подтверждение которого вызывает чувство удовлетворения, а если реальность оказывается иной, то возникает разочарование, досада [Луков С.В., 2019, с. 119]. К примеру, многие студенты ожидают, что после окончания вуза их карьера сразу «пойдет вверх». 92 % опрошенных студентов до поступления в университет ожидали, что их образование поможет им получить работу [Gorgodze S. et al., 2020, p. 46]. Однако выбор образовательного учреждения зависит не только от ожиданий молодежи, но и от среды, в которой они выросли.

Ученые предполагают, что образовательные ожидания формируются исходя из семейного окружения учащегося [Geven S., Foster A.G., 2021, p. 1285]. Как показали исследования, дети малообразованных и небогатых родителей (73 %) часто следуют семейной колле и не идут учиться в хороший вуз, даже если неплохо окончили школу. И наоборот, выходцы из обеспеченных семей нацелены на поступление в престижные университеты, да-

же невзирая на проблемы с успеваемостью [Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А., 2019, с. 547].

Образовательные ожидания напрямую участвуют в формировании намерения и реализации миграционного поведения, что выражается не только в самом акте миграции, но и в ее формировании (как установки и как культурного феномена) на протяжении длительного времени, начиная с момента появления желания, мыслей о возможном переезде и смене места жительства. Другими словами, студенческая миграция, основная цель которой заключается в получении образования и/или повышении квалификации, является составной частью всего миграционного потока [Лебедева Т.В., 2020, с. 233]. Однако студенческая миграция отличается от миграции населения в целом тем, что она часто носит краткосрочный характер и в большинстве случаев не мотивирована сиюминутными экономическими выгодами [Dotzel K.R., 2017, p. 678].

Некоторые исследователи отмечают, что особенностью студенческой миграции является то, что потребители образовательных услуг формируют потенциальную рабочую силу соответствующей квалификации [Velychko K.Y., Yaremenko M.O., 2020, p. 65]. Многие крупные компании располагают свои филиалы в большей степени в областях, где расположены образовательные учреждения, что облегчает студентам процесс поиска потенциального места работы. Образовательная миграция всегда открывала молодым людям доступ к новейшим технологиям, мировой культуре, высокому образованию, международному рынку труда [Стриелковски В. и др., 2020, с. 33]. Так, выявлено, что трудоустройству и будущим перспективам карьерного роста молодежь уделяется большое внимание при выборе учреждения высшего образования [Zhai K., et al., 2019].

Таким образом, процесс миграции присущ в основном молодежи, что объясняется ее мобильностью, ориентацией на самореализацию, создание карьеры, достижение финансового благополучия. Молодые люди стремятся покинуть свой родной город, переехать в более крупный и перспективный регион ради улучшения своего уровня жизни.

Многие исследователи относят миграционные ожидания к таким факторам ожиданий,

которые являются решающими в решении студента мигрировать в другой город или регион [Мурашенкова Н.В. и др., 2017, с. 79]. В исследованиях, посвященных анализу процесса решения о миграции, выявляется несколько ожиданий, влияющих на окончательное решение:

- условия жизни в городе;
- качество образования;
- наличие возможностей для дальнейшего трудоустройства [Кулибанова В.В. и др., 2018, с. 203].

Но перечисленные выше ожидаемые факторы не единственные. В значительной степени также влияет качество и доступность учебных заведений. Исследования показали, что репутация и внешний престиж университета (высокие рейтинги и позитивное освещение в СМИ) являются важными мотивационными факторами при выборе студентами учебных заведений [Ahmad S.Z., Buchanan F.R., 2017, p. 655].

Еще одним важным ожидаемым фактором миграции является место жительства до поступления в вуз, и большинство мигрировавших студентов намереваются вернуться в свой родной город после окончания вуза, поскольку условия жизни принимающего региона перестали удовлетворять возросшим за время учебы потребностям молодежи [Зайков К.С. и др., 2018, p. 236]. В исследовании, проводимом среди тайских студентов, основной причиной, по которой они хотели бы вернуться в свой родной город после окончания обучения, является тоска по семье и знакомым, прежнему месту жительства [Nghia T.L.H., 2019, p. 768].

Перспектива на дальнейшую карьеру также является ожидаемым фактором при студенческой миграции. Многие студенты ожидают того, что после получения диплома смогут найти высокооплачиваемую работу по своей специальности. Отсутствие работы в так называемых периферийных районах заставляет молодежь мигрировать в наиболее благополучные, развивающиеся региональные центры. Проживание в мегаполисе усиливает среди молодых людей тенденции жизненного планирования и мобильности, свойственные современному обществу, в том числе касающиеся места проживания в будущем [Абрамова С.Б. и др., 2019, с. 104].

Уровень дохода в маленьких городах невысок, поэтому молодые люди стремятся переехать ради улучшения своего финансового положения. Как показали исследования, проводимые в Пакистане, Индии и Бангладеш, экономические факторы, такие как безработица и низкая заработная плата, являются наиболее значимыми причинами в случае студенческой миграции [Khan Y. et al., 2018, p. 207].

С другой стороны, учитывать социокультурные особенности миграционных ожиданий студентов разных стран намного сложнее по сравнению со студенческими миграционными практиками по причине именно несовпадения ожиданий с реальностью. Так, по результатам исследований, в среднем «для нормальной жизни» студентам требуется уровень дохода, близкий к зарплатам жителей всего нескольких регионов России — Москвы, Ханты-Мансийского АО, Ямало-Ненецкого АО и т.п. Средняя зарплата в малых городах в 2 раза меньше ожидаемой молодежью [Мкртчян Н.В., 2017, с. 231]. Отсюда и такой большой отток молодежи из малых городов России.

Для развития периферийных, неперспективных регионов государству также следует обратить внимание на увеличение числа филиалов образовательных учреждений, чтобы распределить поток миграции по различным районам страны и избавиться от перегруженности некоторых регионов молодежью. По мнению исследователей, государству необходимо стремиться к созданию условий для увеличения студенческой миграции на территории Российской Федерации, поскольку она призвана решать несколько важных социально-экономических и социокультурных задач: социально-культурное развитие мигрантов, восполнение нехватки трудовых ресурсов регионов, рост производительности труда [Кузнецова А.Р., 2019, с. 61].

Методология и методы

Чтобы определить факторы, влияющие на решение молодежи мигрировать, автором был применен метод онлайн-анкетирования. Электронная авторская анкета состоит из 23 вопросов, соотносимых со структурой миграционных ожиданий в соответствии с социализирующими и институциональными

факторами, где выделены следующие основные блоки: социально-образовательный, инфраструктурный, социально-культурный и социально-экономический. Структура миграционных ожиданий представлена в табл. 1.

Исследование проводилось с ноября 2021 г. по февраль 2022 г. Доступная стихийная выборка при 95 % доверительном интервале и 3,14 % доверительной вероятности составила 970 человек, с ограничениями, характерными для данных онлайн-опросов, с точки зрения их внешней (External validity), внутренней (Internal validity) и конструктивной (Construct validity) валидности, где по последним двум они могут быть даже выше, чем в офлайн-опросе [Девятко И.Ф., 2010, с. 18], что совершенно оправдано в подобных исследованиях.

Представляются необходимыми дальнейшие исследования, выполненные на вариативных в социально-демографическом плане выборках. В то же время исследования ожиданий, вследствие их субъективности, ближе к качественной социологии, что значительно смягчает требования к выборке.

Далее были отобраны 604 респондента с основным признаком — студенты-мигранты, что составило 62,27 % респондентов доступной стихийной выборки, указавших, что место их обучения находится не в том же городе/регионе, в котором они родились и окончили школу. Выборка критериальная составила 604 респондента при 95 % доверительном интервале и 3,99 % доверительной вероятности при генеральной совокупности в 500 000 чел.

Среди них женщин — 58,3 %, мужчин — 41,7 %, в большинстве не состоящих в браке (86,8 %) и без детей (88,7 %). Более четверти респондентов характеризуется высоким уровнем дохода — свыше 50 тыс. руб. на каждого члена семьи (27,2 %). Другие результаты распределились почти равномерно: 19,9 % респондентов — 20–30 тыс. руб., 17,9 % отметили доход 16–20 тыс. руб., по 13,9 % указали 30–50 тыс. руб. и 10–15 тыс. руб., а 7,2% — менее 10 тыс. руб.

Основная возрастная категория опрошенных: 17–20 лет (70,9 %) и 21–24 года (21,2 %), что является средним возрастом студентов вузов, остальные 7,9 % — 25–30 лет. Это подтверждается ответом респондентов на

вопрос об образовании — подавляющее большинство получает первое высшее образование на данный момент (78,1 %). Остальные респонденты имеют неоконченное высшее образование (9,9 %), окончили колледж и учатся в вузе (6,6 %) или получают второе высшее образование (5,4 %). Это позволяет достаточно объективно сделать выводы о нынешнем отношении молодежи к образовательной миграции.

На момент опроса 73,5 % опрошенных проживают в Москве. Остальная часть опрошенных проживает в менее крупных населенных пунктах: с населением более 1 млн чел. — 7,3 %; 500 тыс.–1 млн чел. — 7,3 %, 100–500 тыс. чел. — 7,3 %; до 100 тыс. чел. — 5,2 %.

Однако на вопрос о месте рождения города и населенные пункты московской области указало 44,4 % респондентов, что говорит о факте миграции из своих городов рождения в столицу. Что касается других вариантов менее населенных городов, количество выбравших их респондентов тоже увеличилось: с населением более 1 млн чел. — 9,3 %, с населением 0,5–1 млн чел. — 11,9 %, с населением 100–500 тыс. чел. — 15,9 %, с населением до 100 тыс. чел. — 13,2 %, село и т.п. — 5,3 %.

На вопрос, позволяющий определить направление миграции, «Является ли город/регион получения высшего образования крупнее, чем город/регион, в котором Вы получили школьное образование?», положительно ответили 54,3 % респондентов, отрицательно — 37,7 %, 8 % затруднились с ответом. Другими словами, в студенческой миграции величина города/региона играет роль в более чем в половине случаев.

Статистическая обработка результатов велась при помощи программы IBM SPSS Statistics 27.0.1, в частности осуществлен факторный анализ миграционных ожиданий (метод выделения факторов: метод главных компонент; метод вращения: вари-макс с нормализацией Кайзера).

Результаты и обсуждение

На вопрос «Почему Вы решили поступать в вуз в другом городе/регионе?» менее четверти опрошенных (23,2 %) указали, что в вузах

крупных городов более качественное образование. Интересно, что так ответили лишь те респонденты, которые ранее указали, что родились в городах с численностью населения более 1 млн человек и сейчас проживают там, либо переехали в Москву и Московскую область. Вариант ответа «Учеба в вузе в большом городе — это возможность завести полезные связи и знакомства» выбрали 20,5 % респондентов, а вариант «Это шанс получить высокооплачиваемую работу после окончания вуза» — 17,2 %. Все они оказались среди тех, кто ранее отметил, что родились в городах с населением менее 1 млн человек и местом фактического проживания указали города с численностью населения более 1 млн человек или Москву и Московскую область. Однако 39 % опрошенных указали вариант «Другая причина». В целом полученные результаты подтверждают факторы, влияющие на решение молодежи мигрировать, которые описывались ранее другими исследователями [Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А., 2019; Gorgodze S. et al., 2020; Nghia T.L.H., 2019 и др.].

Что касается осознанности выбора, респондентам был задан вопрос «Был ли Ваш переезд в связи с поступлением в вуз

целенаправленным?», где более половины (55,6 %) ответили положительно: 41,7 % опрошенных с уверенностью ответили положительно; 13,9 % выбрали вариант «скорее да, чем нет». Менее трети респондентов (29,2 %) склонились к отрицательному ответу: 9,3 % выбрали вариант «скорее нет, чем да» и 19,9 % процентов ответили отрицательно. При этом много затруднившихся с ответом (15,2 %), что позволяет сделать вывод о том, что не все молодые люди готовятся к тому, чтобы покинуть родной город, что говорит о некой «стихийности» данного процесса.

Далее следовали вопросы, которые помогли выявить, какие у студентов присутствуют ожидания касательно миграции, и насколько в итоге они совпали с реальностью. Таблица *миграционных ожиданий* (факторов) позволила проследить, какие ожидания играют наибольшую роль в процессе принятия решения молодежи мигрировать. Таблица *совпадений миграционных ожиданий с реальностью* позволила выявить, какие ожидания у респондентов в итоге совпали с реальностью. Для удобства анализа результатов таблицы ожиданий и совпадений с реальностью были объединены в одну (табл. 1).

Таблица 1. Показатели факторов миграционных ожиданий и их совпадений с реальностью (0 – никак не ожидал / отсутствие совпадения, 1 – минимально ожидал / минимальное совпадение, 2 – в основном ожидал / неполное совпадение, 3 – существенно ожидал / полное совпадение, 4 – очень ждал / превзошло все ожидания, Δ ср, % – отклонение от среднего)

Table 1. Migration expectation factors and their coincidence with reality (where: 0 – did not expect at all / no match, 1 – minimally expected / minimal match, 2 – mostly expected / incomplete match, 3 – significantly expected / complete match, 4 – very much expected / exceeded all expectations, Δ avg, % – deviation from the average)

Фактор миграции	Ожидания, %, баллы						Реальность, % / баллы					
	0	1	2	3	4	Δ ср,% Итог Δavg,% Total	0	1	2	3	4	Δ ср,% Итог Δavg,% Total
Более широкий выбор ВУЗов	17,9	12,1	23,6	17,1	29,3	-1,9%	19,3	5,7	18,6	33,6	22,9	-1,3%
	0	12,1	47,2	51,3	117	227,8	0	5,7	37,2	101	91,6	235,3
Более качественное образование	13,6	11,4	17,9	20	37,1	10,0%	16,2	6,2	20,8	34,6	22,3	1,1%
	0	11,4	35,8	60	148	255,6	0	6,2	41,6	104	89,2	240,8
Студенческие льготы	24,3	16,4	19,3	18,6	21,4	-15,5%	22,9	9,3	27,1	25,7	15	-15,8%
	0	16,4	38,6	55,8	85,6	196,4	0	9,3	54,2	77,1	60	200,6
Наличие общежития	30	16,4	13,6	17,9	22,1	-20,1%	32,9	10,7	14,3	26,4	15,7	-23,9%

СОЦИОЛОГИЯ

	0	16,4	27,2	53,7	88,4	185,7	0	10,7	28,6	79,2	62,8	181,3
Более удобное расположение места жительства относительно ВУЗа	23,6	16,4	15,7	20,7	23,6	-12,1%	22,1	12,9	22,9	24,3	17,9	-14,7%
	0	16,4	31,4	62,1	94,4	204,3	0	12,9	45,8	72,9	71,6	203,2
Высокая транспортная доступность ВУЗа относительно места жительства	17	12	21	23	27	-0,6%	21,4	12,9	15,7	30	20	-10,1%
	0	12	42	69	108	231	0	12,9	31,4	90	80	214,3
Высокая транспортная доступность работы относительно места жительства	17,1	14,3	19,3	25	24,3	-3,1%	17,1	13,6	19,3	29,3	20,7	-6,5%
	0	14,3	38,6	75	97,2	225,1	0	13,6	38,6	87,9	82,8	222,9
Развитая инфраструктура города	9,3	12	15,7	19,3	42,9	17,5%	12,1	7,1	17,1	29,3	34,4	12,0%
	0	12	31,4	57,9	172	272,9	0	7,1	34,2	87,9	138	266,8
Более благоприятный климат	22,9	17,1	21,4	21,4	17,1	-17,1%	17,9	11,4	24,3	28,6	17,9	-8,8%
	0	17,1	42,8	64,2	68,4	192,5	0	11,4	48,6	85,8	71,6	217,4
Высокая общая городская культура	11,4	18,6	15,7	27,1	27,1	3,2%	12,9	7,9	19,3	32,1	27,9	6,8%
	0	18,6	31,4	81,3	108	239,7	0	7,9	38,6	96,3	112	254,4
Расширенные возможности проведения досуга (кинотеатры, кафе, парки и т.д.)	12,8	12	18	28,6	28,6	6,8%	11,4	8,6	17,1	25,7	37,1	12,6%
	0	12	36	85,8	114	248,2	0	8,6	34,2	77,1	148	268,3
Множество исторических и культурных ценностей (музеи, театры и т.п.)	13,6	10,7	12,1	23,6	40	14,4%	11,4	5,7	19,3	25	38,6	14,9%
	0	10,7	24,2	70,8	160	265,7	0	5,7	38,6	75	154	273,7
Высокий средний уровень з/п по региону	14,3	10,7	25	18,6	31,4	4,2%	12,1	11,4	21,4	28,6	26,4	3,1%
	0	10,7	50	55,8	126	242,1	0	11,4	42,8	85,8	106	245,6
Высокие расходы на аренду квартиры	17,9	10,7	23,6	20,7	27,1	-1,7%	14,3	5,7	17,9	30	32,1	9,1%
	0	10,7	47,2	62,1	108	228,4	0	5,7	35,8	90	128	259,9
Высокие расходы на еду	16,4	12,9	25	25,7	20	-5,3%	12,1	7,1	22,9	32,1	25,7	5,8%
	0	12,9	50	77,1	80	220	0	7,1	45,8	96,3	103	252
Высокие расходы на транспорт	17,9	11,4	24,3	22,1	24,3	-3,8%	13,6	7,9	20,7	32,9	25	4,1%
	0	11,4	48,6	66,3	97,2	223,5	0	7,9	41,4	98,7	100	248
Высокий общий уровень жизни	13,6	12,1	20,7	27,9	25,7	3,3%	13,6	7,9	20	29,3	29,3	6,2%
	0	12,1	41,4	83,7	103	240	0	7,9	40	87,9	117	253

Высокая вероятность трудоустройства по специальности	14,3	9,3	20	24,3	32,1	7,9%	16,4	7,9	20,7	33,6	21,4	-1,1%
	0	9,3	40	72,9	128	250,6	0	7,9	41,4	101	85,6	235,7
Возможность завести полезные знакомства для карьерного роста	12,9	9,3	18,6	19,3	40	13,8%	13,6	6,4	20	32,1	27,9	6,7%
	0	9,3	37,2	57,9	160	264,4	0	6,4	40	96,3	112	254,3

Для того, чтобы ранжировать ожидания, было выведено среднее значение по баллам ожиданий (232) и баллам совпадения с реальностью (238). Факторы ожиданий, оказавшиеся выше среднего значения и ниже среднего значения, были распределены на ожидаемые и неожиданные соответственно.

Наиболее ожидаемыми для респондентов оказались следующие факторы (Δ ср):

- развитая инфраструктура города (+17,5 %);
- множество исторических и культурных ценностей (+14,4 %);
- возможность завести полезные знакомства для карьерного роста (+13,8 %).

Интересно, что большинство данных ожиданий оказались теми, что в итоге совпали с реальностью, а некоторые даже превзошли все ожидания респондентов. Исходя из списка наиболее ожидаемых факторов, можно сделать вывод, что у студентов-мигрантов на первом месте стоит внешняя социальная составляющая и условия жизни города будущего проживания, а также досуг, что в итоге исполняется. Эти же результаты подтверждаются и другими исследователями [Zhai K. et al., 2019; Кулибанова В.В. и др., 2018].

Однако ожидания «более качественное образование» и «высокая вероятность трудоустройства по специальности» не совпали и несколько разочаровали респондентов, хотя были одними из самых ожидаемых нами. Такой же результат получился и в малазийском исследовании [Ahmad S.Z., Buchanan F.R., 2017]. Так, ожидание «более широкий выбор вузов» также не является приоритетным для

наших респондентов (-1,9 %), чего в итоге и не оказалось в реальности (-1,3 %).

Ожидания «высокая транспортная доступность вуза относительно места жительства» (-0,6 %) и «высокая транспортная доступность работы относительно места жительства» (-3,1 %) явно не в приоритете. Другими словами, респондентам не важно, сколько времени придется тратить на то, чтобы добраться до места работы или учебы, и в итоге их ожидания подтвердились.

Ожиданиями, которые получили наименьшее количество баллов ожиданий, являются следующие (Δ ср):

- наличие общежития (-20,1 %);
- более благоприятный климат (-17,1 %);
- студенческие льготы (-15,5 %);
- высокие расходы на еду (-5,3 %);
- высокие расходы на транспорт (-3,8 %);
- высокие расходы на аренду квартиры (-1,7 %).

Эти данные позволяют сделать вывод, что студенты-мигранты не думают о будущих расходах, поскольку, скорее всего, их все еще обеспечивают родители, либо воспринимают их как некую плату за более благоприятные социальные условия. Что касается различных социальных льгот (поддержка от вуза), то такие ожидания также являются одними из наименее значимых, и в то же время они совпали с реальностью.

В результате факторного анализа миграционных ожиданий студентов (табл. 2) были определены основные компоненты, влияющие на них.

Таблица 2. Факторный анализ миграционных ожиданий

Table 2. Factor analysis of migration expectations

Ожидания + Реальность	Компонент		
	1	2	3
Развитая инфраструктура города	0,984		
Множество исторических и культурных ценностей (музеи, театры и т.п.)	0,952		
Возможность завести полезные знакомства для карьерного роста	0,935		
Расширенные возможности проведения досуга (кинотеатры, кафе, парки и т.д.)	0,907		
Высокий средний уровень з/п по региону	0,873		
Более качественное образование	0,850		0,406
Высокий общий уровень жизни	0,849	0,483	
Высокие расходы на аренду квартиры	0,837	0,421	
Высокая общая городская культура	0,836		
Высокая вероятность трудоустройства по специальности	0,816		
Высокая транспортная доступность работы относительно места жительства	0,739	0,508	
Высокая транспортная доступность вуза относительно места жительства	0,725		0,461
Более широкий выбор вузов	0,723	0,405	0,469
Более благоприятный климат		0,874	0,452
Высокие расходы на еду	0,611	0,786	
Высокие расходы на транспорт	0,717	0,648	
Студенческие льготы		0,513	0,790
Наличие общежития			0,919
Более удобное расположение места жительства относительно вуза			0,858

Так, наиболее выраженным влиянием обладают следующие *ожидания*:

1. Улучшенные возможности для благоприятных социальных контактов;
2. Увеличенные расходы на благоприятную инфраструктуру и климат;
3. Социальная поддержка вуза.

Это соотносится с полученными выводами других исследователей [Zhai K. et al., 2019; Ahmad S.Z., Buchanan F.R., 2017; Кулибанова В.В. и др., 2018].

Респондентам также был задан вопрос: «Как Вы оцениваете изменения Вашей жизни в целом после переезда в другой город/регион?» Более половины респондентов (57,9 %) отметили улучшения их жизни в целом, выбрав варианты «улучшилось» и «скорее улучшилось», что в процентном соотношении составляет 28,6 % и 29,3 % соответственно. Стоит отметить, что большинство ответивших на этот вопрос переехали жить в крупные мегаполисы. 17,9 % опрошенных считают, что переезд никак не изменил их жизнь, и всего

лишь 10 % отметили изменения в худшую сторону. 14,3 % затруднились с ответом.

На вопрос «После окончания вуза, планируете ли Вы оставаться в данном городе/регионе для дальнейшей жизни?», большинство респондентов (64,3 %) ответило положительно; 25 % планирует покинуть город своего обучения; 10,7 % затруднились с ответом.

Чтобы понять причины желания покинуть нынешнее место жительства, респондентам был задан вопрос: «Что Вас не устраивает в регионе обучения?» По 9,3 % опрошенных указали отсутствие карьерных возможностей и ухудшение уровня жизни по сравнению с прошлым местом жительства. 8,6 % отметили неудовлетворенность экономическим положением города/региона, и еще 6,4 % — неудовлетворенность качеством полученного образования. Остальные 66,4 % оказались всем довольны.

При анализе ответов на вопрос «Какие проблемы, по Вашему мнению, могут произойти при миграции в другой город?» бы-

ли выявлены 4 основные проблемы: поиск и съем жилья, финансовые трудности — получили по 21,4 % голосов; редкое общение с близкими и поиск работы (подработки) — по 20,7 % респондентов. Еще 3,6 % указали проблемы с экологией, а 12,2 % не смогли определиться.

На этапе планирования переезда следует учитывать все вышеуказанные особенности, поэтому респондентам был задан вопрос: «Задумывались ли Вы об этих проблемах на этапе планирования миграции?» Более половины (58,6 %) ответили утвердительно, около трети (27,8 %) указали, что не задумывались о подобном, и 13,6 % затрудняются с ответом.

На вопрос «Что, по Вашему мнению, может облегчить процесс миграции в другой город?» респонденты отметили: наличие финансовой подушки (36,4 %), наличие друзей/родственников в городе (23,6 %), помощь родителей и близких (18,6 %), а также работа (10 %). Затруднились с ответом — 9,3 %; другое — 2,1 %.

На вопрос «Посоветовали ли Вы кому-либо из родственников и знакомых уехать учиться в вуз в другой город/регион?» положительно ответила бóльшая часть опрошенных — 66,4 %. В большей степени с этим согласны те, кто столкнулся со многими проблемами, описанными выше, однако они также тщательно планировали свой переезд и были готовы преодолеть все трудности. Затруднились с ответом — 10 %.

И наконец, на вопрос «Хотели бы Вы вновь переехать учиться в другой город/регион?» 40 % респондентов ответили положительно, 12,1 % затруднились с ответом. Около половины респондентов (47,8 % – 289 чел.) не желают больше никуда переезжать. Проанализировав ответы тех, кто не хотел бы совершать процесс миграции еще раз, прослеживается следующая динамика: подавляющее большинство из них (194 человек из 289, что составляет 67,1 %) задумывалось об этих проблемах на этапе планирования переезда. Это говорит о том, что, несмотря на тщательное планирование миграции, прогнозирование всевозможных трудностей и проблем этими людьми, невозможно на 100 % предотвратить их появление и, даже будучи готовыми к ним, реальность

порой бывает непредсказуема и не соответствует ожиданиям.

При уточнении: «Если хотите снова переехать учиться в другой город/регион, то в какой?», большинство выбрало крупные города и столицы всего мира — Санкт-Петербург (15,7 %), Москва (12,1 %), Нью-Йорк (8,6 %), Лондон (8,6 %), Берлин (6,4 %), Калининград (4,3 %), Париж (3,6 %).

Заключение

В ходе проведенного теоретического обзора научных источников, ограниченного предметом исследования — рассмотрением ожиданий как отдельного фактора миграции студентов с учетом опыта исследователей разных стран, выяснилось, что есть существенный пробел в отечественных исследованиях по данной тематике.

Рассматривая ожидания как объект и субъект влияния мы пришли к выводу, что многие ожидания формируются в среде, в которой человек растет и развивается. И как было обозначено ранее, студенческие ожидания напрямую участвуют в формировании намерения и в самой реализации образовательной миграции. Также отмечено, что студенческие ожидания влияют на их поведение после переезда, где человек сталкивается с реальностью, которая может существенно разниться с его ожиданиями. Это требует учета в миграционной политике в «дифференциации российских регионов и реализации стратегий их социально-экономического развития» [Савельев И.А., 2024, с. 97].

Проведенное исследование позволило выделить наиболее ожидаемые внешние социальные составляющие, существенно влияющие на процесс студенческой миграции: общий уровень жизни города будущего проживания, а также возможность провести досуг. С другой стороны, исследователями «в отношении сформировавшейся тенденции изменений ожиданий... отмечается в целом устойчивая открытость студентов к возможностям занятости и проживания по экономическим причинам на территории других стран, ... однако по мере обучения в вузе стремления к трудовой миграции по экономическим причинам имеет тенденцию снижения» [Гневашева В.А., 2019, с. 399].

В то же время, такие факторы, которые, по мнению автора данной статьи, казались значимыми, для студентов оказались наименее ожидаемыми, даже безразличными: студенческие льготы, более благоприятный климат, наличие общежития. Это «оставляет открытым вопрос о разработке комплексного социологического мониторинга реализации стратегических документов регионального развития» [Савельев И.А., 2022], в том числе в вопросах региональной студенческой миграции.

На основании полученных данных, было выявлено, что все основные ожидаемые факторы, имеющие влияние на решение респондентами мигрировать, в дальнейшем совпали с реальностью. Что также подтверждено другими исследователями, которые отмечают, что «ожидания большинства студентов-мигрантов от переезда оправдались, ...миграционные установки в формате ожидания и реальности совпали» [Сагитова В.Р., 2023, с. 102]. Это позволяет сделать вывод о том, что студенты в большинстве своем здраво оценивают окружающую обстановку и перспективы миграции.

В результате факторного анализа миграционных ожиданий студентов были определены основные компоненты, влияющие на них: улучшенные возможности для благоприятных социальных контактов, увеличенные расходы на благоприятные инфраструктуру и климат, социальная поддержка вуза. В то же время исследователи отмечают, что «масштабы и направленность миграционных настроений студентов связаны с локально-территориальными особенностями поселения, в котором они проживали до поступления в вуз» [Куконков П.И., Устинкин С.В., 2024]. Это говорит о необходимости формирования у абитуриентов и студентов ожиданий, как на региональном, так и на федеральном уровнях, что впоследствии поможет избежать разочарования при столкновении с реальностью. С другой стороны, взвешенная региональная политика формирования миграционных ожиданий позволит избежать проблем оттока человеческого капитала в будущем.

Выражение признательности

Автор выражает глубокую признательность Казаковой Евдокии Денисовне (kazakova.evdokya@yandex.ru) за помощь в

сборе и первичной обработке материалов исследования.

Acknowledgements

The author expresses his deep gratitude to Evdokia Denisovna Kazakova (kazakova.evdokya@yandex.ru) for her help in the collection and primary processing of the study materials.

Список литературы

Абрамова С.Б., Антонова Н.Л., Пименова О.И. Привлекательность города как фактор территориальной мобильности в оценках студентов (на примере города Екатеринбург) // Образование и наука. 2019. Т. 21. С. 97–123. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-1-97-123> EDN: YYTEKL

Гневашева В.А. Миграционные ожидания Российской студенческой молодежи // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции / под ред. Рязанцева С.В., Ростовской Т.К. М.: Экон-Информ, 2019. С. 398–400. EDN: RGGYK

Девятко И.Ф. Онлайн исследования и методология социальных наук: новые горизонты, новые (и не столь новые) трудности // Онлайн-исследования в России 2.0 / под ред. Шашкина А.В., Девятко И.Ф., Давыдова С.Г. М.: Северо-Восток, 2010. С. 17–30. EDN: XRJYFL

Зайков К.С., Каторин И.В., Тамицкий А.М. Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 3. С. 230–247. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15> EDN: XTJZTV

Кузнецова А.Р. Тенденции образовательной миграции в Российской Федерации // Siberian Socium. 2019. Т. 3, № 2. С. 52–65. DOI: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-2-52-65> EDN: KPLYTB

Куконков П.И., Устинкин С.В. Локально-территориальные факторы миграционных настроений в студенческой среде // Власть. 2024. Т. 32, № 5. С. 192–203. DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-5-192-203> EDN: MHTDNR

Кулибанова В.В., Приходько А.Н., Тэор Т.Р. Факторы повышения конкурентной привлекательности мегаполиса для молодежной миграции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11, №

4. С. 200–211. DOI: <https://doi.org/10.18721/JE.11415> EDN: XYQSCUP
Лебедева Т.В. Теоретические основы изучения социальных аспектов международной учебной миграции // ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ научной деятельности: СТРАТЕГИЯ, ЗАДАЧИ, ВНЕДРЕНИЕ: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 14 мая 2020 года. Часть 2. Уфа: ОМЕГА САЙНС, 2020. С. 232–242. EDN BEGONJ
- Луков С.В.* Вуз, организация учебного процесса в нем: удовлетворенность и ожидания студентов // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 3. С. 118–148. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2019.3.11> EDN: OXPJSB
- Мкртчян Н.В.* Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1(137). С. 225–242. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15> EDN: YORVWV
- Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Бражник Ю.В.* Психологический анализ миграционных ожиданий соотечественников, переселяющихся в Россию из Украины и других стран // Психолог. 2017. № 5. С. 77–91. EDN: ZOFXWZ
- Савельев И.А.* Полисубъектность как фактор социального развития в контексте диалогизации и дифференциации отношений «центр – регионы» в федеративном государстве // Философские науки. 2024. Т. 67, № 2. С. 97–116. DOI: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2024-67-2-97-116> EDN: PNVVDY
- Савельев И.А.* Реализация стратегии социально-экономического развития регионов РФ в контексте снижения негативных последствий социально-экономических неравенств // Вопросы управления. 2022. № 6(79). С. 36–47. DOI: <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-6-36-47> EDN: SGOSZW
- Сагитова В.Р.* Ценности и установки студентов-мигрантов в РФ // Российские исследования. 2023. Т. 4, № 1. С. 95–111. EDN: ZHLUNE
- Стоянов А.С.* Киберсоциальность: ожидания личного и социального в диалектике реальностей // Социология. 2024. № 9. С. 54–62. EDN: IGIINT
- Стоянов А.С.* Ожидания в социально-воспитательной работе вуза: курсанты vs студенты (на примере АГЗ МЧС России) // Социология. 2022. № 4. С. 24–35. EDN: IPZJBV
- Стоянов А.С.* Ожидания как фактор инициации табакокурения молодежи // Здоровье населения и среда обитания – ЗНиСО. 2023. Т. 31, № 1. С. 20–28. DOI: <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2023-31-1-20-28> EDN: ZAKBSQ
- Стоянов А.С.* Социальные факторы академической прокрастинации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. № 2. С. 260–272. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-260-272> EDN: SAWCMO
- Стоянов А.С., Адаева Е.С.* Ожидания как фактор потребительской лояльности к фармацевтическому препарату: бренд vs дженерик (на примере ибупрофена) // Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание]. 2021. Т. 67, № 4. Ст. 14. DOI: <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2021-67-4-14> EDN: OKOUBY
- Стоянов А.С., Ермолаева А.В.* Ожидания как фактор миграции трудоспособного населения // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 2(77). С. 67–80. DOI: <https://doi.org/10.26105/SSPU.2022.77.2.008> EDN: AFALYH
- Стриелковски В., Киселева Л.С., Синева А.Ю.* Тенденции международной образовательной миграции (на примере Финляндии) // Интеграция образования. 2020. Т. 24, № 1. С. 32–49. DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.098.024.202001.032-049> EDN: CGPERX
- Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А.* Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17, № 4. С. 539–554. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554> EDN: ZVTCLN
- Ahmad S.Z., Buchanan F.R.* Motivation factors in students' decision to study at international branch campuses in Malaysia // Studies in Higher Education. 2017. Vol. 42, № 4. P. 651–668.
- Dotzel K.R.* Do natural amenities influence undergraduate student migration decisions? // The Annals of Regional Science. 2017. Vol. 59, № 3. P. 677–705. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00168-016-0765-6> EDN: MMQASQ
- Geven S., Foster A.G.* The adaptation of educational expectations in response to ability tracking: Variations by migration background // The British journal of sociology. 2021. Vol. 72, № 5. P. 1284–1310. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12886> EDN: JCVIBP
- Gorgodze S., Macharashvili L., Kamladze A.* Learning for Earning: Student Expectations and Perceptions of University // International Education Studies. 2020. Vol. 13. P. 42–53. DOI: <https://doi.org/10.5539/ies.v13n1p42>
- Khan Y., Hassan T., Yi W.M., Gulzar R.* A Comparative Analysis Based on Economic Factors of Students Emigration from South Asia // Asian Journal of Economics and Empirical Research. 2018.

Vol. 5, № 2. P. 201–208. DOI: <https://doi.org/10.20448/journal.501.2018.52.201.208>

Zhai K, Gao X, Wang G. Factors for Chinese students choosing Australian higher education and motivation for returning: A systematic review // Sage Open. 2019. Vol. 9, № 2. Art. 2158244019850263. DOI: <https://doi.org/10.1177/2158244019850263>

Nghia T.L.H. Motivations for studying abroad and immigration intentions: The case of Vietnamese students // Journal of International Students. 2019. Vol. 9, № 3. P. 758–776. DOI: <https://doi.org/10.32674/jis.v0i0.731>

Velychko K.Y., Yaremenko M.O. The phenomenon of student migration in Ukraine // Бизнес Информ. 2020. № 5(508). P. 62–70. DOI: <https://doi.org/10.32983/2222-4459-2020-5-62-70> EDN: DAZJKL

References

Abramova, S.B., Antonova, N.L. and Pimenova, O.I. (2019). [Attractiveness of a city as a factor of territorial mobility in student estimates (on the example of Ekaterinburg)]. *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal]. Vol. 21, no. 1, pp. 97-123. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-1-97-123>

Ahmad, S.Z. and Buchanan, F.R. (2017). Motivation factors in students' decision to study at international branch campuses in Malaysia. *Studies in Higher Education*. Vol. 42, no. 44, pp. 651-668. DOI: <https://doi.org/10.1080/03075079.2015.1067604>

Devyatko, I.F. (2010). [Online research and methodology of social sciences: new horizons, new (and not so new) difficulties]. *Onlayn-issledovaniya v Rossii 2.0, pod red. Shashkina A.V., Devyatko I.F., Davydova S.G.* [Shashkin A.V., Devyatko I.F., Davydov S.G. (eds.) Online research in Russia 2.0]. Moscow: Severo-Vostok Publ., pp. 17-30.

Dotzel, K.R. (2017). Do natural amenities influence undergraduate student migration decisions? *The Annals of Regional Science*. Vol. 59, no. 3, pp. 677-705. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00168-016-0765-6>

Geven, S. and Foster, A.G. (2021). The adaptation of educational expectations in response to ability tracking: Variations by migration background. *The British Journal of Sociology*. Vol. 72, no. 5, pp. 1-27. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12886>

Gnevasheva, V.A. (2019). [Migration expectations of Russian student youth]. *Natsiona'nye demograficheskie priority: novye podkhody, tendentsii, pod red. Ryazantseva S.V., Rostovskoy T.K.* [Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K. (eds.) National demographic priorities: new approaches, trends]. Moscow: Ekon-Inform Publ., pp. 398-400.

Gorgodze, S., Macharashvili, L. and Kamladze, A. (2020). Learning for earning: Student expectations and perceptions of university. *International Education Studies*. Vol. 13, pp. 42-53. DOI: <https://doi.org/10.5539/ies.v13n1p42>

Havenson, T.E. and Chirkina, T.A. (2019). [Student educational choice after the 9th and 11th grades: comparing the primary and secondary effects of family socioeconomic status]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 17, no. 4, pp. 539-554. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554>

Khan, Y., Hassan, T., Yi, W.M., Gulzar, R. (2018). A comparative analysis based on economic factors of students emigration from South Asia. *Asian Journal of Economics and Empirical Research*. Vol. 5, no. 2, pp. 201-208. DOI: <https://doi.org/10.20448/journal.501.2018.52.201.208>

Kukonkov, P.I. and Ustinkin, S.V. (2024). [Local-territorial factors of migration sentiments among students]. *Vlast'* [The Authority]. Vol. 32, no. 5, pp. 192-203. DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-5-192-203>

Kulibanova, V.V., Prikhodko, A.N. and Teor, T.R. (2018). [Factors of improving the competitive attractiveness of metropolitan areas for youth migration]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki* [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics]. Vol. 11, iss. 4, pp. 200-211.

Kuznetsova, A.R. (2019). [Trends in educational migration in the Russian Federation]. *Siberian Socium*. Vol. 3, no. 2, pp. 52-65. DOI: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-2-52-65>

Lebedeva, T.V. (2020). [Theoretical bases of studying social aspects of international educational migration]. *Innovatsionnyye tekhnologii sovremennoy nauchnoy deyatel'nosti: strategiya, zadachi, vnedreniye: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Penza, 14 maya 2020*

goda [Innovative Technologies of Modern Scientific Activity: Strategy, Tasks, Implementation: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Penza, May 14, 2020]. Ufa: Omega Science Publ., part 2, pp. 232-241.

Lukov, S.V. (2019). [Organisation of educational process at the university: students' satisfaction and expectations]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. No. 3, pp. 118-148. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2019.3.11>

Mkrtychyan, N.V. (2017). [The youth migration from small towns in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1(137), pp. 225-242. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15>

Muraschenkova, N.V., Gritsenko, V.V. and Brazhnik, Yu.V. (2017). [Psychological analysis of migration expectations of compatriots moving to Russia from Ukraine and other countries]. *Psikholog* [Psychologist]. No. 5, pp. 77-91. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2017.5.24294>

Nghia, T.L.H. (2019). Motivations for studying abroad and immigration intentions: The case of Vietnamese students", *Journal of International Students*. Vol. 9, no. 3, pp. 758-776. DOI: <https://doi.org/10.32674/jis.v0i0.731>

Sagitova, V.R. (2023). [Values and attitudes of migrant students in the Russian Federation]. *Rossiyskie issledovaniya* [Journal of Russian Studies]. Vol. 4, no. 1, pp. 95-111.

Savel'ev, I.A. (2022). [Implementing the socio-economic development strategy of the RF regions in the context of reducing negative consequences of socio-economic inequalities]. *Voprosy upravleniya* [Management Issues]. No. 6(79), pp. 36-47. DOI: <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-6-36-47>

Savel'ev, I.A. (2024). [Polysubjectivity as a factor of social development in the context of dialogization and differentiation of relations "center - regions" in a federal state]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. Vol. 67, no. 2, pp. 97-116. DOI: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2024-67-2-97-116>

Stoyanov, A.S. (2024). [Cybersociality: expectations of the personal and the social in the dialectic of realities]. *Sotsiologiya* [Sociology]. No. 9, pp. 54-62.

Stoyanov, A. S. (2023). [Expectations as a factor of tobacco smoking initiation in youth]. *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya – ZnNiSO* [Public Health and Life Environment – PH&LE]. Vol. 31, no. 1, pp. 20-28. DOI: <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2023-31-1-20-28>

Stoyanov, A.S. (2022). [Expectations in the social-upbringing work of the university: Cadets VS students (on the example of the EMERCOM Academy of Civil Defense)]. *Sotsiologiya* [Sociology]. No. 4, pp. 116-127.

Stoyanov, A.S. (2024). [Social factors of academic procrastination]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 260-272. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-260-272>

Stoyanov, A.S. and Adaeva, E.S. (2021). [Expectations as a factor of consumer loyalty to a pharmaceutical product: brand vs generic (on the example of ibuprofen)]. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya* [Social Aspects of Population Health]. Vol. 67, no. 4, art. 14. DOI: <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2021-67-4-14>

Stoyanov, A.S. and Ermolaeva, A.V. (2022). [Expectations as a factor of labor migration]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Surgut State Pedagogical University]. No. 2/77, pp. 67-80. DOI: <https://doi.org/10.26105/SSPU.2022.77.2.008>

Strielkowski, W., Kiseleva, L.S. and Sineva, A.Yu. (2020). [Trends in international educational migration: a case of Finland]. *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of Education]. Vol. 24, no. 1, pp. 32-49. DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.098.024.202001.032-049>

Velychko, K.Y. and Yaremenko, M.O. (2020). The phenomenon of student migration in Ukraine. *Biznes Inform* [Business Inform]. No. 5(508), pp. 62-70.

Zaykov, K.S., Katorin, I.V. and Tamitsky, A.M. (2018). [Migration attitudes of the students enrolled in arctic-focused higher education programs]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. Vol. 11, no. 3, pp. 230-247. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15>

Zhai, K., Gao, X. and Wang, G. (2019). Factors for Chinese students choosing Australian higher education and motivation for returning: A systematic

review. *Sage Open*. Vol. 9, no. 2, art. 2158244019850263. DOI: <https://doi.org/10.1177/2158244019850263>

Об авторе

Стоянов Александр Сергеевич

кандидат социологических наук,
доцент кафедры рекламы и связей
с общественностью

Академия гражданской защиты МЧС России,
141435, Московская обл, Химки,
ул. Соколовская, 1А;
e-mail: stoianoff@mail.ru
ResearcherID: IYJ-2697-2023

About the author

Alexander S. Stoyanov

Candidate of Sociology, Associate Professor
of the Department of Advertising and Public Relations

Civil Defence Academy EMERCOM of Russia,
1A, Sokolovskaya st., Khimki, Moscow region,
141435, Russia;
e-mail: stoianoff@mail.ru
ResearcherID: IYJ-2697-2023

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России, а также в «белый список» научных журналов.**

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Издание включено в международные базы данных **EBSCO Discovery Service, Library of Congress, WorldCat, Google Scholar, Mendeley, Ulrich's Periodicals Directory и CrossRef**, в электронные библиотеки «IPRbooks», «КиберЛенинка», «Руконт», «Урал-Пресс Округ», «Лань», **Readera (архив)**, в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматруется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 2000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на **разделы**:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.edu/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. После завершения основного текста статьи автор может добавить раздел **Выражение признательности** на русском и английском языках, в которых указывается ссылка на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или *фонд поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов, рекомендуется составлять как минимум из **15–20 источников**; рекомендуется включать в него ссылки на современные журналы и монографии на иностранных языках.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.07-2021 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.07-2021 *в алфавитном (русско-го языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: *для книг* — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; *для журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; *для материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющихся в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники *в алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «>», «<», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я
a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitoline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных книг** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennyye sposoby aktivizatsii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, V., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию*. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в переводе на английский язык (для переводных изданий приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskii analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи в переводе на английский язык в квадратных скобках: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторе автора в виде активной гиперссылки: ResearcherID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <https://publons.com/account/login/>);
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

- предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском языке следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта О.В. Кирилловой (<https://rassep.ru/academy/biblioteka/106584/>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес** fsf-vestnik@yandex.ru и дублируются на платформе <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>. Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национально-исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ перечня и реестра организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в перечень и реестр: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/>, <https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-inostrannyh-i-mezhdunarodnyh-organizacij-deyatelnost-kotoryh-priznana-nezhelatelnj-na-territorii-rossijskoj-federacii/>

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанного реестра, необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в реестр иностранных агентов Министерством юстиции РФ и дату включения:

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанных реестров необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в Реестр такой-то Министерством юстиции РФ и дату включения.

Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для авторов **бесплатные**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2026 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 1 февраля	2 апреля
в № 2 — до 1 мая	3 июля
в № 3 — до 1 августа	1 октября
в № 4 — до 1 октября	25 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published, and also on Russian «white list» of scientific journals.

The Editorial Board of the journal receipts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

5.7.1 Ontology and theory of knowledge

5.7.2 History of philosophy

5.7.7 Social and Political philosophy

5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture

5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology

5.4.1 Theory, methodology and history of sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7 Sociology of management

The journal is included in the international databases *EBSCO Discovery Service*, *Library of Congress*, *WorldCat*, *Google Scholar*, *Mendeley*, *Ulrich's Periodicals Directory* u *CrossRef*, in the digital library *IPRbooks*, *Lan*, *Readera (Archive)*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

– introduction;

– principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);

– results / discussion;

– conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

We recommend including from 15 to 20 citations in Reference list as minimum. These citations should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name without numbering. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For **resources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please **do not use footnotes**. The author can add a section Acknowledgements after the main text of the article to indicate a **project, scholarship or foundation** supporting his or her research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Authors have to send their materials into e-mail address of the Herald (fsf-vestnik@yandex.ru). In addition, submissions need to be made via our online submission system (<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>). The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript is **free**.

Submission deadlines in 2026

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	April 2
No 2 May 1	July 3
No 3 August 1	October 1
No 4 October 1	December 25

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2026
Выпуск 2

Редактор *А.С. Беляева*
Компьютерная верстка *М.К. Шишкина*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 01.07.2026
Дата выхода в свет 03.07.2026
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 20,59
Тираж 40 экз. Заказ № 141

Адрес учредителя, издателя и редакции:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
(Философско-социологический факультет)

Пермский государственный национальный исследовательский университет.
Управление издательской деятельности.
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36
Отпечатано в типографии ПГНИУ. Тел. +7 (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-Пресс»
<https://www.ural-press.ru/catalog/98131/9020596/>

Подписной индекс — 41011